

ОРДЕН
ЗНАК
ПОЧЕТА

СМЕНА

№12 ДЕКАБРЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

2013

О женщине-музе, вдохновившей многих художников,
читайте на стр. 66

Из российской истории

Светлана Бестужева-Лада **Крепостная актриса**4

Минувшее

Денис Логинов **Роксолана**16

Рассказ

Джеффри Скотт **Романтик** 32

Ольга Бенуа
и Ирина Мосман **Вы говорите по-итальянски?** 92

Штрихи к портрету

Евгения Гордиенко **Жизнь моя, как нить
за Божьими перстами**38

Неизвестное об известном

Борис Мандель **Путешествие
в мистическое бытие** 48

Поэзия

Анна Грекова **Стихи** 62

Творец и женщина

Ирина Опимах **Женщина-легенда**66

Звезды не гаснут

Майя Орлова **Итальянский вулкан**78

Это интересно

Евгения Белогорцева **Как сложно быть простым** 102

Чем живем

Артем Омельченко **Русский байкер**110

Иронический детектив

Ольга Степнова **Снегурочка в беде**118

Кроссворд. Эрудит**188**

Главный редактор, генеральный директор	Кизиллов Михаил Григорьевич
Заместитель главного редактора	Чичина Тамара Васильевна, tomasmena@mail.ru
Арт-директор	Веселова Надежда Александровна
Web-редактор	Калиша Людмила Григорьевна, smena24@mail.ru
Корректор	Чекова Валентина Михайловна
Директор по распространению	Яркина Мария Александровна, sales@smena-online.ru
Обложка	Калина. Фото Дениса Логинова
Иллюстрации	Рябинин Лев Анатольевич

**УЧРЕДИТЕЛЬ
И ИЗДАТЕЛЬ:**
**Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции
и издателя:
127994, Москва,
Бумажный пр., д.14
е-mail: jurnal@smena-online.ru

тел. (495) 612-15-07,
факс (499) 257-13-78

www.smena-online.ru

© ООО «Журнал «Смена»

Исключительные права на текстовые и фотоматериалы, публикуемые в журнале «Смена», принадлежат ООО «Журнал «Смена» и охраняются в соответствии с законодательством РФ и международными соглашениями.

Шрифт: ParaType

Отпечатано: **Филиал «Чеховский Печатный Двор»
ОАО «Первая Образцовая типография»**

Юридический адрес: 115054, г. Москва, ул. Валовая, 28
Почтовый адрес: 142300, Московская область,
г. Чехов, ул. Полиграфистов, д.1

Тираж — 7500 экз.

Зак. №4341

Цена свободная

Номер подписан в печать: 20.11.2013

Выпуск издания осуществляется при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям

Антон Кобец

17 лет, г. Шатура

ЖЕМЧУЖНЫЙ ВЕК

Был век серебряный, был золотой,
А я создам жемчужный, свой.
Развеется безвременье золой...
Лети! Лети, мой гордый век, стрелой!
Наверно, через много-много лет
Останется лишь отблеск от побед,
Воспоминанье о жемчужных далях,
Что вдохновение мне давали.
Но я желаю — пусть в века
Войдет моя жемчужная строка!
И потечет жемчужная река —
Благословите всех нас, облака!
Я знаю, век и мой пройдет,
И все забвеньем заметет...
И я уйду... И жизнь уйдет...
Тогда жемчужный дождь прольет,
И упадет жемчужная слеза
На лик святой, святыя образа...
Был век серебряный, был золотой,
А я создал жемчужный — свой!

Светлана Бестужева-Лада

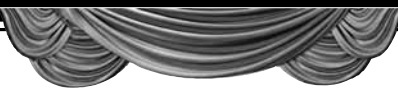

КРЕПОСТНАЯ АКТРИСА

Корни этой необыкновенной, почти сказочной истории уходят в расцвет царствования «царицы пристрашного зраку» — императрицы Анны Иоанновны. В 1743 году в Москве состоялась, как бы сейчас сказали, «свадьба века». Богатейшая невеста России,

Варвара, дочь канцлера Алексея Черкасского, любимца императрицы, почти в тридцатилетнем возрасте пошла, наконец-то, под венец. Капризная и своенравная Варвара перебрала чуть ли не всех более или менее подходящих женихов, и, то ли от равнодушия, то ли от страха оказаться безнадежной старой девой, выбрала графа Петра Борисовича Шереметева, ничем особо не отличавшегося.

Впрочем, сын первого русского графа и героя Полтавской битвы был не беднее своей невесты, он сам обладал колоссальным состоянием. А теперь, вдобавок, ему в приданое перешли громадные владения Черкасских, в том числе Марьино роца, земли близ Троицкого тракта на Сухаревке («Черкасские огороды») и Останкино, когда-то подаренное Иваном Грозным своей жене Анне Колтовской, а затем пожалованное Черкасским первым царем Романовым. А еще — многие крепостные Черкасских.

После свадьбы молодые выбрали для своего основного жительства родовое имение Шереметевых Кусково, где граф, окончательно потерявший счет деньгам, через несколько лет решил создать великолепный театр, дабы затмить им всех остальных вельмож. Страшное время Анны Иоанновны миновало, на престол взошла «веселая царица Елисавет», обожавшая танцы и маскарады, а среди аристократов зародилась мода на собственные театры, где все — от мебели до занавеса — было сделано руками крепостных умельцев, и играли на сцене тоже крепостные.

Подобного в Европе не было никогда — наоборот, актерские труппы, как цыганские таборы, скитались по городам и весям и являлись сим-

волами творческой свободы. В столичных театрах пели и танцевали приглашенные за бешеные деньги иностранные гастролеры, в основном, итальянцы. Репертуар «домашних театров» ничем не отличался от столичного, но зато с актерами можно было не церемониться.

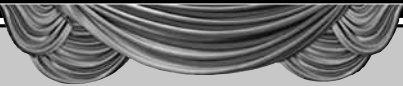
Крепостных актеров обычно держали под строгим надзором, в любой момент их могли послать работать на конюшню или поставить на запятки кареты, а то и продать. Днем — лакей или конюх, вечером — Гамлет или Цезарь. Судьба актрис была тоже непростой: любая могла стать как фавориткой хозяина, так и простой скотницей. Все зависело от барского настроения. И все-таки доля крепостных актеров считалась завидной, любая крестьянская семья меч-

тала, чтобы хоть один ребенок оказался наделен талантом танцора или красивым голосом.

Но пока Шереметеву было не до театра: он рачительно и любовно обустроивал свою любимую усадьбу — Кусково. Построил в 1749 году Голландский домик — в память об эпохе Петра I и его увлечении Голландией, приказал выкопать затейливой формы пруды, понастроил беседок. Так своеобразно утешал себя тем, что первенцем оказалась девочка, получившая при крещении имя Анна, а не мальчик —

стал прапорщиком, к совершеннолетию получил чин поручика, а в семнадцать лет был переведен на придворную службу в чине камер-юнкера.

Придворная карьера его, впрочем, не очень прельщала: через два года отпросился учиться за границу, учился в Лейденском университете, а попутно очень близко познакомился с театральной жизнью Англии, Голландии, Швейцарии. Учился игре на виолончели у парижского музыканта Ивара. Волочился за модными европейскими красавица-

Страшное время Анны Иоанновны миновало, на престол взошла «веселая царица Елисавет», обожавшая танцы и маскарады, а среди аристократов зародилась мода на собственные театры, где все — от мебели до занавеса — делалось руками крепостных умельцев, и играли на сцене тоже крепостные

наследник почти королевских богатств.

Мальчика пришлось ждать долгих семь лет, и, когда в 1751 году Николай Шереметев появился на свет, радости отца-графа не было предела, и он сделал своей супруге Варваре по истине царский подарок — подарил ей Итальянский домик в Кусково.

Время шло, мальчик рос и делал обычную для высшей аристократии того времени карьеру. С детства был записан в Преображенский полк сержантом, не выходя из детской,

ми... И совершенно не стремился назад в Россию, где его — он это точно знал! — ждал устроенный родителями выгодный брак с особой высокого происхождения и всяческие монаршьи милости: шел блистательный екатерининский век.

Но Николай Петрович оказался плохим наследником своих напыщенных и честолюбивых предков. От звона оружия и рева медных труб у него болела голова, он вообще по натуре был спокойным, добрым и скромным человеком.

Его старшая сестра, Анна, стала последней жертвой оспы в России: после того как молодая фрейлина императрицы Екатерины, завидная невеста, красавица, в двадцать лет покинула этот мир, императрица распорядилась прививать оспу. Младшая сестра, достигнув подходящего возраста, была выдана замуж за Алексея Разумовского — брата фаворита императрицы Елизаветы.

Сам Николай Петрович не спешил жениться, хотя ему шел уже четвертый десяток: возраст по тем временам солидный. Он не отказывался от своих несметных богатств, но был убежден в их суетности и непрочно-сти, поэтому не стремился «расширить и преумножить» свои владения удачной женитьбой.

При Екатерине II в течение десяти лет служил директором Московского дворянского банка, в 1784 году был избран предводителем Московского уездного дворянства, с 1786 по 1794 годы был сенатором, тайным советником. Даже непредсказуемый наследник благоволил к нему, ценил его мнение, искал его общества. А Николай Петрович все больше и больше увлекался... театром.

Вообще время Екатерины II стало эпохой расцвета крепостного театра — их насчитывалось более 200! Французский архитектор Шарль де Вальи построил и в Кусковском парке театр в итальянском стиле: старый граф следил за модой, да и привык к тому, что у него — все самое лучшее и дорогое. Сама императрица изволила пару раз посетить Ку-

сково и послушать итальянскую оперу в исполнении русских крепостных актеров. Правда, Екатерина музыку не жаловала, про себя считала ее просто «несносным шумом», но не признаваться же в этом своим европейским корреспондентам, да и вообще кому бы то ни было. Поэтому сидела в главной ложе вместе с давним сердечным другом — Станиславом Понятовским, королем Польши, и только делала вид, что наслаждается спектаклем «Самнитские браки». А главную героиню, между тем, играла молодая примадонна кусковского театра Прасковья Жемчугова (по прихоти хозяина, актерам давали фамилии по названиям драгоценных камней).

Кстати, нашел эту «жемчужину» молодой граф — Николай Петрович. Легенд об их первой встрече существует превеликое множество, равно как и версий о месте рождения будущей примадонны. Самой распространенной является знакомство знатного барина-охотника с юной пастушкой, которая гнала стадо домой. Существует даже песня, авторство которой традиционно приписывается Прасковье Жемчуговой:

*«Вечор поздно из лесочку
Я коров домой гнала...»*

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона даже называет Прасковью Ивановну «первой русской поэтессой из крестьянства». Песня была чрезвычайно популярна в XIX веке, включалась во многие песенники и сборники фольклора на протяжении двух веков и даже сегодня

*Прасковья
Ивановна
Ковалева
(Жемчугова),
графиня
Шереметева*

входит в репертуар популярных исполнителей как народная. Только, к сожалению, ничего общего с действительностью она не имеет.

Прасковья родилась в 1768 году в одном из многочисленных имений Шереметевых где-то в Ярославской

губернии в семье крепостного кузнеца. В семилетнем возрасте девочку забрали в Кусково — специальные «агенты» графа, занятые поиском новых дарований для его театра, обнаружили у миловидной девчушки незаурядные музыкальные способ-

ности. Действительно, Прасковья Ковалева обладала красивым лирико-драматическим сопрано, кроме того, она научилась прекрасно играть на клавесине и арфе, освоила французский и итальянский языки.

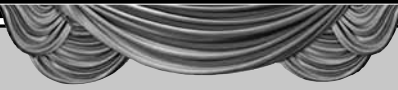
Девочка мечтала о том дне, когда сама выйдет на сцену, и тоже будет петь на глазах «у благородных». Сцена грезилась ей высшим счастьем. И когда из Европы вернулся молодой граф Николай Петрович Шереметев, то, впервые увидев Прасковью, был потрясен ее голосом.

«Если бы ангел сошел с небес, если гром и молния ударили разом, я был бы менее поражен», — писал он в одном из писем.

Ей было тогда всего восемь или девять лет, ему — 22 года. Так что ни о какой любви с первого и даже со

В 1779 году, когда ей было всего 11 лет, она дебютировала в маленькой роли служанки в опере Гретри «Опыт дружбы». А на следующий год впервые вышла на сцену уже Жемчужовой (по преданию, граф нарек так юную актрису за нежный, жемчужный голос, а по другому преданию, псевдоним она получила в честь подаренной ей наследником-цесаревичем огромной жемчужины).

Так или иначе, молодой граф все больше интересовался этой жемчужиной своего театра. Хрупкая, болезненная, застенчивая, с глубоким взглядом больших и ясных глаз, она отличалась утонченными манерами, вовсе не присущими ее сословию. Скоро Прасковья обратила на себя внимание графа и как женщина — получила пресловутый платочек, ко-

Девочка Прасковья была семи лет взята в Кусково — специальные «агенты» графа, занятые поиском дарований для его театра, обнаружили у миловидной девчушки незаурядные музыкальные способности. Прасковья Ковалева обладала красивым сопрано, прекрасно играла на клавесине и арфе, к тому же, быстро освоила французский и итальянский языки

второго взгляда и речи быть не могло. Угадав в девочке незаурядный талант, почувствовав в ней будущую приму фамильного театра, Шереметев-младший загорелся желанием поскорее вывести ее на сцену, и мечта Прасковьи сбылась.

торый должна была ночью вернуть графу в его опочивальне. Не она первая...

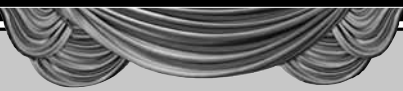
А в 1787 году настал триумф — 19-летняя Прасковья выступила в своей знаменитой роли в опере «Самнитские браки». Сама импера-

трица Екатерина II пришла в восхищение от ее мастерства и пожаловала крепостной актрисе бриллиантовый перстень со своей руки. Так она стала примой шереметевского театра — и главной фавориткой графа. Быть бы все по обычному для таких историй сценарию, но все вышло совсем по-другому.

В 1788 году умер старый Шереметев. Убитый горем наследник пустился во все тяжкие и горько запил, забросив все дела. И тут Прасковья проявила себя с совсем неожиданной стороны. Не только взяла в свои

ночи в обществе какой-нибудь молоденькой актрисы, точь-в-точь как султан в своем гареме. Прасковья не упрекала его, только молилась и плакала, оставаясь одна.

Граф все-таки сумел оценить душевные качества своей бессменной фаворитки и позднее вспоминал, что нашел в ней «украшенный добродетелью разум, искренность и человеколюбие, постоянство и верность, и усерднейшее богопочитание», признаваясь, что эти душевные качества пленили его больше, чем ее красота. Красавиц-то вокруг было не счесть —

Триумфальным для Прасковьи стал 1787 год — она выступила в своей знаменитой роли в опере «Самнитские браки». Сама императрица Екатерина II пришла в восхищение от ее мастерства и пожаловала крепостной актрисе бриллиантовый перстень со своей руки. Так она стала примой шереметевского театра и... главной фавориткой графа

руки все дела по театру — она единственная сумела вытащить графа из запоя, заставила вернуться к жизни и с тех пор имела на него сильнейшее влияние. Почувствовав в своей избраннице настоящую опору, он с тех пор боготворил ее и на правах хозяина зажил с Прасковьей в Кусково в уединенном домике.

Иногда граф делился с ней страхами, что ему придется жениться «на равной», чего ему вовсе не хотелось, иногда проводил одну или две

и знатных невест, и крепостных девок. Но таких душевных и умных, как Прасковья, не было.

Она просила графа устроить в Москве больницу для бедняков, странников, нищих, не имеющих денег на лечение, и он отдал под богоугодное заведение свои Черкасские огороды. А в 1792 году началось строительство Странноприимного дома (сегодня это здание Института скорой помощи им. Н.В. Склифосовского).

*Граф
Николай
Петрович
Шереметев*

Все замечали сходство Прасковьи с ее героинями. В сценический образ она вносила свою личную трагедию и покоряла искренностью исполнения роли — будто сама жила жизнью своей героини. Ей особенно удавались роли сильных женщин, страдающих от невозможной любви. Она пела почти двадцать лет — до переезда Шереметева из Кускова в Останкино, где граф построил «русский Версаль», ставший его прощальным подарком актрисе. Деревянный дво-

рец бледно-розового цвета — «цвет нимфы во время зари» или «аполлонов цвет», в тон восхода солнца.

Решение о женитьбе на Прасковье графом уже было принято, но императрица Екатерина очень резко отреагировала на робкий намек о возможности такого союза. В декабре 1796 года влюбленные воспрянули духом: на престол вошел Павел I, делавший все по-своему, стремившийся побыстрее «вышибить екатерининский дух». И вот пришла мо-

наршая милость — Павел I соблаговолил посетить Останкино весной 1797 года.

Результат этого визита был не совсем такой, на который рассчитывал граф: император пожаловал ему звание обер-гофмаршала и потребовал его присутствия в Петербурге. Шереметев переехал в северную столицу вместе с Жемчуговой: благосклонность Павла к этой странной паре как бы узаконивала их связь. Но в сыром климате Петербурга у Прасковьи обострился туберкулез и навсегда пропал голос. Чтобы утешить подругу, граф дал ей, наконец, вольную.

Шереметев закрыл свой театр, по просьбе примы назначив актрисам приданое. И, наконец, решился на обман. Тайно приказал изготовить документы, свидетельствующие о происхождении Прасковьи из рода польских дворян Ковалевских: будто ее предок Якуб в конце XVII века попал к русским в плен и стал крепостным Шереметевых.

Теперь Прасковья Ивановна была не крепостной актрисой, а свободной женщиной дворянского происхождения. Граф несколько раз пытался просить у императора разрешения на официальный брак, но, хорошо зная взбалмошный характер друга, так и не решился. Он был одним из последних, видевших Павла накануне его смерти — по преданию, даже ужинал с ним в тот трагический вечер в Михайловском замке и сумел завести разговор о браке. Павел обещал подумать...

На стороне уже отчаявшегося, было, Шереметева оказался сам митрополит Платон, уважавший его за учреждение Странноприимного дома, он и дал благословение на брак с любимой женщиной.

Готовясь к свадьбе в Москве — подальше от столичного света, граф купил уютное зимнее гнездышко на Воздвиженке. Оттого нынешний Романов переулок прежде назывался Шереметевым. И угловой дом с колоннадой, построенный Василием Баженовым, помнит Прасковью Жемчугову.

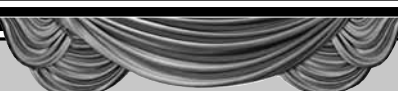
Тайное венчание состоялось 6 ноября 1801 года в храме Симеона

Ковалевская», без уточнения словесного статуса.

После венчания Шереметевы уехали в Петербург, и больше Прасковья в Москву не вернулась.

Была ли счастлива с мужем Параша? Кажется, не особенно. Сам Шереметев писал, что основа их семьи — «двадцатилетняя привычка друг к другу». Брак оставался тайным до самого конца, и Параша так никогда и не вышла к гостям в роли графини Шереметевой, полноценной хозяйкой Фонтанного дома.

Она мечтала стать матерью, мечтала подарить графу сына, но пережитые волнения и поздняя для ее

Все двадцать дней, которые были отпущены ей судьбой после родов, она провела в страхе за участь ребенка, боясь, что его выкрадут, отдадут в дворовые или просто убьют — в глазах света граф Шереметев по-прежнему оставался завидным женихом, и законный наследник колоссального состояния был совсем некстати

Столпника на Поварской, поблизости от их нового дома. Венчал чету духовник графа, протоиерей Федор Малиновский. Сын священника, известный историк Александр Малиновский был свидетелем жениха, а свидетельницей невесты — актриса Татьяна Шлыкова (Бирюзова). В метрической записи о венчании невеста графа указана как «девица Прасковья Ивановна дочь

возраста беременность привели к новому обострению туберкулеза. Граф, тем временем, готовился к дипломатическому шагу: обращению к молодому императору Александру I.

Но когда жена забеременела, Шереметев отложил все дела и заказал своему крепостному художнику Н. Аргунову знаменитый портрет Прасковьи в полосатом капоте — готовясь предать огласке свой брак

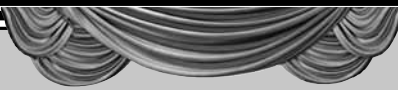
и рождение законного наследника. Закончен этот портрет был уже после смерти графини.

3 февраля 1803 года Прасковья родила сына и нарекла его Дмитрием в честь своего любимого святого Димитрия Ростовского. Все двадцать дней жизни, которые ей еще были отпущены судьбой, мать провела в страхе за участь ребенка, боясь, что его выкрадут, отдадут в дворовые, а то и просто убьют — в глазах света граф Шереметев по-прежнему оставался завидным женихом, и законный наследник колоссального состояния был совсем некстати.

конным наследником титула и фамильного состояния.

Император ответил через придворного, что «граф Шереметев властен жениться, когда угодно, и на ком хочет». Да, со времен его августейшей бабки императрицы Екатерины нравы сильно смягчились. Но только для графини Шереметевой все было уже поздно: и воля, и брак с любимым человеком, и рождение сына, и богатство. У нее было все, не было только времени этим воспользоваться и насладиться.

В ночь на 23 февраля 1803 года, через три недели после родов, Пра-

Когда граф вышел из усыпальницы, тут же рухнул без сознания, и несколько дней пребывал в беспомощности. А потом целые дни проводил в беседке, где любила сидеть Прасковья. Там он и поставил ей памятник в виде мраморного саркофага с эпитафией на французском языке, где она впервые публично была названа его супругой

Граф, чтобы успокоить жену, поставил у колыбели малютки охрану из верных людей, и решился, наконец, уведомить императора о своем венчании и рождении сына. В письме он уверял, что жена получила отличное воспитание и достойна ее нынешнего статуса. Молил высочайшего прощения за то, что женился без дозволения и скрыл брак. Взывая к милости монарха, просил признать сына за-

сковья умерла в Фонтанном доме. Ее похоронили в фамильном склепе Шереметевых в Александро-Невской лавре, и когда граф вышел из усыпальницы — рухнул без сознания. В беспомощности он пробыл несколько дней, а, придя в себя, целые дни проводил в парковой беседке, где любила сидеть Прасковья. Там он поставил ей памятник в виде античного мраморного саркофага с эпитафией на французском языке,

где она впервые публично была названа супругой.

А в Москве Шереметев поручил Джакомо Кваренги достроить Странноприимный дом как памятник Жемчужовой, который превратился в настоящий дворец для бедняков.

Остаток жизни — а граф пережил жену на 6 лет — он посвятил памяти любимой супруги, надеясь найти утешение только в богоугодных делах и появляясь лишь на торжествах в Зимнем дворце по долгу службы. Он весь отдался благотворительности и, рассказывая в записках сыну о покойной матери, напоминал ему, что не знатность и не славу, а лишь благие дела можно взять с собой «за двери гроба».

Окончательно подорвав здоровье, в январе 1809 года Шереметев умер от простуды. Его похоронили рядом с женой в простом гробу: все деньги, которые пошли бы на подобающее графу погребение, он приказал раздать бедным.

Сироту взяла на попечение вдовствующая императрица Мария Федоровна, в память о дружбе ее венценосного мужа Павла Петровича с графом Шереметевым. В декабре 1825 года Дмитрий Николаевич отказался стрелять в декабристов, сказавшись больным, и попал в опалу к Николаю I, однако со следующим государем он был дружен.

В «Завещательном письме» сыну граф Шереметев написал о Прасковье Ивановне Жемчужовой:

«...Я питал к ней чувствования самые нежные... наблюдая украшен-

Граф Дмитрий Николаевич Шереметев — сын Прасковьи и Николая Шереметевых

ный добродетелью разум, искренность, человеколюбие, постоянство, верность. Сии качества... заставили меня поправить светское предубеждение в рассуждении знатности рода и избрать ее моею супругою...»

Увы, сказки для взрослых (а именно так можно назвать жизнь крепостной актрисы, ставшей сиятельной графиней) почти всегда бывают с несчастливым концом... □

Денис Логинов

Книг и фильмов об этой женщине существует уже огромное количество, причем содержание их сплошь и рядом противоречит друг другу.

Общее только одно: внешность. Рыжеволосая, с зелеными глазами...

красавица,
по утверждению одних,
замухрышка, по столь же категорическому уверению других.

Роксолана

Умница или тупая интриганка, образец целомудрия и бесхитростности или восточная «леди Макбет»? А может, вообще просто невинная жертва, вынужденная обороняться от бесчисленных врагов?..

Это все — о единственной жене турецкого султана Сулеймана Великолепного Хасеки Хюррем Султан, которую европейские дипломаты в своих донесениях упорно называли Роксоланой или Анастасией Ла-Росса. Она стала первой женщиной в Османской империи, занявшей место непосредственно рядом с тронем султана.

А для этого, согласитесь, одной красоты недостаточно.

Сведения о происхождении Хюррем достаточно противоречивы. Документальные источники или хотя бы какие-либо надежные письменные свидетельства, говорящие об ее жизни до поступления в гарем, отсутствуют, ограничиваясь лишь упоминанием о ее русском происхождении.

Европейские наблюдатели и историки именовали Хюррем Султан «Роксоланой», «Роксой» или «Росса», поскольку предполагали, что она русского происхождения. Михалон Литвин, посол Великого княжества литовского в Крымском ханстве в своем сочинении «О нравах татар, литовцев и москвитян» 1550 года писал: «и любимейшая жена нынешнего турецкого императора мать перворожденного [сына] его, который будет править после него, похищена была из земли нашей». Венецианский посол Навагерро упоминал о ней как о «Донне ди Росса», а его коллега Тревизано называл ее «султанша ди Руссия».

Участник посольства Речи Посполитой к османскому султану поэт Самуил Твардовский указывал в своих заметках, что турки сообщили ему: Роксолана была дочерью православного священника из Рогатина, небольшого городка в Подолии неподалеку от Львова. Это косвенно подтверждается существованием старой буковинской народной песни о красивой девушке из Рогатина по имени Настусенька, похищенной татарами и проданной в султанский гарем.

Скорее всего, во время одного из набегов крымских татар девушка

попала в плен и через какое-то время была подарена 25-летнему Сулейману, по случаю восшествия на престол, его ближайшим советником и великим визирем Ибрагимом-пашой. Большинство историков датируют появление прекрасной украинки в гареме 1520 годом. На тот момент девушке было около пятнадцати лет.

Однако подобные подарки падишаху не делались просто так — сначала пленницу тщательно осмотрели опытные лекари и дали заключение: она девственница и абсолютно здорова. Иначе ей никогда бы не видать Топ-Капы, или «Дома Радости», как высокопарно именовали в Блистательной Порте гарем султана.

По законам веры падишах мог иметь четырех законных жен. Дети первой из них становились наследниками престола. Вернее, наследовал трон один первенец, а остальных часто ждала печальная участь: все возможные претенденты на верховную власть подлежали уничтожению.

Кроме жен, повелитель правоверных имел любое число наложниц, которое пожелает его душа и потребует плоть. В разное время при разных султанах в гареме жило от нескольких сотен до тысячи и более женщин, каждая из которых непременно была настоящей красавицей. При них состоял целый штат евнухов-кастратов, служанок разного возраста, костоправок, повитух, массажисток, врачей и тому подобных. Руководил всем этим сложным и беспокойным хозяй-

ством «начальник девушек» — евнук кызлярагассы.

Впрочем, одной удивительной красоты было мало: предназначенных для гарема падишаха девушек в обязательном порядке обучали музыке, танцам, мусульманской поэзии и, конечно, искусству любви. Естественно, курс любовных наук являлся теоретическим, а практику преподавали опытные старухи и женщины, искусные во всех тонкостях секса.

Ибрагим-паша решил купить славянскую красавицу. Но ее хозяин-крымчак отказался продавать Анастасию и преподнес ее в дар всеильному царедворцу, справедливо рассчитывая получить за это не только дорогой ответный подарок, как принято на Востоке, но и немалые выгоды. И не просчитался.

Паша приказал всесторонне подготовить «подарок» султану, в свою очередь, рассчитывая добиться этим еще большего его благорасположения. Падишах был молод и очень ценил женскую красоту, причем не просто как созерцатель.

Сам Ибрагим получил хорошее образование и многое знал, поэтому дал красавице новое имя — Роксолана, под которым она и вошла в историю. Роксоланами или роксанами в древности называли сарматские племена во II–IV веках нашей эры, кочевавшие в степях между Днепром и Доном. Это и обусловило выбор нового имени для Анастасии.

Ей сказочно повезло: по законам Османской империи купленная рабыня никогда, ни при каких обстоя-

тельствах не могла стать женой повелителя правоверных. А девушка, полученная в подарок, — теоретически могла. Последнее препятствие — вероисповедание — Анастасия-Роксолана преодолела без колебаний: дочь христианского священника добровольно приняла ислам. Она торопилась, ибо могла родить детей, которые, вполне возможно, станут законными наследниками султана!

Очень скоро золотоволосая наложница привлекла внимание султана своими грациозными танцами и прекрасным голосом. Не исключено, что события развивались бы по обычному сюжету: вдоволь насладившись новой любимицей и дождавшись от нее рождения ребенка, султан потерял бы интерес к Хюррем (имя придумано самим султаном) и нашел бы себе другую фаворитку. Но...

Другая бывшая любимая наложница Сулеймана — Махидевран, рабыня албанского или, скорее, черкесского происхождения, мать наследного принца Мустафы и еще двух сыновей, приревновала султана к Хюррем. Это не выдумки писателей или сценаристов сериалов. Возникшую между Махидевран и Хюррем ссору в своем отчете за 1533 год описал венецианский посол Бернардо Навагеро:

«...Черкешенка оскорбила Хюррем и разодрала ей лицо, волосы и платье. Спустя некоторое время Хюррем пригласили в султанскую опочивальню, однако она сказала,

*Роксолана
(Хюррем)*

что не может в таком виде идти к повелителю. Тем не менее, султан вызвал Хюррем и выслушал ее. Затем он позвал Махидевран, спросив, правду ли ему рассказала Хюррем.

Махидевран сказала, что она главная женщина султана и что другие наложницы должны подчиняться ей, она еще мало побила коварную Хюррем. Султан разгневался на Махи-

девран, отослал ее в дальний дворец и сделал Хюррем своей любимой наложницей».

Остается только удивляться, каким образом европейцы могли узнать такие подробности из жизни «сверхсекретного объекта империи» — гарема. Кстати, те же «венецианские доклады» утверждают, что Роксолана была не столько красива, сколько мила, изящна и элегантна. Но, вместе с тем, ее лучезарная улыбка и игривый темперамент сделали ее неотразимо-очаровательной, за что ее и нарекли

рабыни, в их круг вдруг влетела маленькая фигурка и, оттолкнув «солистку», рассмеялась и вдруг запела песню на своем языке...

Гарем жил по жестоким законам. Евнухи ждали только одного знака: что приготовить для девушки — одежду для спальни султана или шнурок, которым удавливали рабынь? Султан выбрал первое, бросив Хюррем свой платок — знак того, что вечером повелитель ожидает ее в своей спальне.

Надо полагать, Сулейман не разочаровался, поскольку наутро пред-

Ибрагим-паша решил купить для султана славянскую красавицу. Но ее хозяин-крымчак отказался продавать Анастасию и преподнес ее в дар всесильному царедворцу, справедливо рассчитывая получить за это немалые выгоды. И не просчитался

«Хюррем» («радость дарящая» или «смеющаяся»).

Хюррем также славилась своим пением и музыкальными способностями, умением делать изящные вышивки. Но самое главное — она была женщиной большого ума и силы воли, которые и дали ей преимущество среди других женщин в гареме.

Существует легенда о том, как Хюррем попала на глаза султану. Когда перед ним танцевали новые, тщательно отобранные красивые

ложил новой любимице просить у него все, чего она только пожелает. Златовласка, с трудом подбирая турецкие слова, попросила... права посещать султанскую библиотеку. Султан был растерян такой странной прихотью, но разрешил. Когда через некоторое время он вернулся из очередного военного похода, Хюррем уже свободно говорила и читала по-турецки и владела еще несколькими языками — арабским и персидским.

Легенда гласит:

«Хюррем Султан была ничем не примечательной внешне и весьма склочной по натуре женщиной. Своей жестокостью и хитростью она прославилась на века. И, естественно, что единственным образом, коим она удерживала султана более сорока лет подле себя, — это использование заговоров и приворотов. Не зря ведь ее среди простого люда называли ведьмой».

Действительно Сулейман хранил верность Роксолане... сорок лет. Когда послы, Навагерро и Тревизано, писали свои отчеты в Венецию, указывая, что *«она очень любима своим хозяином»*, ей было уже порядка пятидесяти лет. После ее смерти в апреле 1558 года Сулейман оставался безутешным долгое время. Она была самой большой любовью всей его жизни, его родной душой. Никогда прежде бывшая рабыня не была возведена в ранг законной супруги султана.

Кроме того, брак Хасеки Хюррем и Сулеймана стал практически моногамным, что было просто неслыханным в истории Османской империи. Ради любви к этой женщине султан нарушил целый ряд традиций и запретов. В частности, именно после женитьбы на Хюррем он распустил гарем, оставив при дворе лишь обслуживающий персонал.

Но любовь — это одно, а законы престолонаследия — совсем другое. Уже после появления Роксоланы в гареме, в 1521 году, скончались двое из трех сыновей Сулеймана — девятилетний Махмуд (от

первой жены Фюлане) и трехлетний Мурат (от третьей жены Гюльфем). Единственным наследником остался сын второй жены, Махидевран, шестилетний Мустафа, что в условиях высокой смертности представляло угрозу для династии.

В связи с этим способность Хюррем родить наследника давала ей необходимую поддержку при дворе, в первую очередь, со стороны матери султана, Валиде Хафсы Султан. Вопреки расхожим версиям, отношения между свекровью и новой невесткой были превосходными: Валиде заботилась, прежде всего, о продолжении династии, а золотоволосая любимица султана оказалась удивительно плодovитой.

В 1521 году Хюррем родила мальчика, получившего имя Мехмед. В следующем году родилась девочка Михримак, единственная дочь Сулеймана, потом Абдаллах, проживший всего три года, затем Селим, за ним — Баязид. Последний сын, Джихангир, появился в 1531 году.

Пока Хюррем рожала детей, Сулейман вел победоносные войны, по примеру предков расширяя пределы Османской империи, — он захватил половину Венгрии, значительную часть Грузинского царства, оккупировал всю Месопотамию, взял Йемен, Триполи и Алжир. В Европе его уже называли Великолепным и вполне обоснованно боялись ужасающего турецкого нашествия.

Хюррем постоянно писала «султану своей души» письма и посвящала ему стихи. Это было невиданно

по тем временам, и вместо уважения вызывало страх. Ее ученость плюс то, что султан проводил все свои ночи с ней, создали Хюррем устойчивую славу ведьмы. О Роксолане говорили, что она заколдовала султана с помощью нечистой силы.

Он и в самом деле был околдован: до появления в его жизни золотоволосой славянки Сулейман и представить себе не мог, что женщина может быть прекраснейшим собеседником, таким же знатоком поэзии, каким был он сам, и умным дипломатом. Так что, если раньше подобные беседы происходили только с Ибрагимом-пашой, то вскоре великий визирь обнаружил, что он уже не единственный близкий друг султана. И возненавидел собственный подарок повелителю: кто же мог предположить, что какая-то наложница вытеснит его из души повелителя!

Постоянные интриги при дворе развили в Роксолане способности настоящего психолога. Она изучала людей, их поведение и, как результат, всегда знала, кому и что нужно сказать, как действовать в той или иной ситуации. Так что вскоре султан обнаружил, что именно Хюррем с ее острым умом может дать лучший совет в государственных делах. Будущая султанша Османской империи ежеминутно была настороже, потому что там, где ей выпала доля жить, действовал только один закон: или уничтожают тебя, или уничтожаешься ты. Один Ибрагим-паша, постоянно поджидавший малейшей оплошности Хюррем, был смертельно опасен.

Но ход событий благоприятствовал Роксолане. В 1534 году умерла Валиде-султан Хафса Хатун. Еще до этого, в 1533 году, вместе с сыном Мустафой, который достиг совершеннолетия, в Манису отправилась давняя соперница Хюррем — Махидевран. В марте 1536 года великий визирь Ибрагим-паша, ранее опиравшийся на поддержку Хафсы, был казнен, а его имущество конфисковано. Смерть Валиде и великого визиря открыли Хюррем дорогу к власти.

Свадьба Сулеймана и Хюррем состоялась в 1535 году. В истории османов это был невиданный случай — султан официально женился на наложнице из гарема. Роксолана стала для него воплощением всего, что он любил в женщинах: она ценила искусство и разбиралась в политике, была полиглотом и прекрасной танцовщицей, умела любить и принимать любовь. Ничто их так не радовало, как возможность побыть наедине.

Вот что писал один британский дипломат, служивший в Стамбуле, о свадьбе Сулеймана с Хюррем:

«На этой неделе в Стамбуле произошло невиданное доселе событие: султан Сулейман объявил султаншей свою украинскую наложницу Роксолану, ввиду чего в Стамбуле состоялось большое празднество.

Нельзя передать словами пышность свадебной церемонии, состоявшейся во дворце. Было устроено общее шествие. Ночью же все улицы были иллюминированы. Повсюду были устроены увеселения, на которых

Роксолана (Хюррем)

играли музыканты. Дома были разрушены. Народ пребывал в восторге. На площади Султанахмет была сооружена большая трибуна, перед которой состоялось состязание.

На празднество пришли Роксолана и другие наложницы. Участвовали в состязании мусульманские и христианские рыцари. Затем состоялось представление с участием канатоходцев, фокусников, диких зверей, среди которых были и высокие жирафы. По поводу свадьбы в Стамбуле ходили разные слухи. Однако никто не знал в точности того, что произошло».

Сулейман и Хюррем могли часами говорить о любви, политике, искусстве... Роксолана, как настоящая женщина, знала, когда надо промолчать, когда взгрустнуть, а когда засмеяться. Неудивительно, что во время ее правления унылый гарем

Султан Сулейман

превратился в центр красоты и просвещения, а саму ее стали признавать правители других государств. Султанша появлялась на людях с открытым лицом, но, несмотря на это, пользовалась уважением видных деятелей ислама, как образцовая правоверная мусульманка.

Дворцовая гвардия боготворила «смешливую госпожу», которую никогда не видели без очаровательной улыбки на лице. Роксолана платила тем же. Она построила для янычар казармы-дворцы, увеличила им жалованье и наделила новыми привилегиями.

Военные походы требовали огромных расходов. Хюррем распорядилась открыть в европейском квартале и в портовых районах Стамбула винные лавки, после чего в сокровищницу османских правителей потекла звонкая монета. Этого показа-

*Султан
Сулейман
и Роксолана
(Хюррем)*

лось мало, и Роксолана велела углубить бухту Золотой Рог и реконструировать причалы в Галате, куда в скором времени стали подходить не только легкие или средние, но и крупнотоннажные суда с товарами со всего мира. Торговые ряды столицы росли, как грибы после дождя.

Полнилась и казна. Теперь у Хюррем-султан хватало денег и на то, чтобы возводить новые мечети, ми-

нареты, дома престарелых, лечебницы — много чего. Султан, вернувшийся из очередного победоносного похода (он не проиграл ни одной битвы!), не узнал даже дворец Топкапы, который перестраивался на средства, добытые предприимчивой и обожествляемой женой.

Султан Сулейман, проводивший большую часть времени в походах, информацию о ситуации во дворце

получал исключительно от Хюррем. Он воевал, расширяя границы Османской империи, а Роксолана писала ему нежные письма.

«Мой султан, какая безграничная и жгучая боль расставания. Спасай меня, несчастную, и не задерживай своих прекрасных писем. Пусть душа моя получит хоть каплю радости от твоих посланий. Когда нам их читают, твой слуга и сын Мехмед и твоя рабыня и дочка Мигрима плачут, тоскуя за тобой. Их слезы сводят меня с ума».

«Моя дорогая богиня, моя удивительная красота, — отвечал он, — госпожа моего сердца, мой самый яркий месяц, моих желаний глубин-

рвала его смерть: настроила против него отца, чтобы престол достался ее сыну. По приказу Сулеймана I Мустафу задушили, а Джихангир умер от тоски по своему брату.

Баязид, который после неудачной попытки убить Селима прятался вместе с 12 тысячами своих людей в Персии, стал считаться предателем в Османской империи, находившейся на тот момент в состоянии войны с ней. Позже султан Сулейман I заключил с Персией мир и договорился, что за 4000 золотых монет соратников Баязида убьют, а его самого вместе с пятью сыновьями отдадут посланникам султана. Смертный приговор, который вынес Сулейман

Х

юррем славилась своим пением и музыкальными способностями, умением делать изящные вышивки. Но самое главное — она была женщиной большого ума и силы воли, которые давали ей преимущество среди других женщин в гареме

ных спутница, моя единственная, ты мне милее всех красавиц мира!»

Из всех сыновей Сулеймана I Великолепного отца пережил только Селим. Остальные погибли в ходе борьбы за трон (кроме Мехмеда, который умер в 1543 году от оспы), в том числе и Мустафа — сын от третьей жены Махидевран. Существует версия, что именно Хюррем, плетя интриги против Мустафы, спровоци-

своему сыну Баязиду, был исполнен в сентябре 1561 года. Роксоланы уже не было в живых, так что можно предположить, что и казнь наследника Мустафы произошла без ее участия — султан сам принимал такие жестокие решения.

Профессор истории, автор работы о султанском гареме Лесли Пирс отмечает, что до Хюррем фаворитки султанов играли две роли — роль

собственно фаворитки и роль матери наследника престола, и что эти роли никогда не совмещались. Родив сына, женщина переставала быть фавориткой, отправляясь вместе с ребенком в отдаленную провинцию, где наследник должен был воспитываться до того времени, пока не займет место отца.

Хюррем же была первой женщиной, сумевшей одновременно играть обе роли, что вызывало огромное раздражение консервативно настроенного двора. Когда ее сыновья достигли совершеннолетия, она не отправилась вслед за ними, а осталась в столице, лишь изредка навещая их. Именно этим во многом можно объяснить негативный образ, который сформировался вокруг Роксоланы. Кроме того, она нарушила еще один принцип османского двора, заключавшийся в том, что одна фаворитка султана должна иметь не более одного сына.

Не в силах объяснить, как Хюррем смогла достичь столь высокого положения, современники приписывали ей то, что она попросту околдовала Сулеймана. Этот образ коварной и властолюбивой женщины был перенесен и в западную историографию, хотя и подвергся некоторой трансформации. Тем не менее, вся Европа хотела знать подробности о женщине, которая на последнем приеме во дворце поднялась с султаном на трон в платье из золотой парчи и с открытым лицом!

В отличие от всех предшественниц, а также от матерей шехзаде, имевших право возводить строения

лишь в рамках провинции, в которой они проживали с сыновьями, Хюррем получила право строить религиозные и благотворительные здания в Стамбуле и в иных крупных городах Османской империи. Она создала благотворительный фонд своего имени. На пожертвования из этого фонда в Стамбуле был построен женский базар, позже также названный именем Хасеки, в число строений которого входили мечеть, медресе, начальная школа, больницы и фонтан. Это был первый комплекс, построенный в Стамбуле архитектором Синаном, а также третье по величине здание в столице.

К числу иных благотворительных проектов Роксоланы относятся комплексы в Адрианополе и Анкаре, вошедшие в основу проекта в Иерусалиме, хосписы и столовые для паломников и бездомных, столовая в Мекке, общественная столовая и две большие общественные бани в Стамбуле.

Возлюбленная султана умерла от простуды в 1558 году и была погребена со всеми подобающими почестями. Сулейман I скончался в 1566 году. Он успел достроить мечеть Сулейманийе — один из крупнейших архитектурных памятников Османской империи, возле которой покоится прах Роксоланы в восьмигранной каменной усыпальнице, а рядом, тоже в восьмигранной гробнице, был похоронен сам султан. Больше четырехсот лет стоит эта усыпальница, национальная святыня Турции. За тысячелетнюю историю Осман-

Сын Хюррем и Сулеймана, будущий султан — Селим

ской империи такой чести удостоена единственная женщина — Роксолана.

Она так и не увидела воплощение своей мечты — скончалась раньше, нежели ее любимый сын Селим взшел на трон. Он царствовал восемь лет. Вопреки Корану, султан любил «принять на грудь», поэтому и остался в истории под именем Селим-Пьяница. Правление Селима не пошло на пользу Турции. Именно с него начался упадок империи Османов.

В оправдание некоторым действительно жестоким поступкам Хюррем можно сказать только то, что она поступала в соответствии с господствовавшими вокруг нее нравами. Кроткая голубица вряд ли уцелела бы среди гаремных интриг, где неудобную жену или наложницу живьем

Дочь Хюррем и Сулеймана — Михримех

сажали в кожаный мешок, кидали туда же разъяренную кошку и ядовитую змею, завязывали мешок и по специальному каменному желобу спускали его с привязанным камнем в воды Босфора. Провинившиеся считали за счастье, если их просто быстро удавят шелковым шнурком.

Возможно, с точки зрения нашей эпохи, ее действия выглядят неприемлемыми, но в эпоху Роксоланы это был единственный способ выживания и самосохранения.

Роксолана родила Султану пятерых детей — четверых сыновей и одну дочь:

Мехмед (1521–1543). Старший сын Хюррем Мехмед был любимчиком Сулеймана. Именно его он готовил к престолу, но тот умер от сильной

простуды или оспы в двадцатилетнем возрасте. Смерть любимого сына повергла Сулеймана в безутешное горе. Он три дня просидел у тела Мехмеда и лишь на четвертый день очнулся от забытья и позволил похоронить усопшего. В честь покойного сына по приказу султана была воздвигнута огромная мечеть Шехзаде Джамии. Горе же Хюррем было столь велико, что несколько месяцев врачи опасались за ее жизнь. Утешала ее только мысль о том, что теперь дорога к трону для ее любимого сына Селима стала короче без вмешательства людей и лишь по воле Аллаха.

Михримах (1522–1578). Михримах Султан была не только единственной дочерью султана Сулеймана и его жены, «смеющейся» славянки Хюррем Султан, но и одной из немногих

османский принцесс, сыгравших важную роль в управлении империей. Как и ее мать, Михримах вела переписку с польским королем Зигмундом II. После того, как в 1558 году Хюррем Султан скончалась, Михримах продолжала консультировать отца по поводу ведения государственных дел. А в 1568 году, когда Великим султаном стал ее брат Селим, Михримах выступала при его дворе авторитетным экспертом государственной политики и даже выполняла функции матери султана, такие, например, как управление всем гаремом.

Селим (1524–1574). Одиннадцатый султан Османской империи правил в 1566–1574 гг.

Селим обрел престол во многом благодаря своей матери Роксола-

*Усыпальница Сулеймана.
Справа от нее —
усыпальница Хюррем*

не. Во время своего правления (государственными делами руководил великий визирь Мехмед Соколлу) он никогда не появлялся в военных лагерях, не участвовал в походах, а все свое время проводил в гареме, где предавался всяческому порокам. Янычары его не любили и за глаза называли «пьяницей». Тем не менее, завоевательные походы турок в царствование Селима продолжались довольно успешно благодаря умелым военачальникам.

Шехзаде Баязид (1525–1562). Баязид был несоизмеримо более достойным преемником, чем Селим. Более того, он был фаворитом янычар, которым напоминал своего отца и от которого унаследовал лучшие качества его натуры.

тался в Персии. С помощью войск своего отца Селим нанес Баязиду поражение под Коньей, заставив его с четырьмя сыновьями искать убежища при дворе шаха Ирана. Но в обмен на большую сумму золота шах передал Баязида официальному палачу из Стамбула, и его вместе с детьми удушили.

Джахангир (1532–1553). Последний сын Сулеймана и Хюррем. Родился больным ребенком. У него был горб и другие проблемы со здоровьем. Чтобы заглушить постоянную боль, Джахангир пристрастился к наркотикам, от чрезмерного употребления которых и скончался.

«Султанат Хюррем» породил множество легенд. Одна из них гласит:

Способность Хюррем родить наследника давала ей необходимую поддержку при дворе, в первую очередь со стороны матери султана. Вопреки расхожим версиям, отношения между свекровью и новой невесткой были превосходными: свекровь заботилась о продолжении династии, а золотоволосая любимица султана оказалась удивительно плодовитой

Но уже через несколько лет между Селимом и Баязидом началась настоящая война, в которой каждого поддерживали его собственные вооруженные силы. Баязид, после неудачной попытки убить Селима, вместе с 12 тысячами своих людей пря-

«Хюррем Султан приняла решение умертвить двух своих сыновей. Более того, она убедила в необходимости такого шага мужа-султана. Кроме сыновей Роксоланы, дети султана, рожденные другими женами и наложницами, были убиты. Хюррем повелела

отыскать в гареме и по всей стране других сыновей Сулеймана, которых рожали жены и наложницы, и всех их лишить жизни! Как оказалось, сыновей у султана нашлось около сорока человек — всех их, кого тайно, кого явно, убили по приказу Роксоланы».

Восток, как известно, дело тонкое. Это в цивилизованной Европе короли, принцы и владетельные герцоги могли иметь сколько угодно внебрачных связей и самостоятельно решать, признавать детей от этих связей или нет. В Османской империи все рождения и смерти подле-

она провела у повелителя и какие подарки получила. Если ночь любви приводила к зачатию, будущую мать вообще помещали «под стеклянный колпак», отслеживая каждый ее шаг вплоть до момента родов. Да и после них с матери принца или принцессы глаз не спускали.

Более того, все потомки правящей династии обязательно жили при дворе, на случай, если придется наследовать трон, ведь не стоило забывать о высокой детской смертности в те времена. Поэтому каждый потомок, а уж тем более шехзаде,

Р

оксолана, как настоящая женщина, знала, когда надо промолчать, когда взгрустнуть, а когда засмеяться. Во время ее правления унылый гарем превратился в центр красоты и просвещения, а саму ее стали признавать правители других государств. А дворцовая гвардия буквально боготворила «смешливую госпожу» которую никогда не видела без очаровательной улыбки на лице

жали четкому учету и контролю, уж тем более, когда это касалось правящей династии. В гаремных книгах и в иных документах фиксировалось все — начиная с того, сколько муки ушло на изготовление десерта для шехзаде, и заканчивая основными тратами на их содержание.

Каждый визит любой наложницы в покои султана тоже фиксировался, записывалось, сколько времени

был известен, имя каждого сохранилось в истории.

Итак, у Сулеймана было семь сыновей шехзаде, что зафиксировано в родословном древе Османского рода. Четверо скончались естественной смертью, двое были задушены по приказу султана. Сорок неизвестных сыновей, найденных Хюррем, — это уже сказка из разряда «Тысячи и одной ночи».

*Актеры Халит Эргенч (Сулейман)
и Мерьем Узерли (Хюррем)
в сериале «Великолепный век»*

Кстати, Сулейман прекрасно знал украинский язык и очень любил слушать украинские песни в исполнении слепых кобзарей. И вообще, среди высшей турецкой аристократии было немало лиц славянской национальности, особенно украинцев и поляков. Упомянувшийся уже посол Великого княжества литовского в Крымском ханстве Михалон Литвин писал об этом следующее:

«Все министры этих тиранов, евнухи, секретари, знающие люди и их особое войско — янычары, все они родом из нашей крови».

Так что Роксолана не была «одним воином в поле», она просто умело и активно пользовалась своими возможностями при дворе, ма-

нипулируя при этом визирями, пашами и беями, как фигурами на шахматной доске. Другое дело, что второй такой женщины в истории Османской империи не нашлось. □

РОМАНТИК

«Я должен увидеть Майру!» Эту фразу Гордон Миллер неустанно твердил с того самого момента, как наш самолет рухнул в заснеженной арктической пустыне. А поскольку теперь он был мертв, я считал своим долгом встретиться с его вдовой. Вместо него. И ради него.

Хотя журналисты с ходу окрестили меня героем и смельчаком, сумевшим выжить в этом «ужасном переходе через ледяной ад, унесший семь жизней», они ошибались. В конце концов, понятие «ужасное» или «прекрасное» — чисто субъективное. Самое ужасное мне предстояло сделать сейчас — пройти пять ярдов по садовой дорожке до обыкновенной синей двери с окошком из матового стекла в верхней части. На ухоженной клумбе возле крыльца цвели гиацинты и первые тюльпаны, однако газон давно следовало подстричь. Увы, подумал я, Гордону Миллеру уже не суждено выполнить эту работу.

Дом был точь-в-точь таким, каким его и описывал Миллер — небольшой, но уютный, несомненно, построенный своими руками. Что ж, на нашей исследовательской станции он был единственным, кого с полным правом можно было назвать «мастером на все руки».

Мне открыла миссис Миллер — та самая Майра, которую Гордон больше не увидит... из-за моей трусости. Она оказалась совсем другой, нежели я ее себе представлял — не красотка, но в то же время весьма привлекательная и явно не глупая. Прежде чем я успел произнести хоть слово, она удивленно вскинула брови и быстро спросила:

— Зачем вы пришли?

— Вы знаете, кто я такой?

— Еще бы! — Она отступила в сторону, жестом приглашая меня в дом, и криво усмехнулась: — Вас показывают по всем программам, ваши фото на первых полосах всех газет. Садитесь, — указала Майра на кожаное кресло у камина. — Итак, вы прислали мне свои соболезнования. Честно

говоря, я даже не представляю, как реагировать на подобные письма. Вообще-то, вам было вовсе не обязательно сюда приезжать.

— Я сам этого хотел, есть вещи... которые нельзя доверить бумаге, — ответил я и добавил: — Гордон очень хотел увидеть вас.

— Не сомневаюсь. — Майра откинулась на спинку кресла и, достав сигарету из лежавшей на подлокотнике пачки, прикурила ее еще до того, как я полез в карман за спичками.

Громкий щелчок зажигалки напомнил мне, что почти так же щелкнули застежки ремней безопасности за секунду до того, как наш самолет, клюнув носом, камнем пошел вниз...

— Пристегнитесь! — обернувшись к нам, гаркнул Фергюсон. — Бояться нечего, но поболтает изрядно.

Врет, подумал я и, как выяснилось впоследствии, не ошибся. На Севере компас часто «сходит с ума», и можно запросто сбиться с курса. А для того, чтобы понять, что мы должны были сесть на Большой земле как минимум полтора часа назад, вовсе не обязательно быть пилотом. Не говоря уже о том, что в таком крошечном самолетике горючего хватает ненадолго. Все это пронеслось у меня в голове за секунду до того, как я потерял сознание.

Очнулся я оттого, что меня хлестали по лицу чем-то холодным и жестким.

— Эй, док, вставай! — послышался раздраженный голос Миллера.

Я застонал и, приподняв раскалывающуюся от боли голову, огляделся. Буря утихла, и мне прямо в глаза били лучи заходящего солнца. Я уже не сидел у Фергюсона за спиной. И вообще не сидел, а лежал... на снегу. Почему на Миллере куртка Фергюсона? А где?..

— Мы упали, — не дожидаясь моего вопроса, буркнул Миллер. — Этот болван сбился с курса и врезался в склон горы. Но, думаю, мы уже на Большой земле, милях в пятидесяти от Порт-Консорта... во всяком случае, надеюсь.

Я промолчал, и он затряс меня, словно куклу:

— Говорят тебе, вставай! Я должен вернуться домой, к Майре! Во что бы то ни стало!

— Зачем вы взяли куртку Фергюсона? — Почему-то это казалось мне важным.

— Ему она уже ни к чему, он мертв. Второй пилот и старина Редди — тоже. Остались только мы с тобой да Сильвер с Кентом. И если ты не возьмешь себя в руки, то можешь и себя считать покойником!

Миллер продолжал на меня орать, и мне стало страшно. На станции он числился разнорабочим — носил воду, колот дрова, чинил технику. Но, несмотря на то, что все мы были старше его по должности и получали

больше, он был прирожденным лидером, стремившимся добиться успеха любой ценой.

— Док, надо проверить, все ли у тебя цело? Хорош валяться. Иначе мы тебя бросим.

— Но, Гордон, так же нельзя! По инструкции мы должны оставаться у самолета. Нас будут искать.

К нам подскочил Питер Сильвер, геолог:

— Сэнди, я ему уже все сказал, но этот идиот не желает никого слушать.

Резко взмахнув рукой, Миллер ударил его в челюсть, и Сильвер рухнул в снег. А Миллер, рыча от ярости, схватил меня за грудки:

— Пойми ты, мы сбились с курса! Этот самолет еще сто лет не найдут. Наш единственный шанс спастись — это идти на Порт-Консорт. На самолете была надувная спасательная лодка, а от фюзеляжа я отдрал металлические рейки. Их понесут Сильвер и Кент, так что палатка у нас будет. А я помогу идти тебе. Мы успеем пройти пару миль, прежде чем стемнеет. Пойдем в сторону горного кряжа, самое верное направление.

Хотя голова сильно кружилась, мне все же удалось встать и сделать несколько шагов. Самолет было не узнать — после падения в баках осталось достаточно горючего, чтобы вспыхнул пожар. Растаявший от жара, а затем снова замерзший снег образовывал уродливую наледь вокруг похожего на скелет фюзеляжа, уже успевшего покрыться инеем.

— Надо будет, я и один дойду, — пригрозил Миллер. — Мне позарез нужно снова увидеть Майру. А вы должны тащить все это барахло. Короче, док, шагай за мной, и я тебя спасу.

— Не стоит вам так себя корить. Я не священник, и вам вовсе не обязательно мне исповедоваться. — Майра улыбнулась, чтобы ее слова прозвучали не так резко. — «Санди таймс» напечатала об этом репортаж аж на двух страницах, так что я в курсе, как это произошло.

— Я хотел вас навестить.

— Немного поздно — представитель компании уже навестил ближайших родственников погибших. Или вы романтик? — устало пожалала она плечами.

— Так меня еще никто не называл.

— Знаете, по профессии я психолог и очень хорошо понимаю, какие силы вами движут. У вас типичный случай. Выжившие в катастрофе часто считают себя виноватыми перед жертвами.

— Миссис Миллер!

— Держите себя в руках. Сейчас я заварю чай, а вы сядете и скажете самому себе, насколько вам повезло, что вы остались живы. Честное слово, я за вас рада. Вы мне кажетесь приятным человеком, который заслужил право на жизнь.

— Нет! Ничего подобного! Это я его убил! Гордон умер по моей вине!

Майра затушила в пепельнице окурок и пристально посмотрела на меня:

— Ого! Вообще-то, мне это приходило в голову. Ваше письмо... простите, но оно было слишком сумбурным — мне даже показалось, что вы все еще больны. — Она села, ее лицо напоминало застывшую маску. — Тогда рассказывайте все, как было. Сомневаюсь, что мне удастся вас остановить.

— Я должен это рассказать. Поверьте, миссис Миллер...

— Майра.

— Поверьте, мне очень не хочется вас расстраивать, но вернуться назад было для него настоящим наваждением. Мы были для него... лишь объектами для достижения этой цели, выючным скотом... Гордон был прирожденным лидером, я понял это с самого начала. После аварии он взял командование на себя. Если бы мы, как предлагал я, уперлись в инструкцию и остались у самолета, то приговорили бы себя к смерти.

Сильверу удалось спасти аварийные рационы, но самым страшным был холод. Наш физик Билл Кент, самый старший в партии, скоро выбился из сил и начал отставать. Я получил сильное сотрясение мозга и часто терял сознание, полагаю, это единственное мое оправдание. На следующий день, когда я очнулся через несколько часов после рассвета, Билла с нами не было. И я вбил себе в голову, что Гордон его бросил... нарочно.

— Он действительно так поступил? — удивилась Майра. — С одной стороны, вы сами выдвигаете такую версию, но с другой стороны, говорите это таким тоном...

— Не знаю... нет, Гордон бы не смог на это пойти. Просто... когда я очнулся в следующий раз, то увидел, что он несет на себе металлические подпорки для палатки... раньше их тащил Билл Кент. Когда я спросил, где он, Гордон ударил меня по голове и закричал, чтобы я вставал и шел дальше. Ради моего же собственного блага.

Потом исчез доктор Сильвер. Это еще больше укрепило мои подозрения, но... деваться было некуда.

Наконец мы достигли горного кряжа, за которым находился Порт-Консорт. Продукты кончались. Мы с Гордоном открыли последнюю банку консервов, чтобы набраться сил перед подъемом. Когда мы поднялись, стало ясно, что на спуск уйдет еще день, а это означало верную смерть. Гордон вдруг поскользнулся и схватился за меня. Я мог его спасти, мог! Но вдруг... вспомнил Кента и Сильвера и... отпустил его... даже был рад, когда он упал! По сути, я убил его.

Майра мотнула головой и закурила новую сигарету.

— С чего вы взяли, доктор Сандерсон? Зачем вы на себя наговариваете? Вы страдали от голода и холода, подвергались побоям... Было бы странно, если бы в таких обстоятельствах вы бросились спасать своего обидчика... Почему вы на меня так смотрите?

— Он же вас любил! Его толкало вперед лишь желание увидеть вас. И вам все равно?!

— То есть во всем виновата я?

— Нет-нет, что вы, миссис Миллер, просто я думал, что Гордон так стремится к вам, потому что вы его любите — так же сильно, как и он вас. Выходит, я ошибался. Извините, если я доставил вам столько... — Внезапно мой взгляд упал на трубку на каминной полке, и я хлопнул себя по лбу: — Что я несу! Его вещи здесь, по-прежнему ждут его. Конечно, вы его любили.

Майра вздрогнула и, быстро опустившись в кресло, нежно провела пальцами по лежащей на подносе трубке.

— Его вещи? Доктор Сандерсон, да вы и впрямь романтик. Гордон не курил — чтобы это заметить, вовсе не надо быть Шерлоком Холмсом. Эта трубка принадлежит одному прекрасному человеку, который живет со мной весь последний год — с тех самых пор, как Гордон отправился на Север. День, когда он уехал, был самым счастливым в моей жизни — я тут же подала на развод! И если вы действительно его убили, то совершили то, о чем я начала мечтать буквально через месяц после того, как мы поженились... когда я поняла, что это за чудовище — грубое, наглое и тупое. Понимаете, доктор? — Ее голос оставался спокойным, но в глазах сверкала ярость. — И не надо на меня так смотреть.

— Я вам очень сочувствую. Но, что бы вы ни говорили, он любил вас больше жизни! Его единственным желанием было увидеть вас вновь!

— Вся беда с романтиками в том, что вы выдаете желаемое за действительное. — Майра вздохнула. — Да, Гордон сгорал от желания меня увидеть. Только толкала его на это не любовь, а лютая ненависть. — Она поднялась и подошла к стоявшему в углу бюро. — Насколько мне известно, вы получали почту раз в месяц, когда прилетал самолет с продуктами и снаряжением. Должно быть, кто-то из соседей написал Гордону, что я живу не одна. Прочтите.

Я сразу узнал почерк Миллера, поскольку за время зимовки мне довелось прочесть немало его докладных о состоянии техники. Едва пробежав глазами первую строчку, я вздрогнул и глубоко вздохнул, пытаясь унять бешено заколотившееся сердце. Самым «ударным» оказался последний абзац:

«Будь ты проклята, сучка развратная! Только имей в виду, тварь, — я ведь здесь не навечно. Скоро я вернусь, и тогда тебе и твоему любовничку не поздоровится!»

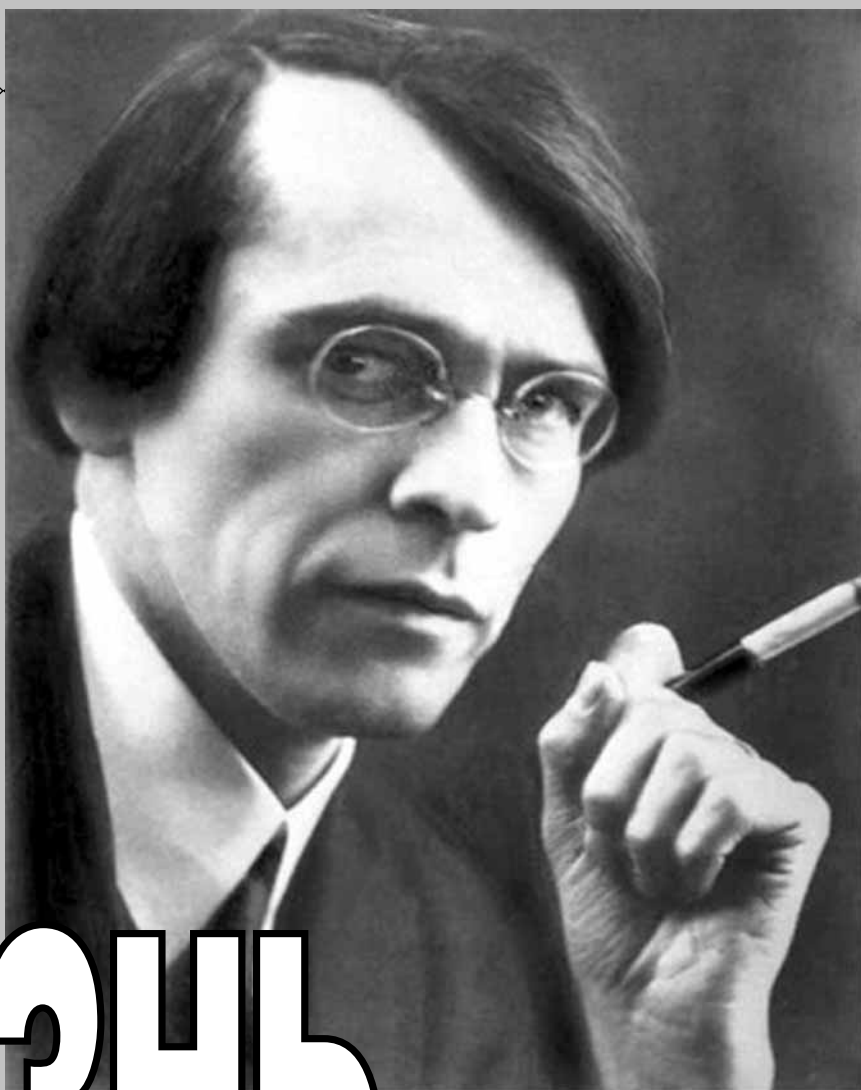
Майра забрала у меня письмо и, мягко улыбнувшись, сказала:

— Доктор Сандерсон, в газетах писали, что вас собираются наградить медалью. Какую бы вину вы за собой ни чувствовали, я считаю, что вам не следует от нее отказываться. Видите ли, я уверена, что, убив его, вы спасли мне жизнь. □

Перевод с английского **Дмитрия Павленко**

Евгения Гордиенко

Есть поэты, всегда стоящие особняком от остальных. По многим причинам. Кто-то не сошелся с собратьями по перу, кто-то оказался настолько талантливей, настолько выше, что общество «вытолкнуло» его, оставляя стоять на нижних ступенях творческой лестницы,

ЖИЗНЬ

КАК НИТЬ

МОЯ,

Он родился в 1886 году, в Москве. Но русской крови в нем не было вовсе, хотя всю жизнь он считал себя более русским, чем многие, и всю жизнь невероятно трепетно относился к русскому языку, называя его «волшебным».

Отец его был из обедневшего литовского рода, одной ветви с Адамом Мицкевичем, мать происходила из еврейской семьи, однако отказалась от

кто-то просто не мог найти в себе сил, чтобы стать обычным, стать, как все.

К Владиславу Ходасевичу относится и первое, и второе, и третье. Он был, по меткому выражению Владимира Набокова, «литературным потомком Пушкина по тютчевской линии». Ходасевич начал писать еще в царской России, с восторгом воспринял революцию, но после полностью отказался от этих идей, выбрав многолетнюю эмиграцию. Схожий путь прошли многие поэты и писатели того времени, но именно Владислава Ходасевича называли поэтом, который позже будет олицетворять собой Серебряный век. И хотя само время рассудило несколько иначе, эта фигура до сих пор остается одной из самых необычных, выбивающейся из разнонаправленных рядов символистов, футуристов и акмеистов.

В автобиографическом фрагменте «Младенчество» Ходасевич говорил, что «опоздал» к расцвету символизма, тогда как эстетика акмеизма осталась ему далекой, а футуризм был решительно неприемлем.

за Божьими перстами...

иудейской веры, став ревностной католичкой. Так, в этой семье и рос Владислав, воспитываемый не столько матерью и отцом, сколько няней — «тульской крестьянкой», о которой Ходасевич вспоминал с неизменной нежностью:

*Не матерью, но тульскую
крестьянкой
Еленой Кузиной я выкормлен.
Она*

*Свивальники мне грела над
лежанкой,
Крестила на ночь от дурного
сна.*

Он много болел, но отучился в гимназии, после чего поступил в Московский университет, правда, не закончил его. Позже он напишет, что не доучился «отчасти вследствие обстоятельств личной жизни, отчасти из-за болезни (туберкулез)».

Однако что значила учеба, когда призвание его было с самого детства ясно ему? Читать Владислав научился в три года, в шесть уже писал стихи. Его друзья по гимназии — Виктор Гофман и Александр Брюсов (младший брат поэта) — расширили круг его поэтического общения. А в университете Ходасевич познакомился с Андреем Белым, и уже через год начал печататься в альманахе «Гриф».

Современники поэта так и не нашли для его стихов точного определения. Наиболее точно выразился Набоков: «*В сравнении с приблизительно стихами (т.е. прекрасными именно своей приблизительностью — как бывают прекрасны близорукие глаза и добивающимися ее также способом точного отбора, какой бы сошел при других, более красочных обстоятельствах стиха за "мастерство") поэзия Ходасевича кажется иному читателю не в меру чеканной — употребляю умышленно этот неаппетитный эпитет*».

Чеканная поэзия томным юношам со взором горящим Серебряного века казалась грубой, слишком правдивой для того, чтобы воспевать или прекрасную деву, или мечтания о будущем:

*Все жду: кого-нибудь задавит
Взбесившийся автомобиль,
Зевака бледный окровавит
Торцовую сухую пыль.
И с этого пойдет, начнется:
Раскачка, выворот, беда,
Звезда на землю оборвется,*

*И станет горькою вода.
Прервутся сны, что душу душат.
Начнется все, чего хочу,
И солнце ангелы потушат,
Как утром — лишнюю свечу.*

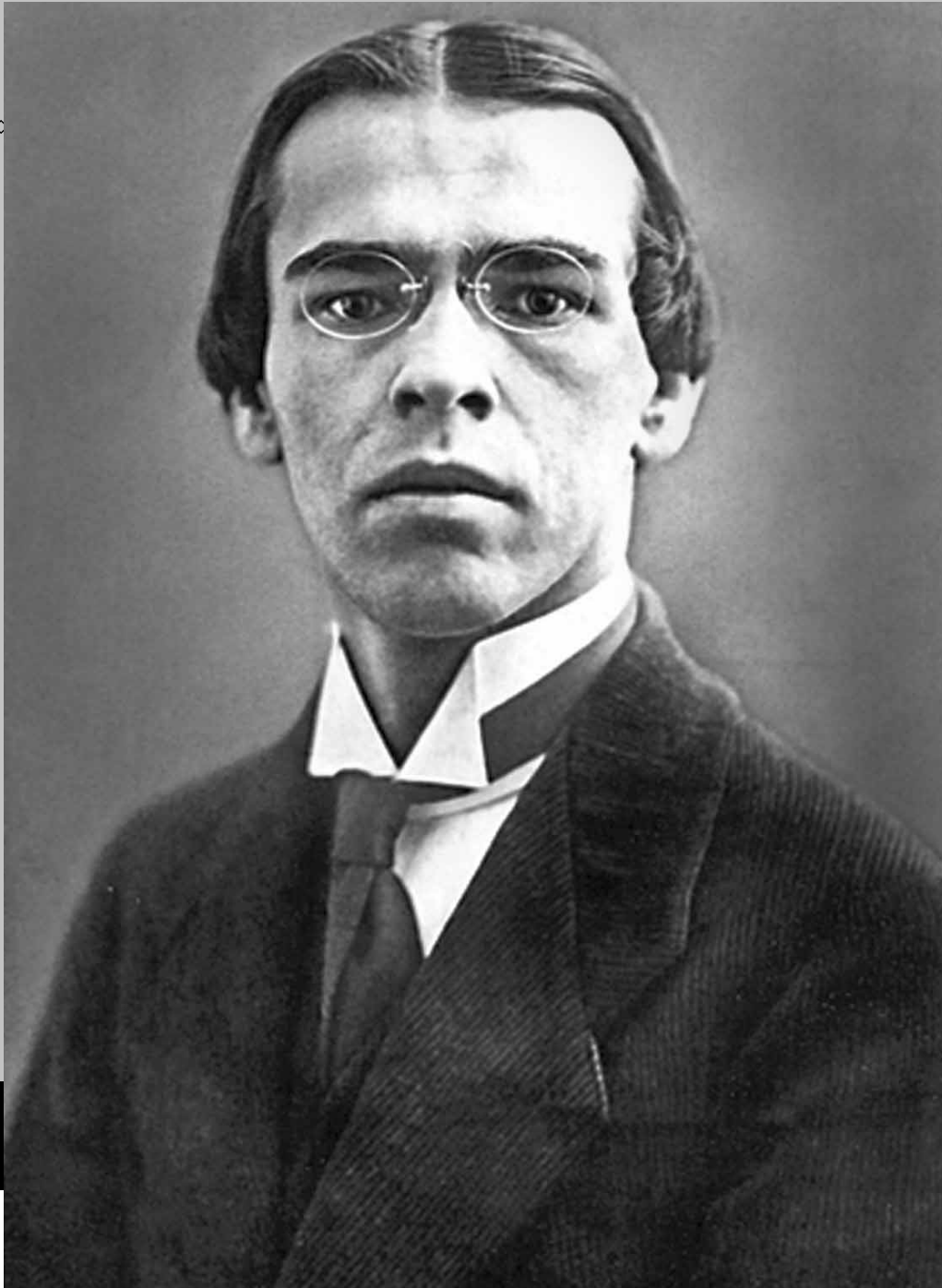
Или даже так:
*Мне невозможно быть собой,
Мне хочется сойти с ума,
Когда с беременной женой
Идет безрукий в синема...*

Разве могло это быть близко тем, кто мыслил образами цветов и прекрасных дев?

По словам Сергея Гандлевского, «Ходасевич не одержим стихами, как это было принято в Серебряном веке, а держится литератором». И многих это, несомненно, возмущало, тем более что Ходасевич не умел и не желал скрывать свои чувства. Если спрашивали его мнения, он порой был правдив до резкости, чем нажил себе немало недоброжелателей.

Ему было трудно уживаться с людьми. Сначала он вроде бы находил родственную душу, но через некоторое время отношения начинали утомлять и самого Ходасевича и того, кто был рядом.

Впервые Ходасевич женился рано — в девятнадцать лет, будучи еще студентом, и выбор его едва ли можно назвать банальным — он взял в жены Марину Рындицу, богатую наследницу и эксцентричную девушку. Она носила только черное или белое, обожала кататься на лошадях в одной рубашке, а мужа считала чем-то средним

между любимой кобылкой и новым нарядом.

Но именно из-за нее Ходасевича однажды вызвала на дуэль... женщина. На званом вечере к нему подошла пожилая дама и передала письмо. *«Вы угнетаете Марину. И бьете ее. Я*

Вас вызываю. Как оружие предлагаю рапиры. Сообщите подательнице сего, где и когда она может встретиться с Вашими секундантами». И подпись... Мариэтта Шагинян.

«Я сделал вид, — пишет Ходасевич, — что не удивился, но спросил:

Марина Рындина

"Это серьезно?" — "Вполне", — ответила дама». Ходасевич лишь сказал, что «с барышнями не дерется». Марина же едва ли была знакома с Шагинян, хотя та и донимала ее «экстатическими письмами».

Разумеется, вскоре Марина и Владислав расстались. В качестве напутствия он написал ей: «Иди, пляши в бесстыдствах карнавала...»

Марина последовала его совету: вскоре она сошлась с поэтом Сергеем Маковским, а Ходасевич остался один.

Он страдал, обратился к картам, выглядел отвратительно, много пил. На одной из гулянок «шагнул» со второго этажа, но не упал, а, по воспоминаниям второй жены, Анны Чулко-

Анна Чулкова

вой, «встал так твердо, что сдвинул один из позвонков».

Гипс, невозможность двигаться, постоянные новые болезни и...новая жена. Анна Чулкова была полной противоположностью Марине Рындиной, она беззаветно любила Ходасевича, ухаживала за ним, разделяла его страсть к книгам. Ей он посвятил такие строки:

*Ты показала мне без слов,
Как вышел хорошо и чисто
Тобою проведенный шов
По краю белого батиста.
А я подумал: жизнь моя,
Как нить, за Божьими перстами
По легкой ткани бытия
Бежит такими же стежками.
То виден, то сокрыт стежок,*

Нина Берберова

*То в жизнь, то в смерть
перебегая...*

*И, улыбаясь, твой платок
Перевернул я, дорогая.*

Но все же чего-то ему не хватало. И в 1922 году он покидает и верную Анну и страну, в которой больше не видит ничего своего.

Чулкова вспоминала: «На столе стояла бутылка вина и корзиночка из-под пирожных. Когда пришел Владя, я спросила: "С кем ты пил вчера вино?" Он сказал: "С Берберовой"».

«Я почувствовала, что я стала не той, какой была. Что мной были сказаны слова, каких я никогда никому не говорила, и мне были сказаны слова, никогда мной не слышанные», — говорила потом Нина Берберова.

У них была разница в пятнадцать лет, Нина была из обеспеченной семьи. Что свело их вместе? Скорее всего, необходимость выжить. Она позже писала: «*Прежде всего, два товарища, два друга, попавшие в беду*». Бедой им представлялась эмиграция.

Вместе им удалось покинуть страну. Он уезжал на лечение, которое действительно было ему необходимо, она собиралась учиться.

Какое-то время оба были вынуждены скитаться. Жили в Берлине, в Сорренто. Ходасевич трудился в «Беседе» — «внеполитическом» издании Горького. Однако вскоре «Беседа» прекратила свое существование, и ему пришлось принимать решение — остаться за границей или вернуться в Россию.

Но в 1925 году Ходасевич узнал, что его имя находится в списке писателей и профессоров, которых в 1922 году выслали из России. Возвращаться в страну, объявившую его высланным, было равносильно самоубийству. К тому же сам Ходасевич считал, что «*при большевиках литературная деятельность невозможна*». Он остался в Париже.

За все годы эмиграции Ходасевич так и не нашел для себя достойной ниши. Он продолжал работать с русским языком, продолжал писать, выполнял тот самый точно обозначенный Набоковым «внутренний заказ», который существовал вне России.

Он редактирует литературный отдел газеты Керенского «Дни», печатает

тается в «Последних новостях», возглавляет литературный отдел газеты «Возрождение». Здесь он писал о современной литературе эмиграции, о русской классике. И хотя стихов он меньше не пишет, как поэт печатается все реже.

А вскоре он расстается и со своей любовью — с Ниной Берберовой. Точнее, это она оставляет его, не в силах больше сносить то нервическое состояние, в котором он постоянно пребывает в последние годы.

Позже она напишет в мемуарах: *«Он боится мира... Он боится будущего... Он боится нищеты... боится грозы, толпы, пожара, землетрясения. Он говорит, что чувствует, когда земля трясется в Австралии, и правда: сегодня в газетах о том, что вчера вечером тряслась земля на другом конце земного шара, вчера он говорил мне об этом. Страх его... переходит в ужас... и я замечаю, что этот ужас по своей силе совершенно непропорционален тому, что его порождает. Все мелочи вдруг начинают приобретать космическое значение. Часто ночью он вдруг будит меня: давай кофе пить, давай чай пить, давай разговаривать...»*

Разговаривать ей вскоре надое-ло. Она вообще была из породы «железных женщин», оставивших немалый след в двадцатом столетии. Она не была готова утешать, жалеть, «страдать вместе». И она уходит, напоследок, как хорошая жена, заштопав ему все носки и

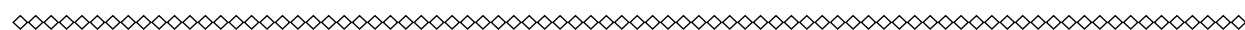
сварив борща на три дня. Их союз продержался 10 лет.

От отчаяния он снова заболевает — на этот раз болезнь печени. Он скитается по больницам, правда — уже в сопровождении новой (и последней) жены — Ольги Марголиной.

Вот уж кто был готов окружить Ходасевича круглосуточной заботой. Дочь богатого (в прошлой жизни) еврея-ювелира, в Париже Ольга зарабатывала вязанием шапочек.

Когда в 1939 года он умирал в больнице, она не отходила от него. Рядом была и Нина Берберова, которая пришла проститься с человеком, с которым прожила десять лет. Именно она оставила подробные воспоминания о последних часах поэта: *«...В семь часов вечера я вошла в палату, где он лежал. Он был тепло укрыт. Глаза его не были плотно сомкнуты. Пульс был очень слаб. Ему сделали переливание крови, отчего пульс стал на полчаса лучше. Медсестра не отходила от его кровати. Обезумевшая Оля стояла тут же. Раза два он повел бровями. Медсестра сказала: надо, чтобы он не страдал. В девятом часу мы ушли. Какое-то равнодушие нашло на меня.*

В 7.30 утра мы были уже в клинике (14-го июня). Он умер в 6 часов утра, не приходя в сознание. Перед смертью он протягивал правую руку куда-то ("и затрепещет в ней цветок"), стонал, и было ясно, что у него видения. Внезапно Оля окликнула его. Он открыл глаза и слегка улыбнулся ей. Через несколько минут все было кончено».

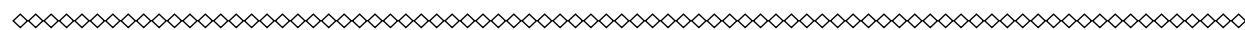

За окном — ночные разговоры,
Сторожей певучие скребки.
Плотные спусти, Темира, шторы,
Почитай мне про моря, про горы,
Про таверны, где в порыве ссоры
Нож с ножом скрещают моряки.

Пусть опять прихлынут к сердцу
страхи,
Как в былые, детские года!

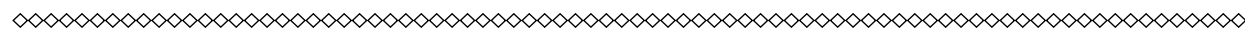
Пусть опять селеня жгут апахи,
Угоняя тучные стада,
Пусть блестят в стремительном
размахе
Томагавки, копья и навахи, —

Я устал быть нежным и счастливым!
Эти песни, ласки, розы — плен!
Ах, из роз люблю я сердцем
лживым
Только ту, что жжет огнем
ревнивым,
Что зубами с голубым отливом
Прикусила лживая Кармен!

Обо всем в одних стихах
не скажешь.
Жизнь идет волшебным, тайным
чередом,
Точно длинный шарф кому-то
вяжешь,
Точно ждешь кого-то, не грустя о нем.
Нижутся задумчивые петли,
На крючок посмотришь — все
желтеет кость,

И не знаешь, он придет ли,
нет ли,
И какой он будет, долгожданный
гость.
Утром ли он постучит в окошко
Иль стопой неслышной подойдет
из тьмы
И с улыбкой, страшною немножко,
Все распустит разом, что
связали мы.

Со слабых век сгоняя смутный сон,
Живу весь день, тревожим
и волнуем,
И каждый вечер падаю, сражен
Усталости последним поцелуем.

Но и во сне душе покоя нет:
Ей снится явь, тревожная, земная,
И собственный сквозь сон я слышу
бред,
Дневную жизнь с трудом припоминаю.

УТРО

Нет, больше не могу смотреть я
Туда, в окно!

О, это горькое предсмертье, —
К чему оно?

Борис Мандель

ПУТЕШЕСТВИЕ

В МИСТИЧЕСКОЕ БЫТИЕ...

Парацельс! Кто же это? Кем был на самом деле человек, умерший 24 сентября 1541 года в Зальцбурге на 48-м году жизни и похороненный с почестями, ибо имел при жизни капитал и славу, заработанные медицинской (и не только) практикой. На его могиле был установлен камень с длиннющей надписью по латыни: *Conditurhic Philippus Theophrastus insignis Medicinae Doctor qui dira ilia vulnera Leporam Podagram Hydropsin aliaque insanabilia corporis contagia mirifica arte sustulit et bona sua in pauperes distribuenda locandaque honoravit. Anno MDXXXI. Die xxiv. Septembris vitam cum morte mutavit* (Здесь лежит Филипп Теофраст звания Доктор Медицины, что те многие язву, проказу, подагру, водянку и некоторые неизлечимые заразные болезни тела чудесным искусством излечил и распределением и отдачей своего имущества бедных почтил. В год 1541, в 24-й день сентября, сменил жизнь на смерть).

Останки Парацельса были эксгумированы в 1772 г. во время перестройки здания церкви св. Себастьяна и перезахоронены за стеной, что окружает двор перед часовней св. Филиппа Нери, пристроенной к церкви, там, где сейчас стоит памятник. В центре разрушенной пирамиды из белого мрамора имеется углубление с его портретом, а выше — надпись на латинском языке: *Philippi Theophrasti Paracelsi qui tantam orbis farnam ex auro chymico adeptus esf effigies et ossa donee rursus circumdabitur pelle sua. — Ion. car. Xix* (Филиппа Теофраста Парацельса, который стяжал столь великую славу мира за (открытие) химического золота, изображение и кости; и пока снова не покроется своей плотью). Под этой надписью виден герб Парацельса в виде серебристого луча, на котором расположены один за другим три черных шара, а внизу стоят слова: *Pax vivis requies aeterna sepultis* (Мир живым, вечный покой умершим).

21 сентября (?) 1493 года у потомка старинного рода (рыцаря Святого Иоанна — Георга Бомбаста Гогенгеймского) родился сын. Произошло это в маленьком швейцарском городке Айнзидельне, в скромном

домике близ Моста дьявола, принадлежащем чете фон Гогенгейм. Увидев своего отпрыска, мать ребенка пришла в ужас: он был горбат, с огромной головой и крохотным тельцем. Младенец появился

на свет в час, когда солнце стояло в знаке Скорпиона, а значит, по гороскопу ему было суждено стать врачом (или алхимиком). Поэтому и имя ему было выбрано соответствующее — Теофраст, в честь знаменитого ученика Аристотеля врача Теофраста.

Известно, что отец его был врачом, а мать — прислуживала в церкви, помогая ухаживать за больными. Отец Теофраста Вильгельм был внебрачным сыном знатного, но обедневшего рода фон Гогенгеймов. Их родовой рыцарский замок некогда располагался под Штутгартом, но, к сожалению, был продан за долги. Переехав в Айнзидельн, Вильгельм фон Гогенгейм женился на местной девушке Элизе Охнер, прислуживавшей в церкви. В отличие от мужа, лиценциата медицины, единственного врача с академическим образованием во всей округе, человека утонченного и меланхоличного, она была неграмотной, грубоватой и взбалмошной, и Теофраст унаследовал от нее довольно склочный характер и непрощаемое упрямство (впрочем, от отца тоже не лучшее качество — нелюдимость). «Я не тот человек, который говорит людям только то, что им по вкусу, — писал Парацельс. — В детстве меня не поили медом, не кормили финиками и мягким пшеничным хлебом. Я пил молоко и ел сыр и хлеб из грубой муки. Я грубый человек, рожденный в грубой стране, я вырос в сосновых

лесах и, возможно, получил в наследство их иголки».

...Существует легенда: однажды шестилетний Теофраст вернулся раньше времени — родители отправляли его пасти гусей — в крови и оскопленным... Через несколько дней, когда кровотечение и горячка стараниями отца были остановлены, малыш поведал о нападении пьяного дезертира... Был ли Парацельс оскоплен в детстве, как гласит предание, или не был — доподлинно неизвестно. Известно только, что на его лице не росла борода, а его череп, сохранившийся до наших дней, по форме больше напоминает женский, чем мужской. Его всегда рисуют безбородым. Портрет в полный рост до сих пор можно увидеть в Зальцбурге, на стене дома, где он жил (Линцер-штрассе, 365, напротив церкви св. Андрея).

Когда Тео было десять лет, умерла его мать, и он с отцом перебрался в город Филлах в эрцгерцогстве Каринтия. Здесь мальчику и предстояло изучить азы искусства врачевания. Огромная библиотека Гогенгейма, большую часть которой составляли трактаты по медицине, и особенно суровые методы воспитания принесли свои плоды. Правда, впоследствии Теофраст с благодарностью отзывался об отце, ремнем вбивавшем сыну основы хирургии, терапии и алхимии. Уже в 16 лет Филипп Теофраст имел хорошее образование и отправился учиться в Базель, а затем — к Ио-

ганну Тритемию, настоятелю монастыря в Вюрцбурге, выдающемуся ученому, богослову, натурфилософу, историку (алхимику, черно-книжнику...). Медицина и философия медицины (в качестве таковой в то время выступала алхимия), оказались для молодого человека сферой, навсегда определившей его судьбу. Была, кстати, и еще одна область, в которой Теофраст Гогенгейм преуспел в молодости. Как

долгий путь, чтобы встретить обожаемую им женщину — насколько же сильнее та тяга любящего мудрость, что заставляет его скитаться в поисках своей божественной возлюбленной» — говорил Парацельс.

Ну, вообще-то медицинские познания он собирал по крохам, не гнушаясь учиться у старух, умеющих готовить снадобья для лечения больных и раненых, у цирюльников, цыган и даже у палачей приобретал

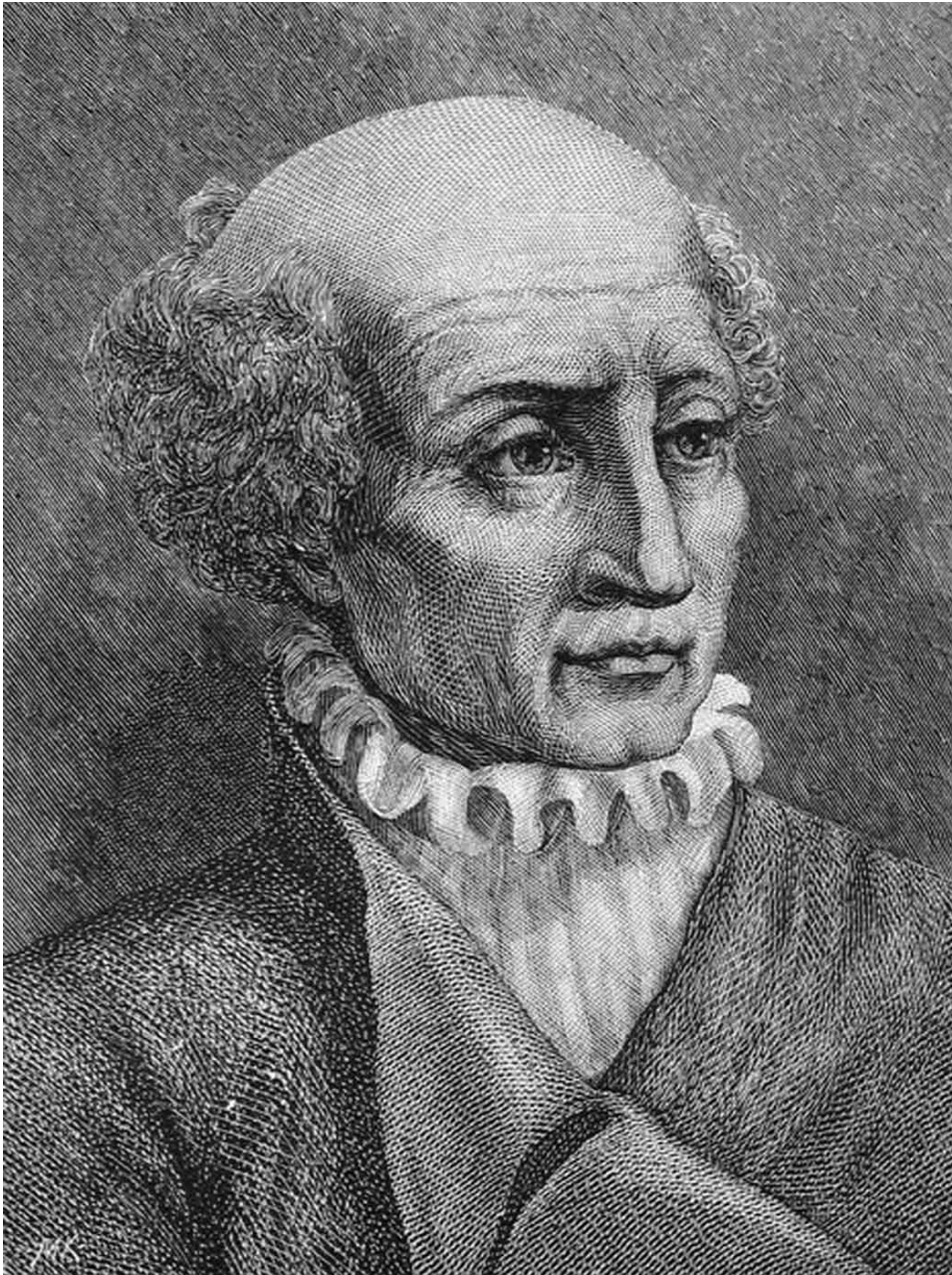
У

потомка старинного рода Гогенгеймов родился сын. Увидев своего отпрыска, мать пришла в ужас: он был горбат, с огромной головой и маленьким тельцем. Младенец появился на свет в знаке Скорпиона, а значит, по гороскопу ему суждено было стать врачом. Поэтому и имя ему было выбрано соответствующее — Теофраст, в честь знаменитого ученика Аристотеля врача Теофраста

и большинство молодых дворян, он хорошо усвоил науку фехтования. Хотя рыцарские времена прошли, дуэли не были редкостью, да и разбойников на больших дорогах (а путешествовать будущий врач любил с детства) хватало. Так что шпага стала его постоянным спутником, как и инструменты хирурга!

«Я скитался в поисках моего искусства, нередко подвергая опасности свою жизнь. Я не стыдился у бродяг и палачей учиться искусству того, что считал полезным. Известно, что влюбленный может пройти

рецепты снадобий, точно уж не известные университетским ученым. Наверное, и эти познания позволили ему стать великим целителем. В своей книге «О женских болезнях» (заметьте, первое сочинение по этому сугубо медицинскому вопросу) Парацельс как раз и воспользовался знаниями ведьм, которые еще были известны как опытные повивальные бабки. Тогда точно ни одна женщина не шла со своей болезнью к врачу, не советовалась с ним, не доверяла ему своих секретов. Ведьма знала все секреты и

*Филипп
Ауреол
Теофраст
Бомбаст
фон Гогенгейм
Парацельс*

была для женщин единственным врачом! В своей практике ведьмы широко использовали растения, и известные нынче, и не известные совсем, забытые, загадочные, исчезнувшие... Помните рукопись Войнича, таинственную книгу, нерасшифрованную до сего времени?

В 1526 году, явившись в Цюрих, экстравагантный целитель изумил горожан не только своей рваной и

грязной одеждой, непристойностями и пьянством, но и пространными рассуждениями о магии, ну и, конечно, своим врачебным искусством!

А далее — Базель! Здесь Парацельс настолько себя проявил, что был назначен на должность городского врача! А профессорский пост в университете? К сожалению, ни диплома, ни ученой степени у него не было, однако протекция муници-

палитета помогла, да еще как! Профессор Парацельс! Да еще читает лекции не по латыни! На великом и понятном немецком. Да еще и не всегда твердым языком... Не отличался трезвостью, что греха таить. Отсюда и прозвища: в Германии — Какофраст, во Франции — Лютер. Но... *«Я выше Лютера, он был только богословом, а я знаю медицину, философию, астрономию, алхимию. Лютер не достоин развязывать завязок моих башмаков»* — это слова Парацельса.

Выдающийся ученый стал и одним из первых ятрохимиков — он пользовался химией (алхимией?) в своей врачебной деятельности. Наш А.И. Герцен даже назвал его «первым профессором химии от сотворения мира». Парацельс изучал терапевтическое действие различных химических элементов, соединений, пересматривал растительные медикаменты, применял лекарства из растений в виде tinkтур, экстрактов, эликсиров и прочего. Создал даже учение «о знаках природы» — «сигна натурале» — природа, отметив знаками растения, сама указала человеку на некоторые из них: растения с листьями сердцевидной формы — сердечное средство, если лист по форме напоминает почку, его следует использовать при болезнях почек. В лекарствоведении Парацельс разработал новое представление о дозировке лекарств: *«Все есть яд, и ничто не лишает ядовитости. Одна*

только доза делает яд незаметным». Новаторство Парацельса проявилось и в создании одной из первых химических теорий функций организма: все болезни происходят от расстройства химических процессов, поэтому наибольшую пользу при лечении могут оказать только те лекарства, которые изготовлены химическим путем. Он впервые широко использовал для лечения химические элементы: сурьму, свинец, ртуть и золото. *«Теория врача — это опыт. Никто не станет врачом без знаний и опыта»*, — утверждал Парацельс, отвергая учения древних (О, Гален и Гиппократ!) о четырех соках человеческого тела и считая, что процессы, происходящие в организме, являются процессами химическими. *«Вы, изучавшие Гиппократа, Галена, Авиценну, воображаете, что знаете все, тогда как в сущности ничего не знаете; вы прописываете лекарства, но не знаете, как их приготовить! Одна химия может решить задачи физиологии, патологии, терапевтики; вне химии вы бродите в потемках. Вы, врачи всего мира, итальянцы, французы, греки, сарматы, арабы, евреи — все должны следовать за мной, а я не должен следовать за вами. Если вы не пристанете чистосердечно к моему знамени, то не стоите даже быть местом испражнения для собак»*.

27 июня 1527 года перед Базельским университетом он сжег произведения Гиппократа, Галена и Авиценны...

А дальше? Путешествия или странствия. Бродя по Европе, Парацельс написал книгу «Большая хирургия». Кстати, за ним повсюду следовала толпа учеников — компания очень разношерстная: цирюльники и банщики, беглые монахи и люди, преследуемые законом. Большинство из них присоединялись к Парацельсу, желая выведать тайну философского камня.

Кстати, есть легенда, что Парацельс побывал в Польше, оттуда

Более того, доверил Теофрасту сопровождать в Стамбул своего сына. А здесь-то адепты тайных наук и открыли ему свое учение. Поговаривали, что в Турции в 1521 году он получил-таки философский камень под руководством некоего Соломона Трисмозина. Кое-кто из современников Парацельса утверждал, что его заносило и в Азию, и в Африку...

А вот когда ученики понимали, что Теофраст раскрывать своих секретов не собирается, они пропа-

П

арацельс изучал терапевтическое действие различных химических элементов и соединений, применял лекарства из растений в виде tinkтур, экстрактов, эликсиров и прочего, даже создал учение «о знаках природы» — «сигна натурале»

отправился в Москву. И это вполне может быть правдой — для него не существовало расстояний. *«Знание не ограничено пределом нашей собственной страны, — писал он, — оно не станет бегать за нами. Те, кто остается дома, живут спокойнее и богаче, чем те, кто странствует. Но я не желаю ни спокойствия, ни богатства. Счастье лучше богатства, а счастлив тот, кто путешествует, не имея ничего, что требовало бы заботы».* Затем — Восток: покинув Москву, он якобы попал в плен к татарам и был доставлен к хану, который даровал мудрому пленнику жизнь.

дали без следа, так и не успев ничему научиться. Потом, впрочем, объявляли себя последователями, учениками, преемниками Парацельса и дурачили несчастных больных, пороча имя великого медика.

После базельской истории Парацельс около полугода жил в Кольмаре, пытаясь прийти в себя. Здесь он возобновил практику и скоро снискал себе известность в городке и его окрестностях. Во второй половине 1528 года он, вдруг почувствовав себя одиноким, чего с ним никогда прежде не случалось, перебрался поближе к родственни-

кам. В одной из комнат устроил лабораторию и пропадал там целыми днями, никого туда не допуская. Легковерные бюргеры вообразили, что он делает золото, что он сказочно богат, и пребывание его здесь может обогатить жителей городка. Они принялись выведывать у родственников информацию о занятиях Теофраста. Но как только выяснили, что в лаборатории он занимается вовсе не изготовлением золота, а какими-то «бессмысленными» опытами, весь город тотчас объявил ему бойкот. В конце концов от Теофраста отвернулись и родственники, и он был вынужден двинуться дальше по Швабии и Франконии. Всюду гонения, запреты, кривотолки! Но зато, наконец-то, стали издаваться книги! Первыми были сразу две книги о лечении сифилиса. В них автор не занимался бесполезным морализаторством, не упрекал больных в разврате (подобно большинству медиков), а давал рекомендации, как облегчить страдания. Правда, в конце одной из книг Парацельс обозвал всех врачей «дубами пробковыми».

1529 год — Нюрнберг. Бесплатное лечение больных, от которых отказались квалифицированные врачи. И, естественно, конфликт. До нас дошла история, случившаяся с каноником Корнелием, страдавшим болезнью желудка и обещавшим 100 флоринов избавителю. Парацельс помог, болезнь прошла, но благодарность была забыта. Парацельс

подал в суд, кричал на судей, оскорблял их и — вынужден был снова бежать.

В начале 1531 года он оказался в Санкт-Галлене. Бургомистр города Штудер долгое время был прикован к постели тяжелым недугом. Теофраст стал его последней надеждой. В доме бургомистра к целителю поначалу отнеслись с недоверием — не был он похож на важных докторов. Более того, чудаковатый доктор был крайне неопрятен, никогда не стирал своей одежды, предпочитая просто покупать новую, когда прежняя становилась совсем непригодной. И этот бродяга поселился в доме Штудеров! Зато бургомистр быстро пошел на поправку, а домашняя атмосфера в его семействе благоприятно подействовала и на Парацельса.

В Санкт-Галлене Теофраст пробыл 27 недель. К нему снова вернулось вдохновение, он часами писал в отведенной ему комнате. Можно сказать, что именно семье Штудера мир обязан появлением на свет двух трактатов: «Парамирум» — о камнеобразующих болезнях и «О невидимых болезнях» (о душевных недугах). В Санкт-Галлене Парацельс сдружился с зятем Штудера Шовингером, что было довольно странно: опасаясь предательства, он трудно сходилась с людьми, а разговаривать его вообще не представлялось возможным. Но Шовингер был большим поклонником тайных наук и собрал целую библиотеку по этой

теме. А после отъезда Парацельса из города зять бургомистра вдруг сказочно разбогател — не открыли ему странствующий доктор тайну философского камня?

В 1532–1534 годах Парацельс жил в Аппенцеле, находясь в ужасной депрессии — конечно, годы-то идут, а он все бродяжничает! «Я чувствовал себя словно бы посаженным на цепь, едва выдерживал давление и скорби», вспоминал он... Теперь ему хотелось стать проповедником и отправиться в горные деревни, наставлять крестьян на путь истинный. Весной 1534 года, оборванный, обветренный, загорелый, Парацельс появился в Инсбруке. Но... проповедника из него не вышло, и он решил возобновить практику. Бургомистр запретил Теофрасту пребывание в городе, и в порыве отчаяния он отправился в Штерцинг, охваченный чумой. Много дней, рискуя заболеть, сражался с жуткой хворью, буквально вытаскивая больных с того света, но и здесь благодарности не дождался...

Через два года Теофраст был уже в Богемии, в Эфердингене, где вылечил вельможу фон Лайпника, больного водянкой. В его замке Парацельс жил до тех пор, пока маршал не стал подниматься с постели, а все свободное время проводил за пером и бумагой.

После успешного лечения фон Лайпника заговор молчания, много лет назад образовавшийся вокруг странствующего доктора, был пре-

одолен — ему устроили торжественный прием в рыцарском замке, на который собралась вся верхушка города Прессбурга. В Вене его дважды удостоивали аудиенции король Австрии Фердинанд.

С 1539 по 1541 год Парацельс, снова поколесив по свету, попал в Германию — Мюнхен, Бреслау, Гретц, Зальцбург... Но здоровье его было уже непоправимо подорвано. Годы странствий, долгие бессонные ночи и эксперименты, которые Парацельс нередко проводил на самом себе, сделали свое дело. Окончательно поселившись в Зальцбурге, он вскоре скончался, успев перед смертью обратиться в католическую веру.

25 сентября 1541 года в зальцбургскую гостиницу «Белый конь», что стояла на набережной, были вызваны городской нотариус и семеро свидетелей — Парацельс хотел объявить свою последнюю волю... Спустя три дня великий врач отошел в мир иной, как добрый христианин. Перед смертью он просил отслужить по нему заупокойную мессу и раздать деньги бедным. Свой конец Парацельс встретил без страха и сожалений. «Смерть не что иное, как просто окончание дневной работы, исчезновение воздуха, выветривание бальзама, погашение света», — писал он незадолго до кончины.

Случилось это на 48-м году жизни, 24 сентября 1541 года. По свидетельству архивариуса Зальцбургского госпиталя, имущество умер-

шего состояло из двух золотых цепей, нескольких колец и медалей, нескольких ящиков с порошками, мазями и химическими приборами и

реактивами. Серебряный кубок Парацельс завещал монастырю в Швейцарии, где жила его мать (он до сих пор хранится в этом монастыре).

Считается, что металл кубка создал сам Парацельс). Местному зальцбургскому цирюльнику (в те времена они были и хирургами) он завещал мази и свои книги по медицине...

А как вам такой финал жизни великого Парацельса?

...Очнулся Парацельс в зловонном подвале на каменном полу.

Дверь подвала вскоре отворилась, вошел огромный детина в маске с прорезями для глаз. Он внес свечу и дощечки для записей, сложил все это у ног врача.

— Чтобы к утру гороскоп был готов, — с угрозой в голосе произнес незнакомец, — и заодно напиши, что делать, чтобы герцог

выздоровел, как можно быстрее встал. Иначе...

Детина выразительно провел рукой у себя по шее и захлопнул дверь. Загремел задвигаемый засов.

Парацельс задумался. Выходит, его расчеты оказались верны: смертный час его уже близок. Его наверняка убьют, хоть напишет он рецепт, хоть нет...

Жаль только, что он забыл дома маленькую склянку с опиумом, которую обычно всегда носил с собой. Тогда не пришлось бы ждать своей смерти до утра. Чтобы занять томительно тянущееся время, Парацельс и в самом деле принялся за гороскоп герцога Баварского. Свой собственный он знал пре-

— Звезды говорят, что его светлость не поднимется и всякое лечение бесполезно, — прошелестел пересохшими губами Парацельс.

Он обманывал своих похитителей. Звезды, напротив, сулили герцогу Баварскому долгую жизнь, и если бы его допустили к больному, он, наверное, смог бы ему помочь. Однако толстяк не способен изготовить нужные снадобья...

Громилы нерешительно переглянулись. Потом, забрав записи, отправились докладывать Теусу, как обстоят дела. Тот пришел в ярость, услышав приговор, вынесенный Парацельсом герцогу Баварскому. И приказал убить непокорного, вдоволь поиздевавшись над его несчастным телом.

К

огда ученики понимали, что Теофраст раскрывать своих секретов не собирается, они пропадали без следа, так и не успев ничему научиться. Потом, впрочем, объявляли себя последователями, учениками, преемниками Парацельса и дурачили несчастных больных, пороча имя великого медика

красно: звезды сулили ему близкую кончину.

Утро застало Парацельса погруженным в расчеты. Снова загремел засов, в подвал вошли два давешних его похитителя в масках.

— Ну что, чудотворец, придумали ты лечение для его светлости? — спросил один.

Но мучители опоздали. Когда они вернулись в подвал, тело Парацельса уже начало остывать. Говорят, он напоследок проверил на практике еще одну свою гипотезу. Он полагал, что сильный человек может не только продлить себе жизнь, но и ускорить собственную смерть. И представил себе, как берет в руки

заветную склянку с опиумом, откупоривает ее, вдыхает опиумные пары, и опьянение медленно, постепенно туманит голову и окутывает тело...

Недолго думая, похитители выволокли умершего Теофраста из подвала, оттащили на пустырь и бросили на произвол судьбы, проломив для верности жертве голову придорожным камнем.

Тело Парацельса, которому на момент смерти сравнялось сорок восемь лет и три дня, как и было

указано в его гороскопе, обнаружили в тот же день. И похоронили беднягу там же, в Зальцбурге, на кладбище Святого Себастьяна.

Скажем так: выдуманно красиво, увлекает, ну а насчет правды... Ее все равно никто никогда не узнает...

О, великий Парацельс! Реформатор науки? Фанатик, болтун, возмутитель спокойствия? Алхимик, маг, колдун? Конечно, натура, судя по всему, весьма эксцентричная — отсутствие скромности и длинный язык, язвительность и простота в выражениях — все это было. И при этом он сумел создать практически новую медицину вкупе с ее философским обоснованием, причем, без всяких явных систематических знаний, — 9 книг, считающихся великими, где автор осуждает объяснение естественных явлений влиянием тайных сил и даже высказывает принцип: молчи, если не можешь найти причину!

Итак, теперь уже точно известно: в своих алхимических исканиях Парацельс исходил из представления, что все вещества состоят из элементов, способных соединяться друг с другом. При разложении веществ элементы разъединяются. Парацельс подчеркнул вещественный характер трех начал: «серы» — начала горючести, «ртути» — начала летучести, и «соли» — начала огнепостоянства. Человек, по мнению Парацельса, образован духом,

душой и телом, которое, в свою очередь, состоит из первоэлементов. Нарушение взаимного равновесия главных элементов ведет к болезни. Если в организме избыток серы, то человек заболевает лихорадкой или чумой. При избытке ртути наступает паралич. А слишком большое обилие солей вызывает расстройство желудка и водянку. Задача врача — выяснить отношение между основными элементами в теле больного и восстановить нарушенное равновесие при помощи определенных химических препаратов. Поэтому первоочередной задачей химии Парацельс считал поиск веществ, которые могли быть использованы как лекарственные средства. С этой целью он и проверял действие на людей различных соединений меди, свинца, ртути, сурьмы, мышьяка. Конечно, его волновала и идея личного бессмертия. Он был вполне серьезно занят созданием эликсира жизни, дарующим бессмертие. Современное общество сегодня взбудоражено сообщениями об успехах генетиков в области клонирования, и разве это не попытки обеспечить себе вечную жизнь? Но идея клонирования не является порождением XX века — она восходит к эпохе Возрождения, когда метод борьбы со смертью путем воспроизводства себе подобных был опробован в лабораториях алхимиков. Ходили слухи, что Парацельсу удалось вырастить в алхимической колбе гомункулуса —

искусственного человечка, во что сейчас, конечно же, совсем не верится. Тем не менее, попытки клонирования имели место в исторической реальности XVI века.

Попробуем подвести итоги нашему биографическому путешествию... А как же все-таки смотрит на Парацельса современная наука?

Ну, во-первых, как-то не очень жалуем мы алхимию. Интересно, любопытно, маняще, но... все это — всего лишь метафизика, эзотерика и прочее.

Зато медицинская сторона, врачебные заслуги Парацельса, оценивается высоко. Ятрохимия, о которой говорилось выше, или химиотерапия, медицинская этика, биомедицинская этика как новая составляющая медицинской философии! В общем-то, не грех напомнить, что нравственная максима здесь совпадает с христианской антропологией: если человек — тело, душа и дух, то управление осуществляется сверху, с позиции духа. Излечение есть излечение души, которая в состоянии вылечить тело.

Говорят, на его могиле молятся об исцелении. А еще в далеком 1830 году, когда Зальцбургу угрожала холера, люди совершили паломничество к его могиле и просили отвести беду от их домов. Смертельный бич обошел их стороной и обрушился на Германию и остальную Австрию. Чудо? Вера? Случай? И все это Парацельс... □

Анна Трекова

ЯНТАРЬ

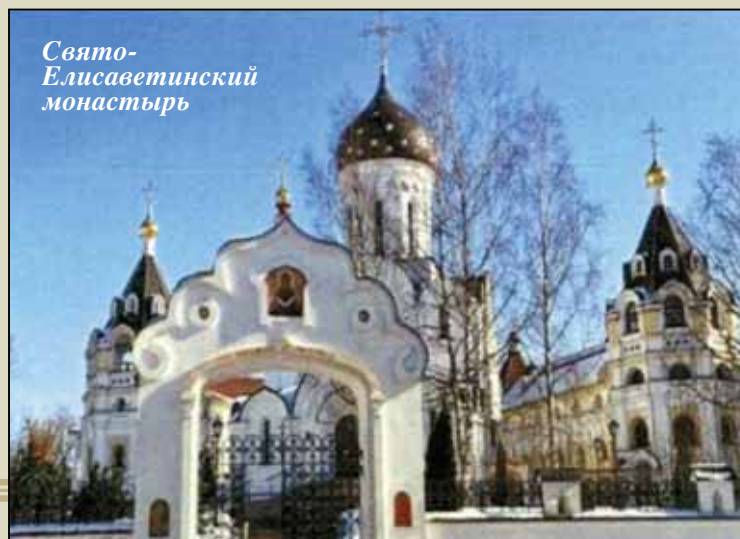
Маленькие капли янтаря,
Застывает желтая смола.
Отражение миллионов лет
В ней как будто прошлого завет.
Плачут сосны. Горький липкий
сок
Нам укажет путь в страну лесов.

Он стекает, медленно храня
То, что на крупинках янтаря.
Присмотрись в волшебный
свет его.
Он расскажет все, что нам дано.
В нем прошедшее хранит тот час,
Когда не было в помине нас.

В БЕЛЬГИЮ ПРИЕЗЖАЮТ БЕЛОРУССКИЕ СЕСТРЫ

Со 2 декабря 2013-го по 4 января 2014 года в Брюсселе (в книжном магазине UOPC по адресу: Avenue Gustave Demey 14–16 Tel.02/648.96.89) будет проходить ежегодная благотворительная **выставка-продажа монастырских изделий**, которые представят сестры Свято-Елисаветинского монастыря из Минска. Свое название монастырь получил в честь святой преподобномученицы Великой княгини Елизаветы Федоровны. Главным для насельниц монастыря является духовная и социальная помощь страждущим. Сестры опекают Республиканскую психиатрическую больницу, дом-интернат для детей-инвалидов, Онкологический центр, а также монастырское подворье, где находят приют люди с алкогольной зависимостью и бывшие заключенные. Выставка-продажа позволит собрать средства для оказания помощи больным детям. На выставке можно будет купить разнообразные изделия монастырских мастерских: книги, календари, диски, серебряные крестики и медальоны, иконы, кресты, мед, бальзамы, травы, а также матрешки, платки, изделия из шерсти и другие сувениры. Будут приниматься записки о Здравии и Упокоении. Во время выставки сестра-художник, по вашему желанию, оформит портрет или портрет ваших близких, с натуры или по фотографии. Представится возможность сфотографироваться на память с одним из героев знаменитой русской сказки или в национальном белорусском костюме.

**Сердечно приглашаем посетить выставку-продажу!
Спаси вас Бог за помощь!**

Женщина-легенда

Среди множества женских портретов, написанных Ренуаром, ее портреты выделяются какой-то особенной лиричностью, особенным очарованием, нежностью красок. Но эта женщина вдохновляла не только Ренуара — ее писали и Тулуз-Лотрек, и Боннар, и Вюйар, и Валлонтон. Жертвами ее невероятного обаяния были не только художники — ей посвятили свои творения композиторы Стравинский, Равель и Пуленк, поэты Малларме и Верлен. Она была преданной подругой Дягилева и Коко Шанель и героиней сочинений Пруста и Жана Кокто. Для многих из этих блестящих, ярких талантов она стала настоящей музой, а Поль Моран назвал ее «пожирательницей гениев, влюбленных в нее». История ее жизни — настоящий роман. А звали эту необыкновенную женщину — Мизия Серт.

Мизия (или Мися) родилась в Санкт-Петербурге в 1872 году при весьма трагических обстоятельствах. Ее отец, скульптор Сиприен Годабски, уехал в Россию по приглашению княгини Юсуповой, пожелавшей, чтобы этот импозантный и талантливый поляк украсил ее дворец в Царском Селе. А молодая жена Годабски Софи осталась с родителями в Брюсселе. И вот однажды Софи, будучи уже на шестом месяце беременности, получила письмо, в котором неизвестный «доброжелатель» сообщал, что Годабски вовсе изменяет ей с сестрой ее матери, ее теткой Эжени! Пове- рить в это было невозможно, и Софи тут же решила ехать в Петербург и своими глазами удостовериться, что супруг ей верен. Оказалось, что автор письма не лгал!

Дорога по зимним российским просторам была непростой, в пути Софи простудилась. Приехав в Царское Село, она родила вполне здоровую девочку, но сама не перенесла тяжелых испытаний и душевных потрясений и скончалась. Годабски успел принять последний вздох своей жены. «Отец отвез меня в Алль, в дом, который так трагически покинула моя мать», — рассказывала спустя многие годы в своих воспоминаниях Мися. Это был дом ее бабушки. На самом деле, даже не дом, а огромная вилла, где всегда звучала музыка. Дед Миси Франсуа Серве был известным виолончелистом, и не удивительно, что в гостях у него бывали лучшие музыканты того времени. Неудивительно и то, что Мися «на-

училась распознавать ноты раньше, чем буквы». В такой обстановке невозможно было не заиграть, и она стала учиться игре на фортепьяно.

Возвращаясь из России во Францию, отец Миси остановился в Варшаве, где познакомился с мадам Натансон, которая вскоре стала его супругой. Поселившись в Париже, Годабски забрал к себе дочь. Мисе было неуютно в доме мачехи, ей казалось, что ее никто не любит, что она никому здесь не нужна. И однажды с несколькими су в кармане она решила бежать к бабушке. Однако побег не удался, ее поймали и отправили в интернат, в пансион мадемуазель Морис. К счастью, мачеха понимала, что у Миси незаурядные музыкальные способности, и наняла ей учителя музыки. Когда девочку отправили на лето к бабушке в Алль, Мися играла сонаты Бетховена перед Ференцем Листом и первым мужем его дочери Козимы дирижером Гансом фон Бюловом. «Ах, если бы я мог еще так играть!» — восклицал восхищенный мэтр.

Вскоре Мисю поместили в школу при монастыре Сакре-Кер, где она провела долгих шесть лет. В ее жизни оставалась только музыка, которой она занималась почти все свое свободное время. Ее учителем был знаменитый пианист месье Форе, пророчивший ей великое будущее...

В монастыре Мися чувствовала себя как в тюрьме, в доме отца ей было не лучше. После одной особенно сильной ссоры с мачехой она решила бежать — бежать в другую,

*Слева и справа:
Пьер Огюст
Ренуар.
Портрет Миси*

далекую от монахинь и своего семейства, жизнь. Ей тогда было 14 лет. Естественно, денег она не имела, зато ей удалось уговорить старого приятеля отца, питавшего к ней слабость, дать ей четыре тысячи франков! В полночь, захватив лишь самое необходимое, она незаметно ушла из дома и исчезла на два месяца — поехала в Лондон. А вернувшись в Париж, поселилась отдельно

от родных в квартирке на улице Сен-Жан, недалеко от авеню де Клиши. Решив быть самостоятельной, Мися попросила своего преподавателя Форе найти ей учеников, что он и сделал, и вскоре она учила игре на рояле дочерей и жену русского посла Бенкендорфа. Число учеников постепенно увеличивалось, и у Миси появились деньги — ведь за урок она брала немало, 8 франков! Самое

поразительное, что ей тогда было всего 14 лет!

Она словно торопилась жить, эта очаровательная, с копной медно-рыжих волос, стройная и грациозная девушка. Уже в 15 лет Мися решила выйти замуж — за девятнадцатилетнего племянника покойной мачехи Таде Натансона, по уши влюбившегося в нее. Форе, узнав о ее намерении стать замужней дамой, распла-

кался — он ведь прочил ей будущее концертирующей пианистки! «Ты не имеешь права так поступать со мной, — говорил ей учитель, — к тому же, если ты выйдешь замуж, ты всегда будешь несчастна». И все же, спустя два года, дождавшись возраста, необходимого для замужества, она стала мадам Натансон.

Таде любил не только Мисю, но и искусство — это очень сближало

молодых супругов. И вот однажды Мися подала Таде и его брату Александру идею издавать журнал о современном искусстве. Они назвали его «Ревю Бланш». Очень быстро вокруг журнала собралась группа, куда вошли самые известные представители парижского артистиче-

ского мира. Журнал открывал и новые имена, и среди них — Поля Верлена, Стефана Малларме, Андре Жида, который говорил: «Это был центр мира, откуда расходились все пути». А центром этого центра стала мадам Натансон — одетая по последней парижской моде, очарова-

Таде Натансон

тельная, да к тому же умная, обладающая безупречным вкусом и видящая талант там, где его еще никто не видел. А как она сама играла на рояле! Мися блистала на всех вечерах, которые устраивались журналом, например, украсила своим появлением грандиозный прием, на котором Равель ублажал публику своей музыкой, а Тулуз-Лотрек разливал коктейли, непременно пробуя их, пока не свалился мертвецки пьяный.

Квартира Натансонов на улице Сен-Флорентэн всегда была заполнена людьми — сюда, как к себе домой, приходили Малларме, Валери, Лотрек, Вюйар, Боннар, Дебюсси, Воллар, Колетт. Чуткая к дару своих

Альфред Эдвардс

друзей, Мися помогала им, знакомила с нужными людьми, организовывала хвалебные статьи в газетах. Ее любили, в нее влюблялись. Пруст, создавая образ своей мадам Вердюрон, героини романа «В поисках утраченного времени», думал именно о ней. «Каждый Новый год Малларме присылал мне фуа-гра и стихи. Фуа-гра я съедала, а стихи складывала в шляпную коробку», — рассказывала она в своих мемуарах.

Ну а художники писали ее портреты. Именно в те годы, годы «Ревю Бланш», появились чудесные портреты, написанные пылко влюбленным в нее Эдуаром Вюйаром, и замечательные картины Тулуза-

Лотрека «Мадам Натансон в театре» и «Мизия Натансон у фортепьяно». (Лотрек обожал слушать «Афинские руины» Бетховена в ее исполнении. Бывало, она играла эту вещь по десять раз на день, а он, охваченный вдохновением, долгие часы, не отрываясь, писал ее.) Не остались в стороне и Феликс Валлонтон и Пьер Боннар. На их картинах мы видим молодую женщину, полную женственности, мягкую, сексуальную, притягательную. Наверное, такой она и была. С пышными волосами, выразительными глазами, всегда элегантная, Мизия неизменно привлекала к себе внимание, где бы ни появлялась. Это была настоящая женщина, и рядом с ней должен был быть достойный ее мужчина. Таде Натансон, журналист и критик, высокий, крепкий, гурман во всем, «Великолепный», как его прозвали друзья, стал для нее таким мужчиной. Он дал жене возможность помогать тем, кто ей нравился, и отвергать тех, кого она находила скучным. «Всегда считала, что художники гораздо больше нуждаются в любви, чем в поклонении. Я их любила, любила их работу, разделяла их горести и радости, их счастье жить», — писала Мися.

Заниматься культурой — дело всегда малоприбыльное. И однажды над журналом нависла угроза финансового краха. К счастью, нашелся человек, пожелавший вложиться в него, — Альфред Эдвардс. Владелец газеты «Матен» (самый большой тираж в Европе!), он был очень богат и решил помочь «Ревю Бланш». Но при

одном условии — Таде должен отправиться в Венгрию, в Калошвар, и поработать там управляющим угольными шахтами, принадлежавшими Эдвардсу. Таде, готовый на все, лишь бы спасти журнал, согласился, хотя, понятное дело, ничего в угольной промышленности не понимал, а его жена начала каждый день получать роскошные букеты белых роз от Эдвардса. И приглашение поужинать вместе. Она долго держалась, а потом все-таки приняла его. В разгар вечера Эдвардс неожиданно поднялся и вышел из комнаты, а его жена и ее брат сообщили растерявшейся Мисе, что мсье Эдвардс влюблен в нее, и они просят Мисю стать его любовницей, дабы окончательно не разбить сердце бедного Альфреда! Мися тут же решила ехать к мужу в Калошвар, но когда она села в поезд, в купе появился Эдвардс. «Дальше мы поедем вместе», — заявил он. Оказалось, Эдвардс поставил себе цель — заполучить Мизию любой ценой, и в этой игре все средства были хороши. Он спокойно наблюдал, как Таде, неопытный и наивный, привел шахты к экономическому краху и задолжал огромные суммы, и готов был все простить при условии, что Мися будет принадлежать ему.

Этим все и закончилось — Мися стала любовницей, а потом и женой могущественного магната Эдвардса, необыкновенно быстро устроившего два развода — своего и Натансонов. Деньги могут многое!

Теперь у нее было все — яхты, замки, бриллианты (о ее украшениях

говорил весь Париж). Она старалась по-прежнему общаться со знаменитостями, а франки ее мужа весьма способствовали росту ее влияния на артистическую жизнь французской столицы. К примеру, когда ее другу Равелю не присудили премию Парижской консерватории, она организовала отставку ее директора и назначение на его место ее учителя пианиста Форэ. Равель тогда в благодарность посвятил Мисе пьесу «Лебедь».

Она по-прежнему возбуждала в художниках желание запечатлеть ее образ на полотне. Одним из ее поклонников стал и 68-летний Ренуар. Он был уже почти парализован (тяжелый артрит мучил его несколько лет) и работал, привязав кисть к руке, но Мися вдохновляла его необычайно — он действительно тогда создал один из своих шедевров. «Прекрасный старец с белоснежной бородой любовно смешивал краски. Только любовь могла создать перламутрово-розовый цвет, который рождался под его кистью», — вспоминала Мизия.

Ренуар полностью погружался в работу и возмущался, когда ей приходилось по тем или иным причинам прерывать сеанс. Закончив один ее портрет, он тут же начинал думать, в каком платье и в какой позе изобразит ее на следующем. В его портретах столько любви, столько восхищения этой победительной женственностью и обаянием! Кто знает, может, он действительно был по-настоящему в нее влюблен...

Когда портрет в розовом платье был готов, Мися, напомнив худож-

нику, что Эдвардс — очень богатый человек, отправила Ренуару чек и попросила проставить в нем ту сумму, которую он посчитает нужной. Она очень удивилась, когда Ренуар взял за свою работу всего лишь 10 000 франков, на ее взгляд, это была очень скромная сумма. Но Ренуар сказал, что нет картины современного художника, которая стоила бы дороже. Как же он был разъярен, когда узнал, что его картина «Портрет семейства Шарпантье» была продана владельцами «Метрополитену» за 50 000 франков. На вопрос Миси: «А сколько они заплатили вам?», — возмущенный художник ответил: «300 франков плюс завтрак!»

Мися обожала Ренуара, и когда хотела доставить удовольствие старому мастеру, водила его на спектакли своего нового друга Дягилева, и Ренуар восхищенно аплодировал Карсавиной, восхищался декорациями и костюмами Бакста и Бенуа.

Увлекся театром и муж Миси. Особенно одной актрисой — ее звали Женевиьева Лантельм. А когда он, используя испытанный ранее прием, попросил Мисю отправиться к Лантельм и уговорить ее стать его любовницей, Мися раздумывать не стала и первой подала на развод. Она не особенно страдала — она никогда не любила Эдвардса, к тому же, он оставил ей солидную сумму. Но самое главное, в ее жизни появилась настоящая, большая любовь — друг и соперник Пикассо, молодой испанец, пылкий, стремительный, талантливый каталонец Хосе Мария

Серт. После первой же встречи он пригласил Мисю поехать с ним в Рим. И она вдруг согласилась! «Мой третий брак на самом деле можно назвать первым, так как он единственный был подсказан сердцем и любовью. Натансон был другом детства, и я, пятнадцатилетняя девочка, вышла замуж за товарища», — признавалась Мися. Однако ей не сразу удалось стать мадам Серт — гордый кабальеро говорил, что когда станет богатым и знаменитым, тогда и сделает ей предложение. И Мисе оставалось одно — ждать, а пока во всем ему помогать, что она и делала, не жалея ни сил, ни денег.

Кроме Серта, в ее жизни занял довольно значительно место еще один мужчина, правда, тут отношения были основаны исключительно на платонических чувствах и любви к искусству, — это Сергей Дягилев. Она была в восторге от всего, что затевал этот человек — от его балетов, выставок, опер. Не раз Мися спасала его от финансового краха — к примеру, в 1908 году, когда парижане еще не привыкли к русской опере, она скупила нераспроданные билеты на все представления «Бориса Годунова» (а их было в том году семь!), только чтобы Дягилев поверил в финансовый успех оперы, которой она восхищалась безмерно. Именно Мися часто была посредником в его отношениях с композиторами и художниками, с ней одной Дягилев был предельно откровенен, именно она утешала его, когда он узнал, что Нижинский его бросил. И именно

она хоронила его в Венеции, продав свои последние бриллианты. Последние слова Дягилева были такими: «Мися, как тебе идет белый цвет! Носи его всегда». Но это было уже в 1929 году, а до того Мисе пришлось пережить Первую мировую войну и потерю многих своих друзей. Осенью 1914 года она участвовала в организации доставки лекарств полевым госпиталям. Три месяца Мизия занималась этим благородным делом и даже с помощью министра Клемансо, питавшего к ней слабость, организовала сеть военно-полевых госпиталей.

После окончания войны Серт решил, что уже достаточно знаменит, чтобы официально жениться на Мисе. Наконец мечта ее сбылась — она стала мадам Серт.

В 1920-х годах в жизнь Миси, богатой на гениев, вошла выдающаяся женщина, совершившая революцию в мире моды, — Шанель. Мися щедро помогала Коко, вводя ее в свой круг, и та обретала новых влиятельных друзей и выгодные заказы. А еще она смело носила туалеты, придуманные подругой, — такая ходячая реклама новой моды! Они, такие разные, всегда стремились к независимости и понимали, что для этого нужны деньги, правда, одна их получала от мужчин, а другая зарабатывала своим трудом. Но обе были умны и преданны искусству. И друг другу. В самые трудные моменты жизни они находили время и нужные слова поддержки. Мися была рядом с Коко, когда погиб Артур Кэпел,

*Тулуз-
Лотрек.
Мися
за роялем*

*Справа:
Коко
Шанель*

человек, которого она любила больше всего в жизни, а Шанель поддерживала Мисю, когда Серт влюбился в очаровательную грузинскую княжну Русудан (Русю) Мдивани и попросил жену отпустить его. Мися, уже стареющая, теряющая свою женскую власть и все понимающая, была безутешна, и только верная подруга Коко смогла как-то убедить ее в том, что это — не конец жизни. Она пыталась отвлечь ее, возила в Голливуд, брала в круизы на яхте, в поездки в Англию. В конце концов Мися нашла в себе силы остаться другом для Серта. Позже она часто бывала в доме бывшего мужа, чувствуя себя «то ли тещей, то ли свекровью». А когда юная, прекрасная Руся неожиданно умерла, Мися на-

деялась, что теперь Серт вернется к ней, но этого не случилось. Он оставался близким ей человеком, виделся с ней почти каждый день, помогал ей, как мог, но не стал снова ее мужем.

Годы шли, Мизия старела, и мужчины уже перестали бросать на нее восхищенные взгляды. Ей пришлось пережить еще одну страшную войну — она оставалась в осажденном немцами Париже. А когда в 1945 году все ликовали, празднуя победу над фашистами, Мися переживала из-за Серта — он тяжело болел и умер в конце того года, завещав ей свою квартиру и все, что там было, избавляя ее тем самым от всех материальных проблем. Его смерть

стала для Миси страшным ударом. «Вместе с ним для меня исчез всякий смысл существования», — написала она.

Ей уже давно стали отказывать глаза, и она постепенно слепла, несмотря на операции в лучших клиниках Швейцарии. В 1947 году Мизия съездила в Венецию — попрощаться с шедеврами старых мастеров, с прекрасным городом, с которым столько всего было связано...

Она чувствовала себя все хуже, и даже пристрастилась к морфию, колола себя, полуслепая, прямо на улице, через одежду, громко требовала в аптеках, чтобы ей продали наркотик. Однажды провела ночь в полицейском участке, среди проституток и бездомных — ее арестовали, поскольку ее имя нашли в списке мелких наркодилеров. После этого Коко Шанель вывезла подругу в Швейцарию, где в санатории ее немного привели в порядок. Но жизнь из нее уходила быстро. 15 сентября 1950 года Мизия Серт скончалась в своем доме в Париже. Почти перед самой смертью она, придя в сознание и понимая, что умирает, произнесла: «А знаете, жизнь вовсе не так уж прекрасна». Коко убрала ей волосы, поддурманила, обрядила в элегантное белое платье (она помнила слова Дягилева) и похоронила — на маленьком кладбище близ Вальвена, недалеко от могилы Малларме. Почти все из тех, кому когда-то покровительствовала и помогала Ми-

ся, к тому времени уже умерли, и за ее гробом шла совсем не длинная процессия — там были лишь Коко Шанель да несколько еще помнивших ее людей. До самой своей смерти (в 1971 году) Коко Шанель каждый день отправляла белую розу на могилу своей подруги. Позже в своих мемуарах она написала: «Мися была единственной женщиной, которую я и поныне считаю гениальной».

Такова судьба этой незаурядной женщины. Она и сегодня продолжает жить на замечательных картинах своих друзей, навсегда запечатлевших удивительное обаяние той, которая, как могла, служила самому прекрасному, что есть в жизни, — Искусству. □

ИТАЛЬЯНСКИЙ

Майя
Орлова

ВУЛКАНЫ

В 50–60 годы в Италии развернулась настоящая борьба между Джиной Лоллобриджидой и Софи Лорен за звание «Самой сексуальной актрисы». Газеты тут же окрестили ее «Войной бюстов». В запале борьбы Софи заявила, что Джина вживила себе в грудь силиконовые имплантанты. Возмущенная «Ла Лолло» (так прозвали Джину итальянцы) немедленно предложила им с Софией обнажиться перед публикой, чтобы та вынесла свой вердикт. От желающих побыть в роли судей не было отбоя, благо в самый последний момент, когда страсти накалились до предела, спор затих.

Пожалуй, это был единственный громкий скандал, в котором оказалась замешана прекрасная и целомудренная (да-да!) Джина. Она прославилась как актриса, а не как героиня пикантных репортажей с двусмысленными фотографиями.

4 июля 1927 года в маленьком городке Субьяко, недалеко от Рима, в семье плотника Джованни Лоллобриджида родилась вторая дочь — Луиджина. Впоследствии, когда ее спрашивали, настоящая ли у нее фамилия, или это псевдоним, она со вздохом отвечала: — Да разве такое можно придумать!?

Действительно, фамилия трудная для произношения и слишком длинная для афиш. Но вот о них девочка из бедной многодетной семьи вообще не задумывалась, даже когда подросла и ее стали останавливать на улицах, чтобы предложить сниматься в кино.

Вообще детство Джинины трудно назвать безоблачным и счастливым. У нее и трех ее сестер никогда не было игрушек, зато они прекрасно знали, что такое голод, труд и нищета. А потом разразилась Вторая мировая война, испепелившая пусть убогий, но родной дом, смертельно опасный путь пешком в Рим, мытарства семьи в Вечном городе...

Зато после всего этого Джинине уже ничто в жизни не казалось страшным или недостижимым. Она познала, по ее собственному выражению, самое дно жизни, никогда не боялась вернуться туда вновь, хотя судьба, наоборот, была к ней благосклоннее, чем ко многим другим.

В Риме отец семейства долго не мог найти работу: девочкам рано пришлось, помогая родите-

лям, зарабатывать на хлеб насущный. Три дочери плотника Лоллобриджида устроились работать статистками в кино, а Джина... рисовала портреты и карикатуры для журналов. Она серьезно увлеклась живописью, кроме того, мечтала стать профессиональной певицей, даже

начала посещать занятия в Академии изящных искусств. Но предложения сняться в кино продолжали поступать, и мать, в конце концов, уговорила красавицу-дочь пойти в 1946 году на пробы фильма «Черный орел».

Джина, в отличие от других дебютанток, сразу же повела себя как ак-

триса, знающая себе цену. За первую же свою роль она запросила баснословный по послевоенным меркам гонорар и... получила его. Итальянский кинематограф остро нуждался в красивых женских лицах, а в Джине было все: пышные волосы, огромные влажные карие глаза, пухлые

1947 году, юная актриса тоже играла небольшую роль, но ее имя уже значилось в титрах. Несмотря на все уговоры продюсера и режиссера взять звучный и короткий псевдоним, труднопроизносимая фамилия попала на экраны, и вскоре весь мир знал ее наизусть. Джина не от-

В 1927 году в маленьком городке Субьяко в семье плотника Джованни Лоллобриджида родилась вторая дочь — Луиджина. Впоследствии, когда ее спрашивали, настоящая ли у нее фамилия, или это псевдоним, она со вздохом отвечала: «Да разве такое можно придумать?!»

чувственные губы и бесподобная фигура. Ее тут же провозгласили идеальной женщиной, хотя в титрах фамилия дебютанки не значилась.

Любопытная деталь: фильм был экранизацией пушкинской повести «Дубровский», слегка переделанной на итальянский лад. Александра Сергеевича в титрах тоже не указали, не удостоился этой чести и Фредерико Феллини, также участвовавший в работе над картиной. Но и в крохотной эпизодической роли Джина сверкнула алмазом.

Ничего удивительного: чувственная и необыкновенно сексапильная актриса в 1947 году заняла третье место в конкурсе красоты «Мисс Италия». Такую женщину мудрено было не заметить на экране.

В фильме-мюзикле «Любовный напиток», вышедшем на экраны в

казалась от нее даже тогда, когда обнаружилось, что на французском языке «лолло» означает «большой бюст». Она только посмеялась над этим: бюст ее на долгие годы стал эталоном в мире моды.

В 1948 году Джина сыграла главную роль в фильме-опере «Паяцы», в следующем году — снова главную роль в драме «Ударить в набат», причем на сей раз афиши вышли с ее портретом и многие из них стали украшением комнат молодых (и не очень) итальянцев, любовавшихся прекрасным лицом актрисы.

А следующий год стал знаменательным и для личной жизни Джинны. Она познакомилась с молодым красивым врачом-югославом Милько Скофичем и очень скоро вышла за него замуж. Новобрачный сразу же после медового месяца весьма

дальновидно оставил врачебную практику, чтобы стать менеджером своей красавицы-жены: в 1950 году Джина успешно снялась в четырех фильмах и, что самое главное, получила приглашение в Голливуд. Правда, один из пунктов контракта на миллион долларов, предложенного ей продюсерами, подразумевал полный контроль над карьерой и личной жизнью молодой звезды, но все равно это — предел мечтаний любой киноактрисы во всем мире.

Любой, но не гордой и темпераментной итальянки. Она считала, что замужней женщине нельзя принимать дорогие подарки и недвусмысленные знаки внимания от посторонних мужчин, а Голливуд славился богатыми поклонниками-покровителями красивых молодых актрис. К Джине воспылал страстью знаменитый продюсер и магнат Ховард Хьюз. Красавец, миллионер и самый завидный жених Голливуда, он буквально преследовал ее своей любо-

вью. Даже предложил ей развестись и стать его женой, но пылкая итальянка оказалась не менее рьяной католичкой и свято хранила верность своему мужу.

Несколько месяцев она сопротивлялась публичному обожанию настойчивого поклонника, а потом просто сбежала в Рим, разорвав семилетний контракт, обещавший ей всемирную славу, и шокировав Голливуд, не привыкший к тому, чтобы кинодивы пренебрегали миллионерами. Впрочем, на популярности Джина это никак не отразилось, и всемирную славу — без скандального оттенка! — она все равно получила.

В 1951 году — опять четыре фильма, деньги, афиши, письма поклонников... И те же четыре фильма в следующем, но среди них — знаменитый французский фильм «Фанфан-Тюльпан», в котором Джина снялась вместе с популярнейшим тогда актером Жераром Филиппом.

Блистательный актерский состав, искрометный юмор, лихо закрученный сюжет и красивый хэппи-энд мгновенно сделали картину невероятно популярной во всем мире. Это был и звездный час Джина — ее слава докатилась даже до СССР, куда иностранные фильмы попадали в те годы чрезвычайно редко. В начале пятидесятых годов и еще лет тридцать внешность знойной итальянки была эталоном для миллионов русских женщин, пытавшихся ей подражать.

Став самой популярной звездой европейского кинематографа, Джина уже куда более разборчиво относилась к выбору ролей. Она очень внимательно читала все присылаемые ей сценарии и однажды даже отказалась от выгодного контракта с самим режиссером Антониони, потому что некоторые реплики ее героини, по мнению актрисы, оскорбляли честь итальянцев. Джина внутренним чутьем чувствовала потенциал будущего фильма и снималась только в тех, которые ждали заслуженная слава и финансовый успех. Разумеется, ее участие в этих фильмах только добавляли им достоинств.

В 1953 году на экраны вышел ее самый запоминающийся успех — фильм «Хлеб, любовь и фантазия». Он побил все кассовые сборы и получил множество призов, в том

числе, Серебряного Медведя Берлинского кинофестиваля 1954 года, приз Британской академии 1955 года в двух номинациях — лучший фильм и лучшая иностранная актриса (разумеется, Джина Лоллобриджида), а также премию «Оскар» в номинации «Лучший сценарий игрового фильма».

После успеха в Европе Джина, уже королевой экрана, вновь приехала в Голливуд. Среди известных фильмов «фабрики грез» с ее уча-

стием — «Собор Парижской Богоматери», «Соломон и Шеба», «Море». Про европейское кино она тоже не забывала, хотя особо ярких ролей ей не доставалось. По очень и очень уважительной причине: в 1957 году Джина родила сына, который мгновенно стал для нее центром мироздания и смыслом жизни.

Дотошным журналистам, мечтающим о пикантном материале из личной жизни супер-звезды, за все эти годы не доставалось даже намека хотя бы

на крохотный скандалчик: Джина была безупречна. Впрочем, позднее она «призналась» особенно настырному журналисту, что «пыталась соблазнить Жерара Филиппа». Кумира французских зрителей к тому времени уже не было в живых, но и при жизни он никогда не был замечен в интрижках с партнершами по съемкам. Джина просто пошутила, причем добавила, что ее попытка успеха не имела.

В 60-х годах Лоллобриджида реже стала появляться на экране, хотя

набожная Джина все-таки решилась на развод, получить который было очень и очень непросто. Но она, как всегда, добилась своего.

Этот развод дал повод новым надеждам ее бесчисленных поклонников. Теперь она не отказывала во внимании многим, ведь ее благосклонности добивались самые интересные мужчины Америки и Европы. Однако разборчивая красавица всегда умела держать своих мужчин в ежовых рукавицах и никогда не по-

3 а первую же свою роль Джина запросила баснословный гонорар и... получила его. Итальянский кинематограф остро нуждался в красивых женских лицах, а в ней было все: пышные волосы, огромные карие глаза, пухлые чувственные губы и бесподобная фигура. Ее тут же провозгласили идеальной женщиной

в 1961 году фильм «Приходи в сентябре» принес ей премию «Золотой глобус». В ее актерской карьере наступил многолетний перерыв:

«Надо, чтобы каждая следующая роль была лучше предыдущей, а это трудно, учитывая стандартные сценарии. Я бы предпочла сниматься не в дорогих боевиках, а в картинах режиссеров, которые что-то ищут, стремятся говорить с экрана правду», — объясняла она.

К сожалению, и в семейной жизни все было не так гладко. Красавец-супруг оказался эгоистичным деспотом, и в 1966 году терпеливая и

зволяла им безраздельно завладеть своим сердцем и жизнью.

Она никогда не считалась ни с какими «правилами приличия» и во все не думала, что за красивые ухаживания, бесценные подарки и пылкие признания обязана расплачиваться сексом. Многим любовникам давала немедленную отставку, как только чувствовала в них опасную ревность, деспотизм или чувство собственности.

Невероятно, но одной из самых красивых женщин кинематографа середины XX века удалось-таки отстаивать свою независимость. Никому

из своих знаменитых мужчин она так и не пожелала стать женой.

«Женщина должна быть женщиной, а не железной леди. Когда находится мужчина сильнее тебя — такое, говорят, иногда бывает, — любая женщина будет готова стать слабой. Но то ли мир так изменился, то ли я слишком требовательна, но моя вечная проблема в том, что не могу найти мужчину сильнее себя. Поэтому я одна...»

А в мире кино, тем временем, происходили очередные перемены, и,

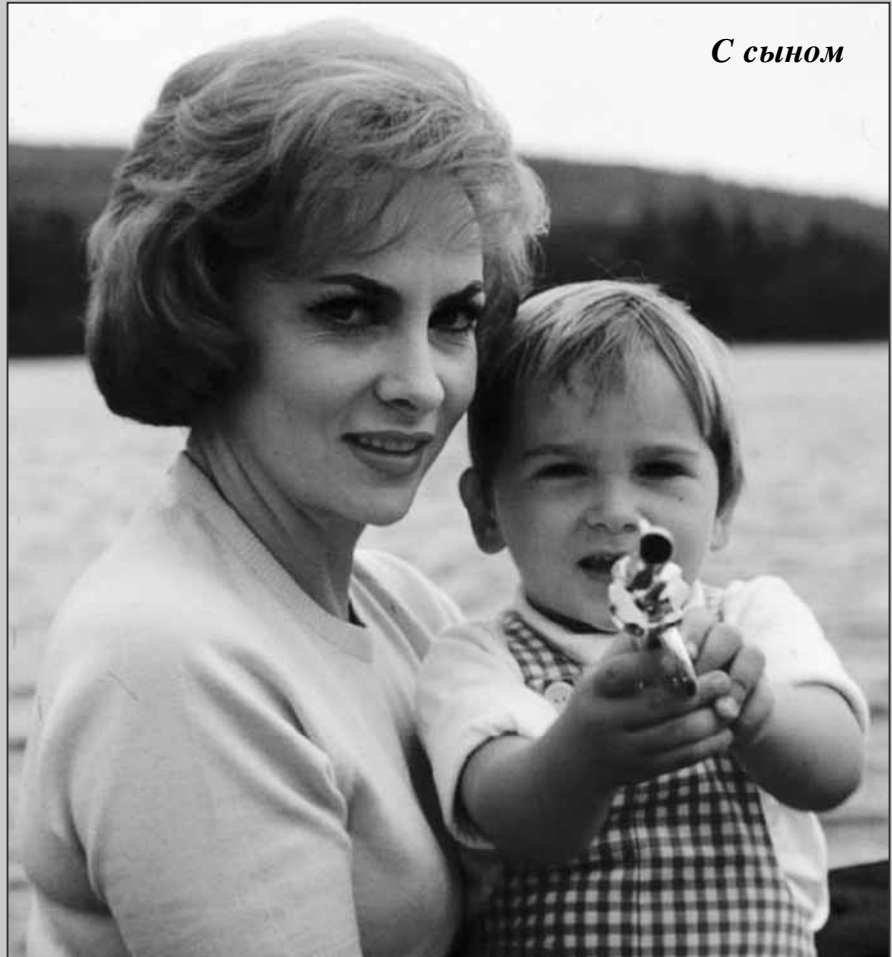
С мужем

прежде всего, в эталонах женской красоты. Образ «южной красавицы» вытеснялся образом другим: более «городским», странным, романтичным, подчеркнута интеллектуальным... Иконой этого стиля стала юная Одри Хепберн.

А Джина... Джина пристрастилась к путешествиям. Она встречала ежедневно сотни новых людей, ее переполняли впечатления, которыми она щедро делилась с окружающими: рисовала, фотографировала, лепила. В 1961 году Лоллобриджида впервые приехала в СССР для участия во втором Международном кинофестивале в Москве, где познакомилась с Юрием Гагариным и Никитой Хрущевым. Теперь ее жизнь — ее семья, путешествия, искусство, менее всего — кино.

В 1970-х годах карьера Джины пошла на спад и почти завершилась в 1973 году участием в фильме «Смертный грех». После этого в течение последующих десятилетий она снялась всего в паре фильмов и несколько раз принимала предложение на съемки на телевидении. В это время Джина занялась фотожурналистикой и среди знаменитостей, фотографии которых она делала, были Пол Ньюмен, Сальвадор Дали, Фидель Кастро, а также сборная Германии по футболу. В 1973 году ее работы были опубликованы в журнале «Italia Mia». Помимо фоторепортажей она некоторое время занималась ваянием скульптур.

Ее красота по-прежнему не меркла и открывала перед ней любые двери — Королевского дворца в

Лондоне, когда ее принимала королева Англии, Белого дома, куда она была приглашена президентом Эйзенхауэром. Джина очаровывала всех — даже оперную диву Марию Каллас — исполнением фрагмента из «Тоски» Пуччини.

Русские традиционно сходили с ума от прекрасной итальянки — в 1973 году Лоллобриджида вновь приехала на Московский кинофестиваль, только на сей раз — в качестве члена жюри. Она была по-прежнему не только красива, но и богата, независима и соглашалась сниматься только ради удовольствия. Фильмов немного, из известных — «Прекрасный ноябрь» (1968) и

американский «Король, дама, валет» (1971).

В 1976 году актриса решила попробовать себя в качестве режиссера и сняла документальный фильм о Кубе, для которого взяла интервью у Кастро. Правда это или нет — неизвестно, но в газетах писали, что, когда Джина встретила кубинского лидера, на ее запястье красовались прелестные часики фирмы Piaget в золотом корпусе, украшенные бриллиантами. Они якобы так понравились пламенному революционеру, что тот предложил обменять их на свой боевой хронограф.

Вряд ли этот обмен состоялся. Джина всегда любила только доро-

гие украшения и любит их сейчас, но надевает только по особым случаям. В ее собственности находится одна из самых лучших коллекций изумрудов в мире.

Кроме того, выставка ее работ объехала уже полмира. Фотографии, сделанные Лоллобриджидой и собранные в альбоме «Моя Италия», а

дружеские отношения. И этот удар судьбы она приняла так же стойко, как когда-то закат своей кинематографической карьеры — у нее был сын, делавший вполне успешную карьеру экономиста и обожавший свою необыкновенную мать.

В 1981 году Джина застраховала на \$600 000 свой легендарный бюст.

Джина очень внимательно читала все присылаемые ей сценарии, а однажды даже отказалась от выгодного контракта с самим режиссером Антониони, потому что некоторые реплики героини оскорбляли, по ее мнению, честь итальянцев. Джина внутренним чутьем чувствовала потенциал будущего фильма и снималась только в тех, которые ждали заслуженная слава и финансовый успех

также портреты Дали, Хрущева, Гагарина, Пола Ньюмена и многих других снискали всеобщее признание.

Благодаря трудолюбию Джина во всем добивалась фантастического успеха. Она даже пробовала себя в качестве консультанта в крупных косметических компаниях, хотя сама убеждена в том, что *«лучшая косметика — это любовь... Женщина должна напоминать цветок — душистый и прелестный»*, поэтому всегда предпочитала и предпочитает естественный макияж и гармонию красок.

В 1979 году в автокатастрофе погиб ее бывший муж Милко, с которым она после развода поддерживала

Теперь эксперт ежегодно измеряет расстояние между животом и оконечностями груди актрисы. И когда оно резко уменьшится, Лоллобриджида получит всю причитающуюся ей сумму страховки плюс проценты. Она знает, чем рискует, ибо ее бюст на протяжении десятилетий вызывал восхищение у бесчисленного множества мужчин.

Говорили, что именно ее бюст сохранил жизнь многим итальянским солдатам во время войны в Ливане в 1983 году. Дело в том, что к моменту высадки там международных сил министр обороны Сирии Мустафа Тлас был настолько увлечен актри-

сой, что потребовал от ливанских сил сопротивления уничтожить американских, английских, каких угодно других солдат, но только не итальянских. Он очень опасался, что Джина будет огорчена гибелью своих соотечественников. Ни один итальянский солдат даже не был ранен во время этого конфликта. Потом, когда Мустафа Тлас встретился с Джинной лично, она горячо поблагодарила генерала за сохраненные жизни итальянцев.

Правда это или очередная красивая легенда — неизвестно. Ибо как в запале боевых действий в дыму пожаров и грохоте взрывов прика-

жете определять национальность противника?

В 1986 году Джина выступила в качестве председателя жюри на Берлинском кинофестивале. «Зрелость — лучшая пора для женщины», — обронила она в одном из интервью. Запомните, милые дамы, а также кавалеры: шестьдесят лет — это не старость и даже не ее начало, а зрелость. Так считает одна из самых красивых женщин мира, а к ее мнению стоит прислушаться.

Она до сих пор живет одна в своей роскошной вилле на Аппиевой дороге под Римом, окраине для богатых, и творит там свои шедевры под гомон

птиц. Павлины, утки и лебеди — в общей сложности более 600 особей — обитают на вилле актрисы.

Джина давно не снимается (последний фильм «XXL» с ее участием в роли Габи Береби вышел на экраны в 1997 году), путешествует, ведет светскую жизнь, обожает свою маленькую внучку и не отказывает себе в радостях жизни.

В 1999 году Джина Лоллобриджида баллотировалась в Европарламент, на добровольных началах сотрудничала с ЮНЕСКО и ЮНИСЕФ. «Я как-то пыталась заниматься политикой, но поняла, что это не мое, поскольку ненавижу компромиссы. Всегда говорю то, что думаю, причем прямо в лицо» — сказала она в одном интервью.

Джина немного лукавила: в 1995 году президент Франции Франсуа Миттеран не случайно вручил ей выс-

шую французскую награду — орден Почетного легиона. Без особых заслуг получить этот орден иностранке — практически невозможно, даже если она суперзвезда кино.

Как истинная итальянка она разговорчива, ценит свою национальную кухню и собирается жить бесконечно, нисколько не пугаясь старости. «Человек старится, когда ему нечем заняться. Я всегда при деле: фотографирую, леплю скульптуры, музицирую, слушаю пение своих птиц — наверное, в этом и есть секрет вечной молодости».

И в один прекрасный день мир ахнул: в возрасте 79 лет Джина объявила о второй в своей жизни помолвке. Избранником стал 45-летний Хавьер Ригау, преуспевающий испанский архитектор. В ответ на «уколы» папарацци Джина сказала:

— Если вы не можете понять, как молодой мужчина может хотеть быть рядом со мной, значит, вы ничего не понимаете в любви.

Джина обожает русскую кухню. Особенно ей нравятся супы и борщ, а также соленые огурцы. А вот водка — напиток не для нее. Выпитые с вечера полрюмки, говорит актриса, наутро вгоняют ее в такую депрессию, что хочется плакать. Для того, чтобы поддержать хорошее самочувствие и настроение, достаточно выпить полбокала сухого белого вина. Несмотря на то, что она старается ни в чем себе не отказывать, ее талия в 59 см долгие годы оставалась предметом зависти миллионов женщин. Даже сейчас, когда ей за

Скульптуры Джины

80, у нее поистине девичьи параметры фигуры. В чем же секрет? Да нет никакого секрета, а есть «Диета Джины» — и 2-х килограммов как не бывало...

«С понедельника по пятницу можно не отказывать себе ни в чем, но затем два дня диеты:

Завтрак — минеральная вода без газа (1 литр);

Обед — сыр малой жирности (50 гр), вареное мясо (150–200 г), апельсиновый сок (1/2 литра);

Ужин — вода с лимоном (250 г)».

Может быть, стоит попробовать?

Последние 15 лет синьора Джина ваяет. Она — автор 60 скульптур, отлитых в бронзе и высеченных из мрамора. Выставку своих скульптур Джина впервые показала в Москве даже раньше, чем ее организовали в Риме. О России она отзывалась так:

«Русские — это в своем большинстве очень глубокие, образованные люди. И страна у вас с большой историей и, уверена, большим будущим. Я бы не решилась разбрасываться такими словами, только чтобы польстить. И уж поверьте, я не стала бы свою первую выставку скульптур проводить в стране, к которой не питаю должного уважения».

Одно из произведений Лоллобриджи — статуэтка девушки, держащей на ладони жемчужину, — стало призом международного кинофестиваля «Балтийская жемчужина». Бабушка Джина по-прежнему предпочитает яркие, сильно декольтированные платья и говорит, что еще все впереди, так как надеется прожить долгую интересную жизнь, как и ее тетья, старейшая женщина Италии, ушедшая в мир иной в 113 лет.

Кто знает... □

ВЫ ГОВОРИТЕ

ПО-ИТАЛЬЯНСКИ

— Вот так обстоят наши дела, Иванов, — подытожил генеральный директор Зайкин, отправляя в рот ролл с тунцом, задумчиво окинул взглядом черный пластиковый поднос, на котором оставалось с десяток суши и роллов, и побулькав в корытце с соевым соусом, нацелился на гункан с тобико. Казалось, он забыл о том, что штатный переводчик стоит перед его рабочим столом навытяжку.

Иванов покосился на отвратительное болотце из соуса, зеленого хрена и риса и отвел взгляд в сторону, где на стене висела картина, изображавшая во всем великолепии холста и масла директорский «геленваген». Облизав пальцы, Зайкин вспомнил про торчавшего перед ним жертвенным столбом переводчика и поднял на него взгляд.

— Так что, извини, Иванов, ситуация изменилась, увольняйся, — скорчил он скорбное лицо безвинно страдающего человека. Иванов открыл, было, рот, желая возразить, но «гендир» тут же перебил его: — Денег нет! Сам видишь, всухомятку питаемся, дожили. Иди к Нонне в отдел кадров, оформи там все как положено.

С этими словами он протянул бывшему сотруднику руку, предварительно потеряв ее о пиджак. Пришлось скрепить увольнение крепким мужским рукопожатием. Спрятав растопыренные пальцы за спину, Иванов выполз в коридор.

Чувствовал, ох, чувствовал Иванов, нанимаясь сюда два месяца назад, что ничего хорошего из этого не выйдет. Но согласился, маменька настояла. Он поднес руку к лицу. Пальцы были липкими и отчетливо пахли тухлой рыбой.

Офисный туалет встретил Иванова пустотой и прохладой. Переживший увлечение дизайнерскими наворотами начальник приказал выложить его черным кафелем от пола до потолка. Из трех имеющихся кабинок одна была шире на полметра, закрывалась на замок снаружи и была оборудована вмонтированным в пол экраном, нон-стоп транслировавшим «Маскишоу». Туалетная бумага для хозяина закупалась исключительно цветная. Сегодня, например, был оранжевый день: утром он видел уборщицу, прилаживавшую в кабинку рулон апельсинового цвета.

Иванов вымыл руки, внимательно оглядел себя в зеркале и сказал своему отражению:

— Ну, что смотришь? Глазки маленькие, к носу съехались. Губы пухлые, младенческие. И рост, м-да, оставляет желать лучшего.

В детстве ему хотелось проснуться однажды утром и увидеть одухотворенное лицо, достойное свободного художника. Отражение было неумолимо, показывая чахлого подростка, неспособного подтянуться на турнике. Филфак был выбран мамой. Иванов подчинился, спорить с родительницей было бесполезно. К тому же, ссора могла перерасти в семейный скандал и отлучение от маминых пирожков.

Работа переводчика была верным куском хлеба, который, однако, периодически вставал Иванову поперек горла. В душе не было музыки, хотелось творчества, полета фантазии, креативности, а не простой конвертации одних слов в другие. Конечно, прозябание в офисе имело и приятные стороны. Спрятавшись за монитором и изображая сверхчеловеческое служебное рвение, он частенько занимался своими делами. Менеджер Машенька, прикрывшись папками, строчила на сайтах знакомств, а начальник отдела по развитию Вадик Голиков выбирал новую модель

домашнего кинотеатра. И начальник, и простой менеджер рисковали попасть под горячую руку «гендиру» Зайкину, Иванов же наслаждался всеобщей языковой безграмотностью.

Дверь в туалет распахнулась, и одиночество Иванова было нарушено появлением Коли Капустина. Сисадмин молча проследовал к окну и распахнул форточку.

— Будешь? — предложил он раскрытую пачку Иванову.

— Я же не курю.

— Я помню, но мало ли, — покосился на него Капустин. — Уволили?

— Да, — устало вздохнул Иванов.

Новости распространялись на фирме со скоростью перемещения секретарши босса, а двигаться она умела быстро.

— Следовало ожидать. — Коля выпустил клуб дыма и, смачно выругавшись, проговорил: — Сначала едет на Гавайи, потом выводит капиталы на Кипр, а теперь у него реорганизация. Скоро здесь человек пять останется.

Какое-то время молча стояли у окна. Капустин старательно выдыхал дым в форточку. Из офиса в сторону служебной машины проследовала ведущий юрисконсульт Ирина Анатольевна. Иванов проводил ее затуманившимся взглядом. На лице его блуждала мечтательная улыбка.

— Нравится? — встрепнулся Капустин.

— Какая теперь разница? — ответил безнадежно влюбленный, даже в мыслях позволявший себе лишь букет цветов с курьером для богини из юридического отдела. Вытеснив образ красивой женщины, грозовой тучей возник образ мамы, и он, сразу погрузнев, добавил: — Мама выразит недовольство.

— Не понял? — неуверенно произнес Капустин.

— Я с мамой живу, — неожиданно признался переводчик.

— Зачем?

— Удобно, — вздохнул Иванов.

— Аргумент, — согласился немногословный Капустин и достал следующую сигарету.

— Знаешь, у меня есть теория, — не унимался Иванов. — Если хорошенько подумать, служебный туалет отражает отношение начальства к подчиненным. В одной крупной фирме, где я подрабатывал, был незаконченный ремонт. Заметь, именно в туалете. А через три месяца выяснилось, что фирма обанкротилась, и денег никому не заплатят.

Капустин с невозмутимым выражением лица внимательно слушал.

— Забавно было в другом месте. На первый взгляд, ничего необычного, но! — Иванов многозначительно поднял указательный палец и выдержал

ВЫ ГОВОРИТЕ
ПО-ИТАЛЬЯНСКИ

паузу. — Один из унитазов недавно заменили новым, а дело было как раз перед Новым годом. И коллектив был дружный, и корпоративная жизнь кипела, но всегда на рабочем месте. Поскупилось руководство оплатить встречу Нового года в более пригодных для этого условиях, типа загородного спа или ресторана в центре. Офис отделали с размахом, а туалет был простенький. Выходит, к сотрудникам относились соответственно, как к расходному материалу. Что скажешь?

Капустин задумчиво почесал за ухом.

— Ладно, Коль, забудь! — Иванов еще раз вымыл руки и, не дожидаясь ответа, вышел.

Дома, напившись чаю и получив порцию нравоучений, он клятвенно пообещал родительнице, что сию же секунду возьмется за поиски новой работы. Оставшись один в своей комнате, включил компьютер, но, вместо того чтобы зайти на сайт вакансий, завис на форуме волшебников.

Да-да, Иванов изо всех сил верил в чудеса, но никому об этом не рассказывал. Конечно, здравомыслящий человек посмеялся бы, но при внешних данных хоббита, сексапильности хомячка и совместном проживании с мамой Иванову оставалась только надежда на чудо. То ли способы описывались плохо продуманные, то ли он неверно исполнял ритуалы, но вместо кролика из шляпы удачи он доставал лишь кроличьи уши. Испробовал он многое. Три недели тщательной визуализации и запусков воздушных шариков с записками привели его в командировку на берег моря. Все бы ничего, но море оказалось Баренцево, и Иванов вернулся с пневмонией. По весне, одуревший от вытаявших из-под дубленок и пуховиков девичьих ножек, он творчески адаптировал другой ритуал, призванный бросить его в объятия

прекрасной незнакомки. За неделю ритуальных забегов в ночном парке с колготками в руках Иванов переознакомился со всеми местными бомжами, чудом избежал привода в полицию и близкого знакомства с соседским питбулем Калигулой. Волшебство сработало, прекрасные незнакомки посыпались как из рога изобилия, но что-то он, видимо, не докрутил: относились барышни к нему исключительно потребительски. Он помогал донести покупки, выбивал ковры и надорвал спину, пытаясь заменить спущенное колесо золотистого «кашкая».

Судьба, вдоволь потешившись, подкинула Иванову статью, в которой говорилось о возможности получить приличное место работы. Именно эту статью он и открыл, устроившись в уютном кресле с ноутбуком. Подкупали слова «стабильность», «рост» и примеры эффективности метода, придуманного еще в глубокой древности. Пару абзацев Иванов пропустил, четко запомнив, что перед собеседованием следует отправиться в служебный туалет и прыгнуть с унитаза, тогда прием на работу гарантирован. Волшебная методика великолепно вписалась в туалетную теорию, озвученную сегодня сисадмину Коле. Иванов понял, что это знак.

Утро понедельника началось с собеседования. Обставленная дорогой мебелью приемная наводила на мысли о процветании конторы. Симпатичная секретарша бросила на Иванова равнодушный взгляд поверх монитора. Одной рукой девушка отправляла документы на печать, другой поправляла волосы. Крупные завитки отливающих рыжиной волос падали ей на плечи. «Совсем как у Ирины Анатольевны», — подумал Иванов, отмечая, однако, что секретарше до нее далеко.

Собеседование прошло непримечательно. Учеба, опыт работы, рекомендации. Выяснилось, что переводы нужно будет делать только с английского языка и обратно, а запрошенный итальянский совершенно не нужен. Вычитав из резюме, что Иванов знает еще и французский, хозяин фирмы, сухощавый мужичок лет сорока пяти, с намертво прилипшей к лицу ехидной усмешкой, произнес любимую фразу всех поклонников Кисы Воробьянинова, хохотнул, довольный собой, и отпустил, заверив, что с ним свяжутся.

Иванов вышел в коридор и, вместо того, чтобы сразу отправиться к выходу, повернул к туалету. Окинув помещение строгим взглядом, отметил стены, отделанные белым кафелем, простую раковину и зеркало над ней. Рядом на крючке висело вафельное полотенце, а в металлической мыльнице лежал раскисший кусочек мыла. Иванов поморщился и, решив дать фирме еще один шанс, по очереди заглянул в каждую кабинку.

ВЫ ГОВОРИТЕ
ПО-ИТАЛЬЯНСКИ

Так и есть, дешевейшая туалетная бумага, макулатурная, однослойная, без перфорации, из тех, что продаются в рулонах без внутренней бумажной гильзы. Прицепить рулон на держатель, не испортив его, практически невозможно. Прыгать здесь с унитаза расхотелось, и Иванов направился к выходу...

Перед началом следующего собеседования он решил сократить путь своей персоны до идеального места работы и направился напрямик в места общего пользования.

В туалете стоял могильный холод. В открытую настежь форточку влетали, кружась, редкие снежинки. Покрытый, как паутиной, тонкой сетью трещинок умывальник потряс Иванова единственным краном с холодной, нет, ледяной водой. Внимательно осмотревшись, он понял, что офисные помещения располагались в здании фабрики, построенной еще до революции. Организация нормального водоснабжения, очевидно, требовала от руководства серьезных вложений, не совпадающих с их взглядами на рачительное расходование бюджета. Все три унитаза были разных моделей и приобретались явно как товарные остатки с большой скидкой. С собеседования он сбежал.

К концу недели Иванов уже мог составить офисный туалетный справочник, который, несомненно, стал бы бестселлером, если бы о его способе поиска работы знали широкие массы. Пару дней он размышлял о возможности его написания, с переводом нетленки на известные ему иностранные языки, но потом, за отсутствием доказательной базы, идею отбросил.

Закрывая глаза, Иванов видел не приемные, секретарш и кабинеты начальства, а

вереницу убогих туалетов, которые частный капитал беззастенчиво предоставлял наемным служащим.

При очередном собеседовании, открыв очередную дверь, Иванов опешил при виде умывальника. Кран был снабжен душевым шлангом, напомнившим ему виденные в Интернете фотографии старых копенгагенских квартир, где душ часто совмещен с туалетом. Абсурдность архитектурной мысли достигала в этой комнатушке такой концентрации, что Иванов решительно покинул офис.

Через три недели поисков он окончательно выдохся. Казалось, идеальных туалетов, как и начальства, не существует. Хотелось уже просто найти более-менее приличную работу, чтобы мама не вздыхала горестно за ужином.

Очередное волшебное решение проблемы снизошло на Иванова поздней ночью. Вычитав в Интернете невероятный по своей эффективности способ, он бросился в прихожую, где по старой привычке мама складировала журналы. Выбрав наиболее красочные, нашел в макулатурной стопке кусок картона и вооружился ножницами. Для благополучного трудоустройства следовало в ночь перед собеседованием положить под подушку картинку с изображением офиса твоей мечты. Разумеется, лучше всего сработала бы фотография, наклеенная на красный картон. В статье подробно описывалось, почему картон должен быть именно красным, но Иванова сильнее волновали поиски подходящего изображения, ведь трудоустроиться он собирался не в офис Гугла, фотографии которого найти проще простого. Сосредоточено листая журнал, он вдруг задержал взгляд на рекламной статье, описывающей вышедшего на российский рынок производителя сантехники и сопутствующих товаров. Читая статью по привычке с середины, Иванов запомнил, что компания представляет полный спектр товаров для создания эксклюзивных туалетных комплексов.

«Вот умеют же», — думал он, представляя интерьер, достойный этих одновременно изысканных и строгих форм. На соседней странице Иванов заметил фотографию великолепно оформленного офиса, но подумал, сколько воздушные замки на картонку ни наклеивай, а попасть туда даже на экскурсию не получится. Решение пришло за пять минут до полуночи. Безжалостно искромсав семь страниц, он создал на куске картона туалет мечты, каким себе его представлял, и, с чувством, что достаточно поглотился над всеми квази-волшебниками Интернета, лег спать.

На следующее утро Иванов отправился на очередное собеседование. Ночное бдение в Интернете отозвалось мучительной головной болью от недосыпания. Переступив порог офиса за несколько минут до назначен-

ВЫ ГОВОРите
ПО-ИТАЛЬЯНСКИ

ного времени, он привычно направился в сторону двери с табличкой «WC», и, распахнув дверь, замер на пороге — это был туалет с его вчерашнего коллажа. Иванов вытер внезапно вспотевший лоб и на подгибающихся ногах сделал два круга по помещению, плохо понимая, где он, и зачем сюда пришел. Постояв какое-то время, охнул: «Собеседование!» и выскочил в коридор. Подбегая к приемной, вспомнил вдруг, что забыл спрыгнуть с унитаза, развернулся, намереваясь вернуться, заметался по коридору, прикидывая, сколько у него осталось времени, и внезапно понял, почему этот офис кажется ему таким знакомым. Перед глазами всплыла картинка из рекламной журнальной статьи.

Взяв себя в руки, он отправился в отдел кадров. Начальником оказался молодой человек, который сообщил Иванову, что вакансия закрыта со вчерашнего дня, и то, что ему назначено на сегодня, всего лишь досадная ошибка.

Бледный Иванов вежливо попрощался и вышел в коридор, не понимая, чем прогневил судьбу. Убитый отказом, он побрел в сторону туалета, решив получше рассмотреть те самые раковины, унитазы с программным управлением и удостоенные призов на международных выставках аксессуары, разработанные лучшими дизайнерами.

— Ну, что ты за идиот такой, — бормотал он себе под нос. — Посмотри, где ты мог работать, стоило только правильную картинку выбрать!

У соседнего писсуара пристроился упитанный мужчина средних лет.

— Потрясающе, правда?! — продолжал разглагольствовать расстроенный неудачей Иванов. — С ума сойти, какие линии! Простота и утонченность. Посмотрите, как мраморный пол гармонирует с мятным тоном сантехники! Я читал, что только «Корлеоне Санитари» выпускает унитазы двадцати различных оттенков.

Он застегнул молнию на брюках и отправился мыть руки.

— Вы только взгляните на этот автоматический дистрибьютор мыла! Я читал, что он получил «Санитари Голд Авардс» на последней выставке в Женеве. О, и вода подается автоматически! И тот самый автоматический дистрибьютор бумаги, — выдохнул Иванов, окончательно придя в восторг, когда автомат, тихо зажужжав, выдал ему бумажное полотенце для рук. — Господи, ну как так вышло, что меня сюда не приняли?! Здесь все, все как я себе представлял.

Выбросив скомканное полотенце, он заметался по туалету.

— Даже туалетная бумага премиум класса, достойная этой сантехники и исключительного дизайна помещения, изготовлена из стопроцентного целлюлозного сырья, что гарантирует поистине королевскую мягкость, высокую прочность и превосходное качество. Это же сразу видно, вот, тиснение на бумаге, сглаженный ромб, — отличительный признак. Фирма заказывает эту бумагу для всех своих клиентов.

В изнеможении Иванов прислонился к стене.

— Не может быть! — постучал он по плитке. — Даже для стен они выбрали не кафель, а итальянскую мозаику, — и замолчал. В этой паузе отразилась вся земная скорбь.

И тут в тишине прозвучал вопрос, исходивший от молчавшего все это время мужчины в строгом костюме:

— Вы говорите по-итальянски?

— Sì, — прошелестел Иванов.

— Позвоните мне, у меня есть для вас работа. — С этими словами мужчина протянул визитку, на которой значилось: «Лучано Корлеоне, генеральный директор Корлеоне Санитари. Лучшее из Италии», и вышел.

Иванов остался один, не в силах отвести взгляд от визитки, а в голове крутилась мысль: «Интересно, Ирочка была в Италии?» □

Евгения Белогорцева

КАК СЛОЖНО

БЫТЬ

ПРОСТЫМ

Сегодня профессия шеф-повара, да и просто повара, почитаема и уважаема. Короли кухни в своих высоких белых колпаках блистают не только в ресторанах, но и на телеэкране, они пишут книги — и не только кулинарные, но мемуары, они уже давно стали персонами, задающими общемировой тон не только кулинарии, но и... всей жизни. Что модно есть в этом году — спаржу или ревень? Как принято готовить мясо — в виде тар-тара или классического стейка? Куда направится вся богема этим летом — в Прованс или в Норвегию? Все это решают повара — привлекательные, часто молодые и всегда очень успешные.

А ведь еще каких-то сто лет назад ситуация была совершенно другой, и образ повара был таким: неопрятный толстяк, так и норовящий подсунуть вам несвежую пулярку или пережаренное мясо, похожее на подметку. И если вдруг какой-то из трактирщиков выбивался из этого образа и кормил людей едой, достойной того, чтобы проделать ради нее лишних несколько миль, его заведение тут же становилось популярным.

Именно такой поварихой и была жена мельника Мишеля Бокюза, владевшего мельницей близ Лиона. Она отлично готовила и с удовольствием кормила тех, кто дожидался помола муки на мельнице мужа. Ради ее стряпни люди были не прочь сделать солидный крюк и приехать именно на эту мельницу.

А праправнук этой самой мельничихи в 1989 году получил титул «шеф-повар столетия». Зовут его Поль Бокюз, и это именно он сделал поваров такими, какими мы знаем их сегодня.

Он родился в 1926 году. За несколько лет до его рождения дед, Жозеф Бокюз, продал семейный ресторан (со времен мельницы семья владела одним и тем же заведением), а вместе с ним и фамильное имя — Бокюз. Отец Поля, Жорж, однако, продолжил семейную династию и также стал поваром. Он работал в лучших ресторанах Лиона, а после открыл и собственное дело, но выкупить семейное имя удалось лишь его сыну Полю в 1966 году. Для Поля это было очень важно — вернуться к

своим корням и к имени своей семьи. С тех самых пор над рестораном, официально носящим имя «Аббатство Коллонж», гордо светится и второе — неофициальное — «Поль Бокюз».

Путь к этому ресторану у Поля был долгим. Работать он начал очень рано — в 15 лет. А во время Второй мировой войны пришлось прерваться, и Бокюз отправился добровольцем на фронт, где был тяжело ранен. Спасли его американцы — в полевом госпитале Полю сделали переливание крови, и с тех пор он шутит, что кровь в нем течет американская.

В 1945 году он участвовал в Параде Победы в Париже, и, по его собственным словам, это стало одним из самых ярких его воспоминаний.

Когда война закончилась, Бокюз снова вернулся к своему призванию — на кухню.

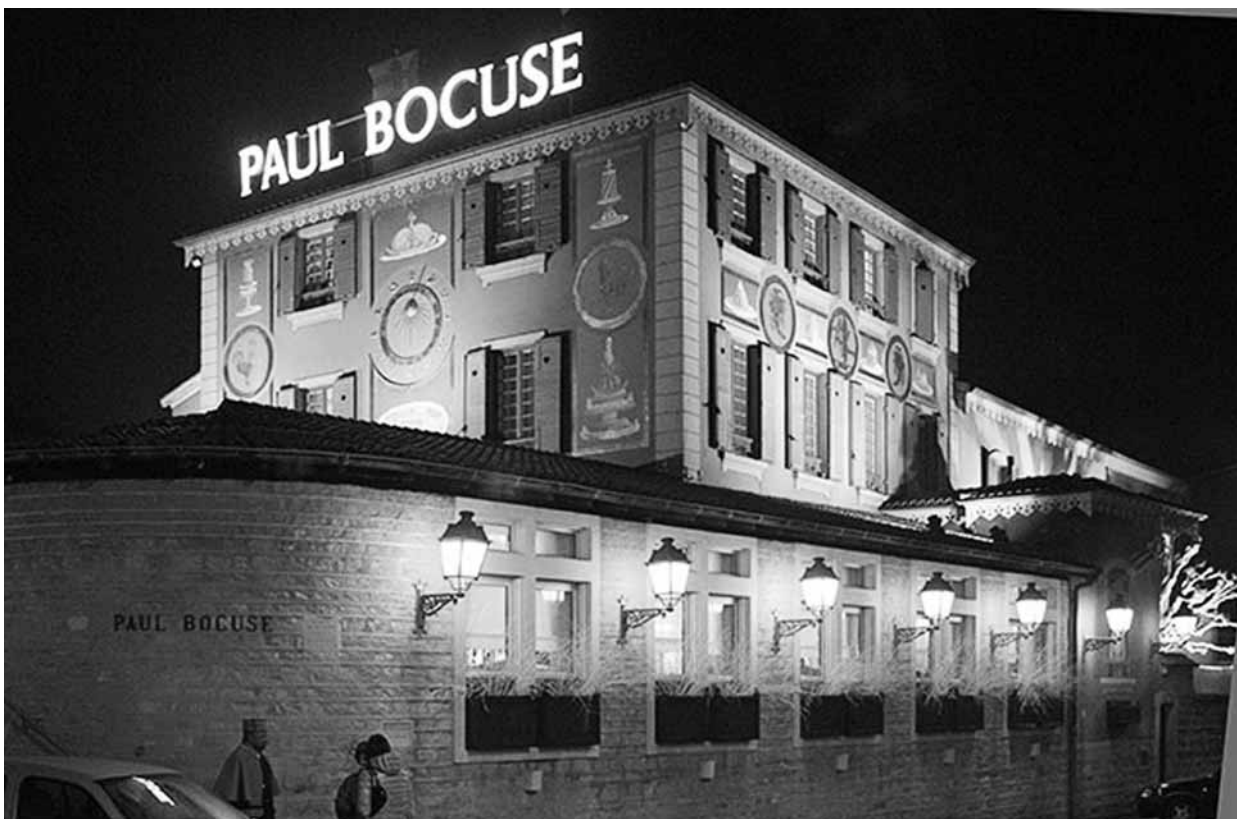
Несколько лет он проработал у Эжени Бразье, владевшей ресторанчиком «Мамаша Бразье». У таких «мамаш» — практичных женщин, умевших из всего извлечь пользу и при этом восхитительно готовивших, и учились тогда начинающие повара. Если ты повар — ты не только готовишь, вот что нужно было усвоить на первых порах. Ты и прибираешься, и выгружаешь овощи, и бегаешь на посылках, и обслуживаешь гостей, если сама «мамаша» не успевает. Экономили на чем только можно: так, Бразье никогда сама не звонила поставщикам — просто усаживалась в известное время у телефона и ждала, когда позвонят ей — к чему тратиться?

«Мы были молоды, — вспоминал Бокюз, — но выходных у нас не было, никому и в голову не приходило попросить хоть часок для отдыха».

Именно у Бразье он научился принципу, который потом положил в основу собственной кухни — все должно быть непременно свежим и самым лучшим. Омаров для мамыши Бразье везли из Бретани, фрукты — из Прованса, а вино доставлялось из лучших погребов. Поставщики

Магнум («великий»). Пуэн владел рестораном «Пирамида» неподалеку от Лиона. В нем (Пуэне, а не ресторане) было 2 метра роста, талия его была в объёме 170 сантиметров, а еще он имел привычку выпивать огромную бутылку шампанского в день (за что и получил свое прозвище).

Работая у него, Бокюз впервые стал понимать, что можно и поспорить с классической кухней, с рецептами великого Эскофье, которые тот

знали: если попадется хоть один подпорченный овощ, мамаша Бразье отправит назад весь ящик, а то и всю поставку. Так что подпорченных овощей не встречалось никогда.

После Эжени Бразье Бокюз поступил к другому кулинарному гению — Фернану Пуэну по прозвищу

собрал в одну книгу. Рецепты эти знал наизусть каждый, кто хоть несколько лет проработал в ресторане. А Пуэн не боялся менять их. И Бокюз учился не бояться вслед за ним.

Пройдя эти «университеты», он выработал для себя принципы, которые потом легли в основу «новой

кухни»: самые свежие продукты, натуральный вкус ингредиентов, простота рецептов, отказ от тяжелых соусов классической кухни. Сам он, правда, когда его спрашивали о том, в чем же заключается так называемая «nouvelle cuisine», шутил: «Никакого особенного новшества не было. Просто талантливые повара делали хорошую кухню. А заодно создали себе рекламу и дали работу журналистам».

Во-вторых, большое значение стало иметь происхождение продуктов. Вдохновение также черпалось в региональных рецептах.

В-третьих, блюда стали гораздо более легкими, если не сказать, диетическими.

Ну и, наконец, в-четвертых, повара постоянно изобретали что-то новое.

Это касалось как технологий (Бокюз без стеснения использовал

Он, конечно, кокетничал. Позже ресторанными критиками было обозначено еще несколько принципов, о которых сам Бокюз скромно умолчал.

Во-первых, изменилось меню: из многотомных классических фолиантов превратилось в несколько листов с кратким перечислением блюд.

даже микроволновку), так и сочетаний вкусов.

Но основной принцип, выведенный Ван Гогом, вынесен в заглавие меню ресторана Бокюза: «Как сложно быть простым».

Всю жизнь работая на кухне, изобретая, находясь в поиске, путеше-

Блюда Бокюза: фуа-гра под картофельной сеточкой

ствуя, обучая, Поль не забывал и о своей личной жизни.

В автобиографической книге «Священный огонь», выпущенной несколько лет назад, он, опять-таки без стеснения, поведал всему миру о том, что на протяжении 45 лет жил одновременно с тремя женщинами — официальной женой и двумя любовницами. От жены и «старшей» из любовниц у него есть дети, а дочь «младшей» любовницы помогла ему написать эту книгу. Бокюз утверждает, что все его дамы знакомы между собой и, более того, отлично ладят.

Когда один из журналистов после выхода книги ехидно поинтересовался, как же он все успевает, мэтр парировал: *«Для этого нужно быть чертовски организованным!»*

Сейчас, когда ему уже далеко за 80, Бокюз может себе позволить

Фирменный суп V.G.E из трюфелей, в горшочке с запеченном пышным слоеным тестом

философски и с иронией относиться к этому: «Если посчитать количество лет, которое я был верен женщинам, важным для меня, я могу отметить 135 лет совместной жизни».

Он, конечно, лукавит. В той же книге Бокюз рассказывает, как однажды заявил американке — кулинару критику, что, если она поместит его на обложку своего журнала, он переспит с ней. Американка нисколько не смутилась, и через несколько недель Бокюз увидел свое фото на обложке. «Пришлось и мне выполнять свое обещание», — скромно отмечает он.

Ради справедливости нужно отметить, что Бокюз усердно хранит верность своим поставщикам, которые уже не одно десятилетие поставляют в его ресторан самые свежие продукты. И эта верность возна-

граждается — уже сорок пять лет подряд ресторан получает три звезды Мишлен — высшая награда в области гастрономии.

Столики здесь бронируют за полгода, меню невелико, но по-прежнему отличается оригинальностью, а шеф, который, по его собственным словам, находится в своем «третьем возрасте», нет-нет, да и встанет к плите.

Это храм гедонизма. Да Бокюз и сам гедонист. Когда во Франции началась антиалкогольная кампания под лозунгом «Алкоголь убивает медленно», Бокюз вместе с остальными французами лишь пожал плечами: «Нам плевать, мы не торопим-

ся». Ему принадлежат несколько виноградников, у него есть коньяк его имени. Порции в ресторане невелики, а сам шеф по этому поводу шутит: «Высокая кухня, это ничего в тарелке и все — в счете».

Три звезды Мишлен, как считает ресторатор, он заслужил именно качеством приготовленной еды: «В конце концов, люди приходят в ресторан не занавеси жевать. Когда мне дали первую звезду, туалет все еще был на улице, посетители мыли руки в мойке для посуды, ели на бумажных скатертях, используя самые простые приборы».

Главное, по его мнению, — подобрать отличную команду и научиться

*С президентом
В.Ж. д'Эстеном*

ею управлять. А уж это он умеет. Когда река Сона, возле которой стоит ресторан Бокюза, разлилась и подтопила ресторан, шеф сам встал у руля лодки, чтобы вывезти все ценное. По его уверенному виду было ясно, что ему, в общем-то, все равно, чем управлять — рестораном или лодкой.

В 1975 году Бокюз получил орден Почетного легиона. На торжественном президентском приеме по этому случаю он приготовил суп из трюфелей, ставший впоследствии его визитной карточкой: суп подавался в горшке, но фарфоровом, сверху было запеченное тесто, но пышное, слоеное. В этом — весь Бокюз, приверженец уроков матушки Бразье с ее сытной кухней, но создающий что-

то новое, свое, современное и легкое. Суп получил название V.G.E. — это инициалы президента, вручившего Бокюзу орден, Валери Жискард д'Эстена.

С президентом (уже с Франсуа Миттераном) связана и другая история. Именно ресторан Бокюза стал первым местом, где президент Франции отобедал публично — до этого трапезы проводились исключительно в Елисейском дворце.

У Бокюза немало учеников, которые, так или иначе, соревнуются между собой в своих изобретениях, умениях и талантах. Чтобы все это происходило на более высоком уровне, Бокюз в 1987 году учредил всемирное состязание поваров и назвал его своим именем — «Золотой

Бокюз». Это мероприятие сегодня — сродни кинематографическому Оскару среди кулинаров всего мира, а победа в конкурсе открывает перед поварами двери в лучшие рестораны мира.

Сейчас он по-прежнему король современной кухни. Император Лиона, где при жизни его именем назвали местный рынок — «чрево Лиона», куда он по-прежнему приходит поболтать со своими поставщиками. Бокюз и ведет себя как хозяин этого города. Четыре своих брассери он назвал «Север», «Юг», «Восток» и «Запад» и расположил их в соответствующих частях города.

Он спокойно говорит о фастфуде: «Если он есть, значит, он нужен».

Однако с осторожностью рассуждает о современных тенденциях в гастрономии: «Смешав морковь с шоколадом, вы не получите нового блюда. В любом блюде неизменным должен оставаться «скелет», на него наращивается все остальное. Блюдо должно быть узнаваемым, то есть «скелет» должен быть виден... И, если сравнивать кухню с музыкой, она должна быть понятной».

Он продолжает делать свою понятную кухню. Продолжает готовить в своем ресторане и судействовать на своем «Cocuse D'Or». И по-прежнему в своем высоком белом колпаке кормит этот мир вкусной едой. Пусть так будет и дальше. □

Артём Омельченко

Русский байкер

(отрывок из романа)

Байкер... Я ничего не придумал. Этот проект родился во мне, и, в то же время, он будто витает в воздухе. Моем воздухе. Многие из описанных событий происходили со мной, моими друзьями и знакомыми. И в результате я понял, что хочу говорить о России, писать о России, снимать о России. Но не о шокирующей порой действительности — тут и без меня мастеров хватает, а о том, как Россия прекрасна, и какой я вижу ее в будущем... Проект выльется в восьмисерийный фильм, а пока ведутся подготовительные работы, дописывается сценарий, подбирается состав актеров. И мне очень приятно, что «Смена» решила опубликовать небольшой отрывок из будущего киноромана.

...Я пришел забрать свой мотоцикл у другана Васьки, который ремонтирует мотоциклы байкерам. Ворота, как всегда, нараспашку, подготовка к открытию мотто-сезона идет полным ходом. Везде разбросаны инструменты, детали, запчасти, тряпки. Вася, спиной ко мне, копается в движке мотоцикла.

— Привет! — окликнул я его.

— Ща, момент, — ответил Вася, не оглядываясь — он явно меня не узнал. — Че хотел?

— Чоппер забрать.

Тут Василий, наконец, обернулся и радостно воскликнул:

— Здоров, барабанщик!!

Мы, улыбаясь, шагнули друг другу навстречу и обнялись.

— Здорово, Вась!

— Ну, ты даешь! И где пропадал?

— Да-а-а... Мой хлам еще не выкинул?

— Все на месте, барабаны твои, груша, штанги...

— Я про байк.

— А-а-а, мотик... Тебе колеса нужны? Есть у меня тут чумовой аппарат. Один мужик оставил. Он, между прочим, собирался на нем по России прокатиться, да что-то там у него не срослось.

Я так и замер. И здесь судьбоносные стечения — мотоцикл, который, может, станет моим, уже готовили к путешествию по — России... Случай-

ность? Ну, уж нет, скорее — predeterminedность...

А Васек, меж тем, всю описывал прелести великолепного агрегата-мотоцикла.

— Новенький, блестящий, дорогой. С интересной историей... Двигло — сама надежность! Тяговит, а жрет, как ни странно, мало. Словом, «Волк-1» — первый русский чеппер!

— Он вообще ездит?

— Ездит? Да он, блин, летает! Это ж волча-ра — выносливее не найдешь! А ты куда собрался-то?

— Пока не решил, — ответил я. — Но мне не нужна скорость, я же не на гонки еду. Главное — надежность.

И мы начали возиться с мотоциклом. Разбирали, собирали, шлифовали, промывали...

Вдруг мимо нас на чоппере проехал священник. Я даже поднялся и всмотрелся... Нет, не показалось. Это был самый настоящий священник.

— Слышь, Васька, а че, священники тоже теперь байкерами заделались?

— А-а-а?

— Вроде батюшка проехал... на мотоцикле. Или глюки у меня?

— Так это же отец Георгий! Не знаешь, что ль? Первый в России православный священник-байкер. Георгий Кадшин. Организовал крестный ход с иконой Ильи Муромца и его мощей. Сам состоит в «Черных медведях». Его «конь» тоже у меня побывал, я его чинил.

— Познакомишь?

— Да это в легкую — он мужик нормальный.

С первым в России священником-байкером я быстро нашел общий язык. Георгий сразу почувствовал мое удивление и почти растерянность, но вел себя настолько свободно и просто, что я о них быстро забыл. От Георгия веяло спокойствием и теплотой. Уже через несколько минут мне каза-

*Преподобный
Илья
Муромец,
Киево-
Печерский
чудотворец*

лось, что священник на огромном рычащем мотоцикле — это так же естественно, как листья на деревьях или облака в небе...

— Прошло время разбрасывания камней, — сказал мне отец Георгий, — настали времена их сбора! В соседних областях у нас много друзей, объединенных в мотто-клубы. Мы реализуем совместные проекты, часто общаемся, вместе путешествуем. Нас объединяет искренняя человеческая дружба, делить-то нам нечего. Просто — мы вместе! Ты всегда можешь заехать к ним, скажи, что от отца Георгия. Это и «Ветры» в Костроме, и «Дикий ветер» в Вологде, и «Архангелы» в Архангельске, «Идолы» в Иваново, «Викинги» в Твери... и так далее.

— Спасибо, отец Георгий! Не пропаду. А что это за совместные проекты у байкеров?

— Слышал о крестном ходе с иконой Ильи Муромца из Одинцова в Ярославль?

— Нет.

— Про Илью Муромца хоть слышал?

— Да, конечно. Русский богатырь.

— Не только богатырь, еще и святой... Он по своей сути был настоящим «всадником», вот байкеры и усмотрели в этом духовное родство. Я помогал «Черным медведям» совершить все необходимые формальности для крестного хода на мотоциклах с иконой преподобного Ильи Муромца.

Отец Георгий достал из шкафа папку и показал мне множество газетных вырезок и фотографий крестного хода.

— Из городка Власиха Московской области колонна мотоциклистов с иконой и мощами Ильи Муромца торжественно отбыла в Муром, на родину святого. Караван выглядел соответственно акции — на каждом мотоцикле на лобовом стекле были прикреплены иконки с изображением Ильи. Сама икона с мощевиком была упакована в специальный кофр. По пути следования караван несколько раз останавливался в небольших городах. Икону везде ждали и служили в честь нее молебны. Верующие пользовались возможностью приложиться к мощам. Святой Илья Муромец покровительствует воинам и дарует физическую силу. А также мощи помогают исцелиться тем, кто страдает заболеваниями позвоночника.

Байкеры были поражены, насколько почитаем святой Илья на своей родине, во Владимирской области. Люди выстаивали молебен, прикладывались к мощам и даже к тем иконам, что были на лобовых стеклах мотоциклов. Старушки говорили, что и эти лики несут силу.

Нас прекрасно приняли в Муромском Спасо-Преображенском монастыре, а утром после службы, по велению владыки Кирилла, настоятеля монастыря, показали дом, в котором до сих пор живут потомки Ильи Муромца. Он стоит на берегу

Оки, в пригороде Муроме, бывшее село Карачарово. Была проведена специальная проверка, оказалось, что семья Гуциных, проживающая в этом доме, действительно потомки богатыря.

— А где сейчас икона? — поинтересовался я.

— Она находится в гарнизонном храме Ярославля — храме Михаила Архангела. Благоволит он к воинам, защитникам Отечества, и, разумеется, к байкерам.

На прощанье отец Георгий задумчиво сказал:

— «Дух дышит, где хочет, и голос его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит: так бывает со всяким, рожденным от Духа»...

После этого разговора мне очень захотелось побывать в Муроме, и я отправился в седой и древний город, где затаились до поры легенды о могучем и непобедимом русском богатыре. Ехал я медленно, глаза по сторонам, но ничего необыкновенного не увидел: обычные домишки, машины во дворах, обычные люди уступали мне дорогу. Наконец я нашел маленький домик по номером «25», где жила бабулька из рода Муромца, которая хранила все предания о 25 поколениях рода героя. Подошел к калитке, постучал... Вышла хозяйка, и я очень удивился: она совсем не была похожа на обычную бабульку, статная, высокая, с гордо поднятой головой, она скорее напоминала мать-Сван — одну из героинь древнеславянских мифов и легенд, или тех матерей, которых можно увидеть на полотнах Николая Рериха.

Пелагея Ивановна позвала меня в дом, усадила за стол, стала потчевать чаем с пирогами... И все происходящее показалось мне чуточку ирреальным, словно я находился не в обычной карачаровской избе, а попал в сказку из далекого-далекого детства. Тем более что и наряд у хозяйки был как из сказки, такие сарафаны разве что в музеях остались.

Говорили мы долго и обо всем. Пелагея Ивановна много интересного рассказала о своем знаменитом предке, показала вырезки из газет, а потом разговор незаметно перешел на более глобальные темы — мы заговорили о России и о том, что может ждать ее в будущем.

— В большом мире не так быстро все меняется, — задумчиво произнесла Пелагея Ивановна. — Вот у нас в селе был свой блаженный, Васяткой его звали. Как же стихла духом наша деревня, когда он под грузовик попал. Шофер пьяный был, так его, почитай, мужики без всякого суда и следствия чуть не до смерти забили на месте.

Васятка-то и предсказал развал страны. Пришел к моему окошку, я открыла, чтобы подать ему вареные яички, хлебушка и картошку, а он такой задумчивый, и в глазах слезы. Я переполошилась, говорю, что с тобой?

А он отвечает: «Ах, мати родная, развалится страна наша... Видение мне было, с голосами... Приснилось стадо оленей, и неслоь оно к пропасти ужасной. И вдруг один из них вырвался вперед и увел стадо за собой. От жуткой пропасти увел! Олени врассыпную, а он их снова собирает, кричит из последних сил, но они продолжают убежать. И все — я проснулся, а в голове ясная мысль: стадо — это республики СССР нашего, и они разбредутся...»

А через два дня он снова к моему окошку подошел, но теперь веселый такой.

— Илюху вашего видел во сне, — говорит. — Он с таким же богатырем страшным схватился, и дрались они до полного изнеможения. Потом упали оба как подкошенные. Я подошел к ним, трогаю, может, живы еще. Чужой богатырь вроде теплый, а голос мне говорит, что внутри-то он холодный, не выживет, поди... Я тогда к Ильюше — а он снаружи уже заочневший, а голос говорит, что внутри теплый, выживет и будет врага бить и далее...

В комнате тихо работал телевизор. Шла передача «Пусть говорят», и ведущий Андрей Малахов рассказывал об одном детдоме под Муромом и о том, как педагог издевается над детьми. Один малыш ползал по огромному холлу интерната в два часа ночи и мыл полы... Глядя на это, я буквально кипел от возмущения, а Пелагея Ивановна тихо сказала:

— Вот мы думаем, все эти безобразия происходят где-то там... а они, вишь, пришли прямо к нам, за забор. В нашей области это творится, Господи...

Мы с ней, наконец, попрощались, и она вышла проводить меня.

Как раньше провожали в походы на Руси? Так и представляется большой дорожный тракт, которому, кажется, нет ни конца ни края. И если взглянуть на эту нахоженную и наезженную полосу, то видно, как вливаются в нее, словно мелкие ручейки в широководную реку, множество стежек-дорожек. Они-то

и ведут к большаку, который так всегда и называли на Руси. Большак — значит, большой — главный путь!

Вот и старушка провожала меня — русского байкера — к большаку. Я катил руками своего «железного коня», а она мирно семенила рядом и благословляла на Путь праведный... Так, наверное, провожали и родители своего сына Илюшу Гущина в далеком ныне XII веке...

Сколько их, славных русских сыновей, ушло в Путь этой исхоженной дорогой? Никто не ведает, один только Господь, должно быть, знает...

А чтобы не забывал русский байкер Артем цели своего пути — подала мне Пелагея Ивановна, с поклоном по древнему обычаю, шип с палицы Ильи Муромца...

Передо мной легла в туманном рассвете дорога длиною во всю Россию. Мотоцикл уносил меня по ней в голубую даль. И долго еще виднелся у дороги силуэт старушки, хранительницы знаменитого рода русского — Гущиных, который дал нам легендарного воителя и святого — Илью Муромца.

И имя это отныне и вовеки —
в памяти народной... □

СНЕГУРОЧКА В БЪЕЗЕ

Ненавижу свое отражение в зеркале. Хоть я и не уродина. Даже наоборот, почти красавица. У меня темные волосы до плеч, большие серые глаза, правильные черты лица, средний рост и хорошая фигура, соответствующая стандартам. Наверное, все это «среднее» и «стандартное» как раз и не позволяет мне считать себя красавицей.

И еще. Уставшая женщина не может быть красивой. А я очень устала. У меня три работы, мама-инвалид, сын Васька девяти лет и очень деятельный муж, выдающий на неделю по три варианта идей, на которых можно разбогатеть. При этом он нигде не работает, потому что везде мало платят.

Я устала так, что совсем забыла, как чувствует себя человек не уставший, и хочу спать даже во сне.

Сегодня я встала в шесть. Зашла к маме в комнату, и она мне крикнула:

— Лорка! Ты проспала. Пора завтракать. Мне на завтрак жидкую манку с клубничным вареньем!

— Mam, я вечером гречку сварила!

— Я так и знала, — тихо сказала мама, — что если я заболела, мне воды никто не подаст. — Она отсутствующим взглядом уставилась в окно, на котором мороз нарисовал замысловатые узоры.

— Mam, манку пять минут варить, и клубника еще осталась.

Закрывая дверь, я увидела, как она отвела взгляд от окна, и в глазах у нее была искренняя радость, что на завтрак будет не гречка, а манка, и что клубника еще осталась...

СНЕГУРОЧКА

В БЕЗЕ

Сварив манку, я отправилась будить Ваську. Ему до школы ехать не меньше часа на двух автобусах, поэтому, если не поднять его сейчас, он успеет только ко второму уроку.

Мне жалко Ваську, но все школы, которые находятся близко к дому — специализированные гимназии, где размеры спонсорской помощи, взимаемой с родителей, такие, что мне придется устроиться еще на три работы.

— Зайди к бабушке, — напомнила я, хотя могла бы этого не делать. За два года, с тех пор как маму парализовало, он ни разу не уселся завтракать, пока не поболтает с Ивой.

В свое время я отвоевала право называть Иву мамой, но называться бабушкой она не захотела, даже будучи беспомощной и парализованной.

Еще пару лет назад мать была цветущей, здоровой женщиной, бегала по салонам красоты и мечтала сделать круговую подтяжку лица, считая, что шестьдесят — самое время начать радоваться жизни. Инсульт изменил ее планы. Деньги, собранные на пластическую операцию, были потрачены на лекарства, сиделок и массажисток. Но духом мать не упала. «Любая болезнь, если ее вовремя не начать лечить, пройдет сама», — оптимистично заявила она, едва смогла говорить, и добавила: — Не реви, Лорка! Грипп проходит, и это пройдет.

Ваську она любила. И Васька ее любил. Иногда мне казалось, что я нужна им только для того, чтобы постирать, погладить, сварить обед и пополнить семейную казну необходимыми рублями.

...Я положила манку на тарелку и полила сверху клубничным вареньем.

— Ма! — прибежал Васька. — Я принес Иве судно, и она дала сто рублей. Я его помыл, и она дала еще сто. Теперь я смогу поиграть в клубе на компьютере!

— Отвратительно! — поморщилась я.

— Что?

— Отвратительно брать деньги за то, что помогаешь человеку. Особенно, если ты этого человека любишь.

— Отвратительно не брать.

— Что ты имеешь в виду? — Я застыла с тарелкой в руках.

— Отвратительно не брать деньги у человека, которого любишь, если он от всей души их предлагает. Ива сильно обиделась бы, ма! Она специально от пенсии немножко откладывает себе под подушку. Для меня.

— Ты должен помогать Иве бесплатно! — крикнула я.

— Это не плата, ма, — набычился Васька. — Это копеечка любви. Капелька! Она же не двадцать тысяч мне отвалила!

— Тьфу! — только и нашлась, что сказать, я и пошла к Иве.

Она по-прежнему рассматривала узоры на темном окне.

— Лорка! Нужно постирать шторы. По-моему, они очень грязные.

— А, по-моему, нет. И потом, мы же все равно их никогда не закрываем!

— Так я и знала, — забубнила мама, — что если я заболею, мне никто не...

Я быстренько бухнула на нее прикроватный столик, на него поставила тарелку с жидкой манной кашей, политой клубничным вареньем, заскочила на стул и стремительно начала снимать шторы. Если Иву осенит еще какая-нибудь идея, я опоздаю на свою новую работу. Сегодня мой первый рабочий день. Чтобы устроиться на нее, я прошла три тяжелейших собеседования, какие-то мудреные тесты, обошла трех конкуренток, поэтому опоздание было бы недопустимым.

— Лорка! — снизу подала голос Ива. — Меня тошнит от одного вида этой манки. Может, дома есть еще какая-нибудь еда?

— Конечно, мамочка! — крикнула я, едва не свалившись со стула. — Есть гречка, борщ, пельмени в морозилке, варенье, соленые огурцы, печенье и немного конфет. Да, и еще горчица!

— Тащи конфеты! И, пожалуйста, не называй меня мамочкой! Или ты возомнила, что я на смертном одре?

Я запихнула шторы в стиральную машину, нажала кнопку пуска и побежала на кухню за конфетами. Где-то в холодильнике есть коробка «Птичьего молока», если Васька их не слопал. И тут из спальни донесся голос Ивы:

— Лорка! А я уже съела всю кашу! Не надо конфет. Я тебя загоняла, Лорка. Иди, собирайся на свою работу. Это что за конфеты? Лорка, это дешевые конфеты! Почему ты не покупаешь «Рафаэлло»? А что, Флюра еще не пришла? И Вадик еще не проснулся? Дай, дай сюда коробку! Я так и знала, что, если заболею, ты на мне будешь экономить!

Я выскочила в коридор. Васька уже натягивал на себя пуховик. Сейчас он точно заведет разговор про собаку. Когда Васька одевается, он всегда говорит про собаку. Впрочем, когда раздевается — тоже. А еще, когда усаживается обедать и ужинать, а также, когда укладывается спать.

— Ма, ты знаешь, какая порода самая древняя в мире?

— Английский мастиф.

— Да. А знаешь, какая самая крупная?

— Английский мастиф!

— А какая самая тяжелая?

— Английский мастиф!!

— Да, ма! А...

— А знаешь, какая порода жрет больше всех на свете? — не выдержав, заорала я.

— Английский мастиф! — крикнул Васька, скрываясь за дверью.

Флюра все еще не пришла, а мне пора на работу. Флюра Фегматовна — мамина приходящая сиделка. Она татарка, беженка то ли из Таджикистана, то ли из Узбекистана, я все время путаю. Флюра позволяет себе иногда опаздывать, но я ни разу не сделала ей замечания, потому что за такие деньги не найду никого, кто бы даже просто сидел рядом с Ивой. А Флюра умеет делать уколы, ставить капельницы, она выносит судно, меняет белье, смотрит с Ивой все сериалы, сносит ее капризы, а также причесывает ее, поправляет макияж и вслух читает журнал «Космо», который я иногда ворую в фитнес-клубе, где по-прежнему подрабатываю по вечерам.

Так как Флюры все не было, я пошла и разбудила Вадика.

— Вадик, вставай! Нужно посидеть с мамой, пока не придет сиделка!

Муж открыл глаза и голосом автоответчика сказал:

— Ты что, не знаешь, что я работаю по ночам? — и ткнул пальцем в какие-то чертежи, лежавшие на столе.

— Вадик, посиди с мамой! Пожалуйста! Я не могу уволить Флюру, за такие деньги больше никого не найду.

— Деньги! Деньги! — воскликнул Вадик, несвежий и взлохмаченный. — Ты всегда стараешься упрекнуть меня деньгами! Всегда тычешь мне в нос мелким, низменным, насущным! Мне это неинтересно. Хорошо, я посижу с мамой. Посижу, хотя всю ночь работал.

— Спасибо, Вадик. Мерси огромное.

Я побежала к Иве, сообщить ей безрадостную весть о том, что до прихода Флюры с ней посидит Вадик. Когда влетела в комнату, мама лежала с закрытыми глазами. Дыхания не было слышно, челюсть безвольно отвисла. На белом пододеяльнике безобразной бесформенной кляксой алено пятно.

— А... ма... — Я захлебнулась собственным воплем.

— Лорка! Чего ты орешь? — открыв глаза, вдруг спросила мама.

— А... ты... там... — я ткнула пальцем в красное пятно на одеяле.

— Размечталась! — ухмыльнулась Ива. — Это клубничное варенье. Я пролила немножко на одеяло. Нужно постирать, Лорка!

Я молча сняла пододеяльник, потащила в ванную и, положив его в вечернюю порцию стирки, вышла в коридор, машинально взглянув на себя в зеркало. Увидев свое отражение, чуть не разревелась — бледное, уставшее, не выспавшееся лицо. Я похожа на замороженную курицу.

Ненавижу свое отражение в зеркале. Хоть я и не уродина.

Директор агентства вызвал меня в свой кабинет в начале рабочего дня. Кабинет был обвешен разнокалиберными постерами, плакатами и просто вырезками из журналов, являющимися, видимо, примерами удачной рекламы. У меня зарябило в глазах, и я вдруг пожалела о том, что дала Ваське не сто, а шестьдесят рублей, обломив ему поход в компьютерный клуб. На новой работе мне была обещана зарплата в тысячу долларов. Эти деньги позволили бы мне перевести Ваську в ближайшую к дому школу, и накопить на импортную инвалидную коляску для Ивы.

Поэтому, несмотря на то, что директор мне не нравился, я старательно ему улыбнулась.

— Так, так, — сказал Андрон Александрович. — Присаживайтесь. Поздравляю, вы стали членом нашего коллектива. Надеюсь, вы хорошо понимаете, что, взяв вас на это место, мы пошли вразрез с теми возрастными требованиями, которые позволяют этой работой заниматься. В вас

есть шарм взрослой женщины. Сколько вам? Тридцать?

— Двадцать девять, — виновато уточнила я.

— Двадцать девять! — задумчиво проговорил он, барабанил пальцами по столу. — В двадцать девять начинать карьеру шоу-вумен, конечно, поздновато. Но, учитывая ваш прошлый опыт работы... Как там у вас в резюме? — Он придвинулся к компьютеру и задвигал мышкой. — Вот. Клуб «Робинзон», танцовщица, да?

— Да, — кивнула я, отводя глаза.

Если честно, я стеснялась этого факта своей биографии. Когда мама заболела, денег, которые я зарабатывала, просиживая в своем институте, стало катастрофически не хватать. А тут еще Васька начал вдруг по сантиметру в месяц прибавлять в росте. Его руки и ноги по-сиротски торчали из коротких рукавов и штанин, а от худобы так обострились черты лица, что в школе он обзавелся кличкой «Кощей Бессмертный». Я плюнула на приличия, воспитание, высшее образование, взяла газету «Из рук в руки» и позвонила по объявлению, где на высокооплачиваемую работу требовались девушки, умеющие хорошо танцевать. Я умела не просто хорошо танцевать. Я была мастером спорта по художественной гимнастике, и всю свою сознательную жизнь, вплоть до поступления на истфак университета, ездила по соревнованиям, занимая первые места, собирая всевозможные призы и награды. Остановило меня только замужество и рождение Васьки.

В «Робинзоне», узнав, что мне не восемнадцать, скептически усмехнулись и попросили подвигаться под музыку на сцене. И я подвигалась, да так, что, когда музыка закончилась, комиссия за столиками несколько секунд ошарашенно молчала. Потом хозяин клуба вежливо похлопал в ладоши и сказал:

— Ну, если это называется танцевать, да еще за те же деньги, то, конечно, мы вас берем.

Я уволилась из своего института, стала работать в «Робинзоне», подрабатывать тренером в фитнес-клубе, а также пополнила племя сетевиков, распространяющих косметику Oriflame. Мы более-менее начали сводить концы с концами.

— А почему вы оттуда уволились? — свел черные брови над крючковатым носом Андрон.

— Я уже рассказывала, — почему-то жалобно пропищала я, — что работа по ночам отрицательно сказывалась на отношениях в семье. Супруг был против.

— Супруг, значит, — резюмировал Андрон. — И ночная работа. Между прочим, в нашем агентстве тоже может случиться ночная работа. Вы же понимаете, скоро Новый год, праздники...

— Что вы, это ерунда! — замахала я руками. — Муж пересмотрел свои устаревшие взгляды! И потом, здесь же не полуголой танцевать.

— Как знать, — вздохнул шеф. — Клиентам в голову иногда такое приходит...

Тут я неожиданно поняла, что, пройдя три собеседования, я понятия не имею, чем буду заниматься в этом агентстве.

— Наше агентство, — будто читая мои мысли, начал Андрон, — не просто рекламное. В самом названии кроется более широкий смысл. Вам знакомо понятие маркетинг?

— Продвижение товара и все такое... — проблеяла я, испугавшись, что он начнет гонять меня по теории, в которой я не очень сильна.

— Именно! Все такое... Мы делаем больше, чем рекламу, мы делаем имидж! Создаем товару лицо и так выстраиваем план рекламных кампаний, что за полгода никому не известная марка превращается в бренд! Вы поняли, чем будете заниматься в агентстве?

— Конечно! Я готова заниматься ... этим.

Он странно посмотрел на меня и кивнул:

— Ну и хорошо. Костюмы у нас свои, эксклюзивные. Сценарии тоже. Идите, пообщайтесь с девочками, познакомьтесь и приступайте к делу. И помните! Большие деньги делаются на ерунде!

Я встала и пошла к двери.

Офис был просто роскошный. В коридоре на каждом шагу красовались тропические пальмы, в огромных аквариумах плавали рыбы, которые не вошли бы ни в одну мою сковородку.

Я растерялась среди одинаковых дверей, не зная, куда мне нужно зайти, чтобы познакомиться с девочками.

Навстречу мне быстро шла женщина со строгим лицом в дорогих очках. У нее был безупречно-офисный вид, подтверждающий серьезность этой конторы.

— Новенькая? — доброжелательно спросила она.

— Да! — обрадовалась я.

— Идите за мной. Меня зовут Аделина Аркадьевна. Можно просто Деля. Я тут универсальный солдат: и секретарь, и завхоз, иногда бухгалтер, иногда рекламный агент. С кадрами тоже я разбираюсь. Пойдемте.

Я так обрадовалась, что поскакала за ней вприпрыжку. Деля открыла какую-то комнатенку возле туалета, там была свалена старая мебель, стояли швабры, ведра и пылесос.

— Вот, — она вытащила на середину комнаты нечто похожее на луноход. — Моющий. Сама о таком мечтаю. С ним работать одно удовольствие. Вот сюда водичку, вот здесь кнопочка. Этот зверь сам все сделает. Начнете с дальних комнат. И не забудьте, мы занимаем только один этаж. А то одна девочка так разошлась, что еще три этажа пылесосила. Запомните, только этот этаж.

Я ошарашенно закивала, может, действительно, большие деньги делаются на ерунде? Я штурмовала университет, потом аспирантуру, а тысячу долларов обещают за работу уборщицы...

— А как вас зовут? — вежливо спросила Деля.

— Лора.

— Лора, в ваши обязанности также входит уход за растениями. Пальмочки нужно поливать и обязательно протирать листья влажной тряпочкой. Да, и еще кормить рыбок. Пойдемте, я покажу вам, где корм. — Она подвела меня к гро-

мальному аквариуму, открыла черную тумбу под ним, и показала на какие-то пакетики. — И еще, если вам что-нибудь будет нужно, зовите меня, я сижу в соседней комнате. — С этими словами она чеканным шагом удалилась, а я поплелась за тряпкой и ведром.

Когда протерла уже три пальмы и приступила к четвертой, дверь напротив вдруг открылась, и из нее высунулась голова Андрона. Он подул на свой блондированный чубчик и сосредоточил взгляд на обстановке. Он увидел пальму, стремянку, меня и удивленно спросил:

— Вы? Зачем вы моете пальму?

— Деля велела. Аделина Аркадьевна.

— Вам?

— Нам.

— Странно. Пальмы моет Ирина. Вы же модель, Лора, а не уборщица. Идите к девочкам, в 202-ю, учите сценарий. Скоро новогодние праздники, у нас много заказов. Не надо мыть пальму! Ее моет Ирина.

Я спрыгнула со стремянки, но на всякий случай уточнила:

— А рыбки?

— Рыбки, пальмы, пылесос, кофе и сигнализация — этим ведает Ирина. Я убил на вас все утро, а вы схватились за тряпку. Вы странная, Лора!

— Деля сказала...

— И Деля странная. Все странные. — Он тяжело вздохнул и исчез за дверью.

Что ж, модель так модель. Я пошла искать 202-ю комнату..

— Привет, — сказала мне брюнетка, сидевшая у большого зеркала.

— Привет, — равнодушно проговорила блондинка, стоявшая с какой-то папкой у окна и скептически осмотрела меня с ног до головы. Я спрятала руки за спиной, шагнула за стул, чтобы мои стоптанные сапоги не очень бросались в глаза, и представилась:

— Лора.

— Жанна, — протянула блондинка.

— Сорокина, — сказала брюнетка, поморщив безупречно правильный нос.

«Вот и мой трудовой коллектив!» — грустно подумала я.

Коллектив больше не захотел со мной общаться. Девушки уткнулись в какие-то бумаги и забубнили под нос.

— Я конфетка Белоснежка, — бормотала Жанна. — Вкусная и сладкая, белошоколадная. У меня внутри орешка, съешь меня, и будет... будешь... непонятно написано. Какой кретин это писал и почему не распечатал? Я конфетка Белоснежка...

— Заяц прыгает по сцене и поет: «Я шоколадный заяц, я ласковый мерзавец, я сладкий на все сто. О, о, о!» Черт, я не хочу прыгать, я не могу петь, не умею! — воскликнула Сорокина.

— Я умею! — Я вышла из-за стула и вытащила руки из-за спины. Плевать, что стоптаны сапоги, зато я пою и танцую, а Сорокина не умеет. — Смотри! — и запрыгала, одной рукой изображая хвост, другой уши. — Я шоколадный заяц, я ласковый мерзавец, я сладкий на все сто! О, о, о!

— Да, прыгать лучше тебе, — согласилась Сорокина. — Ну-ка, а что у тебя в сценарии? — Она дотянулась до стола у другого зеркала и взяла оттуда папку. Я догадалась, что это мой стол, мое зеркало и моя папка. — Так! О! Карамельная палочка! «Во мне много карамели, меня нет вкусней на свете. Жуй меня, кусай меня, люби только меня». Ужас! Говорила же, интим не предлагать.

— Это детский праздник, — успокоила ее Жанна. — До шести лет.

— Я шучу, — огрызнулась Сорокина. — Какой идиот это писал? И почему кретин Толик решил, что из меня заяц лучше, чем карамельная палочка? Почему ей он дал палочку, а мне дурацкого зайца?

— Шоколадного, — поправила я и добавила: — А Толик не будет возражать, если мы поменяемся ролями?

Сорокина пожала худыми плечами и поднялась, разогнув тело на высоту под два метра.

Детский праздник, конкурс, зайчик — это очень мило. После истории — это единственное, чем я хотела бы заниматься. Я уселась за свой стол. Зеркало напротив отразило мою серую физиономию с жалкими остатками туши на ресницах. Из меня получится хороший заяц — добрый и веселый, на тысячу долларов.

Я стала учить сценарий.

Новогодний праздник-презентация фабрики «Кондитер» был назначен на два часа дня в Доме культуры «Железнодорожник». Прибежал Толик, маленький, кругленький, лет сорока и, заставив всех вслух повторить текст, одобрил, что мы с Сорокиной поменялись ролями.

— Боюсь только, костюм зайца будет тебе длинноват, но что-нибудь придумаем!

Нас посадили в микроавтобус, Толик закинул в салон тюк с костюмами, притащил коробки с подарками, и мы поехали. Ведущей праздника должна была быть Деля. Увидев меня среди девушек, она сильно удивилась:

— А вы что здесь делаете, Лора?

— Я модель.

— Вы?! Тогда зачем вы стали протирать пальмы? Надо же, я все перепутала. Просто вы шли по коридору такая несчастная, а Ирина давно хотела уволиться, вот я и решила, что вы — новая уборщица.

До ДК мы ехали почти час. Название «Железнодорожник» и зловещая аббревиатура ДКЖ достались этому заведению культуры в наследство с советских времен. Там были самые престижные и самые дорогие залы в городе. В них выступали все столичные гастролеры. Видимо, фабрика «Кондитер» очень неплохо заплатила агентству, раз презентацию решили провести именно там.

— Приехали! — крикнул, наконец, Толик, и мы, высыпав из автобуса, остановились перед громадным зданием, похожим на тюрьму. Он выволок тюк с костюмами и потащил его к дверям, бороздя свежесвыпавший снег.

— Там призы, — указала Деля на две большие коробки. — Ну, где мужская сила?

— Не, — сказал водила, — мне за это не платят. Мое дело баранку крутить. А конфеты таскать я не нанимался.

— Я нанималась! — Деля со злостью схватила одну коробку и, пошатываясь на огромных каблуках, замаршировала за Толиком.

— Господи, — вздохнула Сорокина, — знала бы я, чем мне придется заниматься!

Коробку она не взяла, у нее были высокие каблуки и очень короткий свингер из чернобурки.

— Слушай, — сказала мне Жанна, одергивая на себе небесно-голубую дубленку, — у тебя самая подходящая форма одежды для поднятия тяжестей, — и ушла.

Я вздохнула, взяла коробку и под насмешливым взглядом водителя топала за ними. От коробки одуряюще пахло шоколадом и еще чем-то вкусным, чем пахнет только в Новый год.

Идти пришлось долго, по каким-то переходам, коридорам и лестницам.

Потом мы долго примеряли костюмы. Заяц действительно оказался мне великоват, но Толик и Деля, вооружившись булавками, что-то где-то подкололи, загнули, и я смогла свободно двигаться, не путаясь в лапах.

Сорокина, поругиваясь, влезла в узкий, длинный коричневый чехол, закрывавший полностью лицо и не дававший свободно передвигать ногами. Для глаз и рта в нем были маленькие прорезы. Сорокина фыркала сквозь них, чихала и в сотый раз сообщила всем, что она не актриса ТюЗа, а модель.

Зато Жанна костюмом осталась довольна. На ней красовалось короткое белое платье, открывавшее чулки на ажурной резинке, на ногах были высокие белые сапоги, а на голове белый капор. На мой взгляд, она больше подходила для танца кан-кан в ночном клубе, чем для детского праздника.

Детей был полный зал, заиграла музыка, и Деля вышла на сцену. Она оказалась прекрасной ведущей, дети перестали носиться между рядами и затихли, слушая ее приветственные речи.

— На сцену, девицы! — шепнул Толик. — И от души работаем, от души! Помните, клиент хорошо заплатил!

— А вот и наши сладкие герои! — радостно воскликнула Деля в микрофон.

— Да, — вдруг не по тексту громко заявила Сорокина, — во мне много карамели! — и мелко-мелко передвигая ногами, быстро пошла вперед. — Меня нет вкусней на свете!

— Стой! — крикнула Деля, но было поздно. Сорокина рухнула в оркестровую яму, а зал захлебнулся детским хохотом и аплодисментами.

— Черт, — тихо ругнулась Деля и, подскочив к яме, спросила: — Верка, ты в порядке? Сиди там,

как будто так и надо! Дети! — закричала она бодро в микрофон. — Наша палочка такая вкусная, что ее утащил, ее съел... кто, дети?

— Контрабас! Барабан! — закричали дети.

— Дирижер! — басом выкрикнул чей-то папа с первого ряда.

— Я кто? Я кто? — услышала я над ухом панический шепот Жанны.

— Ты — конфетка Белоснежка! — тихо подсказала я.

— Ты — конфетка Белоснежка! — воскликнула Жанна.

— Я? — испугалась Деля.

— Да не вы, а она! — пояснила я. — Вкусная и сладкая, бело-шоколадная!

Нашему дебюту грозил полный провал.

— У меня внутри орешка! — вспомнила Жанна. — Съешь меня, и будет... и будешь... Хрюшкой! — выдала она вдруг версию Сорокиной.

Зал застонал от хохота.

— Кошмар! — зачем-то в микрофон сказала Деля и схватила за юбку Жанну, которая как зомби быстро пошла к оркестровой яме. Из ямы выглянула труба с прорезями для глаз и вежливо спросила:

— Можно я текст договорю?

Деля странно хрюкнула и споткнулась о длинный шнур микрофона. Дети от хохота сползли с кресел на пол. Я поняла, что нужно спасти представление, и так запрыгала по сцене, изображая зайца, что из-под ног полетела пыль.

— Я шоколадный заяц, я ласковый мерзавец, я сладкий на все сто. О, о,о! — пропела я и сделала свое фирменное сальто. Но никогда раньше не делала его в костюме зайца, поэтому не учла, что у него длинные уши. Я наступила на них и с грохотом свалилась на бок. Зал уже не смеялся, он судорожно хрипел. Но я сделала вид, что не упала вовсе, а просто зайцу весело, и, перевернувшись на спину, задргала ногами.

— Можно я договорю текст? — спросила настырная Сорокина из ямы.

— Ха-ха-ха! — закричала я, стараясь спасти положение.

— Съешь меня, и будет фишка! — вспомнила Жанна вдруг трудное место сценария.

— Друзья! — жалобно проговорила Деля в микрофон. — Мы объявляем конкурс!

— Жуй меня, кусай меня, люби только меня! — не унималась Сорокина в яме.

Дети захлопали, и чей-то папа с первого ряда во весь голос рассмеялся.

— Друзья, — постаралась перекричать Сорокину Деля, — кто придумает лучшее название для новых конфет? Это необычные конфеты. Внутри у них

шоколадное суфле, а сверху белая глазурь. Заяц, ну-ка, принеси конфеты!

Я поскакала к огромному столу, на котором живописно была расставлена вся продукция фабрики, и взяла большой прозрачный пакет с конфетами.

— Напишите на бумажках свои названия, а Белоснежка соберет их у вас! — вещала Деля. — Иди! — подтолкнула она Жанну в спину. — Победителю — главный приз от фабрики «Кондитер»!

— Можно я выйду? — спросила из ямы Сорокина.

— Уймись и заткнись, — зашипела на нее Деля.

— Можно! — громко сказал папа с первого ряда.

Жанна с подносом пошла между рядами, собирать записочки.

— Объявишь победителем написавшего название «Снежинка», — шепнула мне Деля.

— Вылезай, вкусная! — позвал папа Сорокину.

— Я сама не могу, — пожаловалась Сорокина. — У меня одежда очень узкая! И я за что-то зацепилась.

— Руку давай! — Папа резво подскочил к яме.

Вернулась Жанна с подносом, и я стала вслух читать записки:

— Глюкоза! Сладкая жизнь! Незабудка! Сюрприз! Белая ночь! Снежинка!

— Руку давай! — настаивал папа.

— Я не могу, я зацепилась, — пропищала Сорокина.

Папа сиганул в яму, вызвав резонанс тарелок и струнных инструментов, и тут же раздались бурные аплодисменты.

— Объявляю победителя! — крикнула я. — Им стал, им стал... — Почему победить должно название «Снежинка»? Более избитое трудно придумать. — Белая ночь!

— Снежинка! — шепотом закричала Деля.

— Белая ночь! — заорал в микрофон Заяц и сделал сальто, не наступив на этот раз на уши.

— Ура! — выбежала на сцену маленькая беленькая девочка, вся в бантах и рюшечках.

— Катастрофа! — выдохнула Деля, отдавая девочке главный приз — огромную коробку со сладостями. Девочка не смогла ее поднять и за коробкой прибежала счастливая мама.

И тут из ямы на сцену волосатые руки вытолкнули Сорокину. На ней были только трусы и лифчик.

— Ура, стриптиз! — закричали дети, которым было не больше шести лет.

Вслед за Сорокиной вылетело ее платье-труба. Она прикрылась им и сказала с интонацией ведущей теленовостей:

— Я — карамельная палочка.

— Папа! — закричал мальчик в первом ряду.

Деля взяла себя в руки и, не обращая внимания на полуобнаженную Сорокину и шум в зале, монотонным голосом завела:

— Фабрика «Кондитер» использует в своей продукции только натуральное сырье...

Сорокина склонилась над ямой, позвала папу:

— Вылезай! — и протянула ему руку.

К ней подбежала Жанна и тоже вытянула руку, уронив при этом поднос в яму, прямо на тарелки. Грохот поднялся такой, что Деля, плюнув на восхваления фабрики «Кондитер», присоединилась к спасателям. К ним подбежал маленький мальчик из первого ряда. Папу, наконец, вытащили из ямы, в разодранных штанах, но очень веселого.

— Никогда не сидел в оркестровой яме, да еще с такой красивой девушкой! — радостно сообщил он залу, отобрав у Дели микрофон.

— Все маме расскажу, — пригрозил Сорокиной его маленький сын.

Деля, тяжело вздохнув, позвала всех детей к огромному столу на сцене попробовать конфеты.

— Что это было?! — налетел на нас красный и потный Толик за кулисами. — Что это было?!!

— Репетировать надо! — отрезала Деля. — А то, бац-бац, вот костюмы, вот сценарий, и на сцену! С ума сойти!

— А по-моему, хорошо получилось, — хихикнула Жанна.

— Я пропал! — упавшим голосом сказал Толик, из красного становясь белым. — Почему главный приз отдали не дочке госпожи Булгаковой?!

— Да, почему? — Деля с усмешкой посмотрела на меня.

— Кто это — госпожа Булгакова? — растерялась я.

— Кто?! — заорал Толик. — Кто?! Тот, кто бабки за все платил!! Директор фабрики — вот кто!! Они там камеры все наготове держали, а вы... Быстро переодевайтесь и в машину! Я не готов с ней объясняться! Не готов! Пусть она остынет, и мы что-нибудь придумаем!

— Репетировать надо, — вздохнув, повторила Деля.

— Бежим быстрее! — крикнул Толик, и все понеслись к автобусу.

Остаток дня в агентстве прошел тихо, никто и не думал вызывать нас на ковер. Толик сильно нервничал и все пытался выяснить, какая муха нас укусила. Мы виновато молчали, а Деля твердила одно: «Репетировать надо!»

— Что ж, будем репетировать! Во внеурочное время, — сказал Толик, вручая нам новый сценарий, и добавил со злорадством: — Ну, Андрон нам завтра да-аст!!

— Киселева, опять опоздала! — Этой фразой хозяйка фитнес-клуба Люба встречала меня каждый вечер. Она знает, что до клуба мне добираться на трех автобусах и метро, знает, что я сломя голову несусь со своей основной работы, в конце концов, знает, что я не опоздала, а пришла вовремя, просто не за полчаса до занятий, а за пять минут. Но она все равно кричит, завидев меня:

— Киселева, опять опоздала!

Это такой своеобразный способ держать меня в узде. Дело в том, что я очень дорожу этой работой. Мало того, что всего за четыре

часа тренировок я получаю неплохие деньги, так я еще имею здесь постоянных клиенток, которые покупают у меня косметику Oriflame.

— Киселева, опять опоздала! — с угрозой проорала мне Люба.

— Вообще-то, без пяти, — попробовала я огрызнуться.

— Киселева! Наши клиенты платят не за то, чтобы созерцать, как запыхавшийся с дороги тренер переодевается у них на глазах. Они могут подумать, что ты занимаешься ими между делом.

— Любовь Игоревна! Мои клиенты плохо обо мне не подумают! — завила я ее и пошла в зал.

— Ну, ну! — донеслось до меня. — Не дорожишь ты местом, Киселева. А я, между прочим, в курсе, что ты на моих клиентках зарабатываешь!

Это она про мою косметику. Ну и черт с ней. Я тоже знаю, как она подрабатывает: сдает в субаренду зал каким-то бандитам, чтобы они качались на тренажерах, хотя по договору аренды делать этого категорически нельзя. Но мне об этом лучше молчать.

Самая невыносимая моя подопечная — Зоя Артуровна. Перед каждым занятием она лезет на весы и кудахчет там как курица, которая собралась нестись. Сегодня, как только я вошла в зал, сразу услышала ее громовое контральто:

— Представляете, Лорочка! Еще в обед было шестьдесят девять ровно. А сейчас, шестьдесят восемь восемьсот!

Я начала занятия и к концу тренировки почувствовала, что могу уснуть не только стоя, с открытыми глазами, но и добросовестно показывая при этом упражнения. После тренировки Зоя опять взгромоздилась на весы.

— Представляете, Лорочка! Еще минус двести грамм! Если так дальше пойдет, то через месяц я смогу ходить по подиуму. — Она довольно засмеялась. — Кстати, помните, вы интересовались щенками редкой породы? Так вот, есть такие в городе! У моей знакомой, представляете, Лорочка! Тысяча!

— Так дешево?

— Для вас, Лорочка, тысяча долларов за собаку — это дешево? — Зоя Артуровна недоверчиво посмотрела на меня.

— Долларов? — ахнула я.

— Ну не рублей же, господи! Так оставлять щеночка?

Я должна сказать «нет». Я же не идиотка, у меня на руках больная мама, маленький ребенок и безработный муж, кажется, алкоголик. Тысяча долларов — сумма, которую я никогда не держала в руках. Правда, теперь есть эта работа...

— Так оставлять щеночка? — Зоя снова стала разглядывать показания на весах. — Надо же, вроде как на пять грамм больше стало...

— Мальчика! — выкрикнула я так, что ее чуть не отбросило взрывной волной. — И по-крупнее, слышите?

— Хорошо, хорошо, оставим кобелька. — Она попятилась и исчезла в раздевалке.

Когда утром я пришла в агентство, на меня все как-то странно смотрели. Все — Толик, Деля, Жанна с Сорокиной, даже начальник отдела связей со СМИ, а Деля, здороваясь со мной, сказала:

— Здравствуйте, Лора Васильевна!

Я обиделась, потому что никто никогда не называл меня по отчеству, даже в институте. Добил меня Толик.

— Лора Васильевна, — чуть не с поклоном сказал он, — вас Андрон Александрович просит зайти к себе в кабинет.

На меня напала нервная икота. Скорее всего, будет разбор вчерашних полетов в оркестровую яму, но при чем тут я?!

Андрон сидел в кресле и при виде меня мягко и доброжелательно воскликнул:

— Как это вам удалось?

— Это не только я, — залепетала я. — Сорокина как грохнулась в барабаны, так все пошло наперекосяк.

— Да при чем здесь барабаны, говорят, это вы все придумали! — вкрадчиво произнес Андрон.

— Я?!

— Не скромничайте! Откуда вы знали, кому нужно отдать главный приз? У вас была информация, что его дочь в зале?

— Информация?

— Не хотите говорить, — грустно вздохнул он. — Ну и пусть, пусть это будет вашей маленькой тайной.

— Тайной?

— Все равно спасибо, Лора Васильевна! У нашего агентства еще никогда не было клиента такого уровня, такого масштаба! — Андрон подскочил и, как тигр, плавно заходил по кабинету. — Девочке понравилось представление! Она смеялась до слез. Няня сказала, что несколько грубо, такой тупой американский юмор, но ребенок давно так не хохотал!

— Это все Сорокина...

— При чем здесь Сорокина? Победа в конкурсе и главный приз произвели на девочку такое впечатление, что она все уши папе прожужжала.

— А как же госпожа Булгакова, не обиделась?

— Обиделась? Она получила огромный новогодний заказ на партию новых конфет «Белая ночь»! Она руки мне сегодня утром целовала, ликер вот подарила...

— Это все Сорокина, она в барабаны упала!

— При чем тут Сорокина? Теперь у нас много работы, и конечно, самая главная — вам! И другие деньги! Другие деньги!

— Валяйте, — вдруг фамильярно ляпнула я.

— Значит так, ваш Балашов хочет, чтобы мы...

— Мой?

— Ваш, не скромничайте. Это уже всем известно!

— Мне не очень, — пробормотала я.

— Ой, у вас так мило все получается! Ходите, дурачитесь, пальмы мое... Я распорядился, вам приготовили отдельный кабинет. Идите, устраивайтесь на новом месте. Комната 204. Там зеркало, компьютер. В два часа совещание, ждем вас, обсудим план дальнейшей работы.

Что произошло там с этим призом? Кто подкинул идею, что неспроста я отдала его маленькой беленькой девочке? Но не бегать же и не доказывать всем, что я не любовница Балашова. Лучше попытаюсь выяснить, кто такой этот Балашов.

Андрон не обманул, в 204-й комнате были и зеркало, и компьютер, и пальма; кажется, ее притащили из коридора, даже кофеварка и личный телефон. Я развалилась в глубоком кресле и не знала, чем заняться. Вчера Толик раздал нам новый сценарий, но должна ли я учить его, будучи обладательницей отдельного кабинета и являясь любовницей Балашова, я не знала.

В дверь постучали, на пороге возникла Деся.

— Лора Васильевна!

— Деля, почему так официально?

— Лора, вас в бухгалтерию приглашают, зайдите, пожалуйста, Андрон Александрович распорядился.

Почувствовав себя английской королевой, я пошла в бухгалтерию. Там мне вручили конверт с деньгами и подсунули какую-то ведомость, в которой я расписалась. В коридоре я пересчитала деньги и чуть не завопила от радости: в конверте лежала половина моего месячного заработка. Что это — аванс? Тогда почему на второй день работы и почему только мне?..

Толик, Жанна и Сорокина уехали на очередную презентацию, а я осталась дожидаться совещания у шефа.

— Коллеги! — начал собрание Андрон. — Наше агентство вышло на новый уровень работы. Именно нам господин Балашов заказал рекламную кампанию своих предприятий. Такого заказа у нас еще не было! Все конкуренты подохнут от зависти! Давайте распределим фронт работ. К завтрашнему дню каждый из вас составит примерный план работы своего отдела на год и примерную смету затрат.

Все оживленно загалдели, а я растерялась — а какой я отдел? Какой фронт работ у любовницы заказчика? Но спросить не рискнула.

— И последнее! — воскликнул радостный Андрон. — Госпожа Булгакова с помощью нашего агентства и непосредственно с помощью госпожи Ба... Лорочки тоже заимела в лице Балашова постоянного клиента. Первый его заказ — огромная партия конфет «Белая ночь». Поэтому она решила сделать Балашову новогодний подарок — большой фирменный торт от фабрики «Кондитер». Мы, со своей стороны, тоже должны сделать какой-нибудь подарок.

Думайте, господа, какой! Завтра в это же время соберемся у меня, и каждый озвучит свою идею. Думайте, господа!

Господа закивали и начали расходиться. Ушла и я.

Теперь агентству понадобилась от меня оригинальная идея новогоднего подарка для Балашова. Я так привыкла к тяжелому физическому труду, что понятие «идея» никак не ассоциировалось у меня с работой. Работа — это мыть, стирать, пылесосить, скакать зайцем, таскать тяжести, а идея — да я за минуту выдам сто идей. Оригинальных и незатратных. Поэтому подумую об этом с утра. Или нет — ближе к обеду. А лучше — минут за десять до совещания.

— Киселева, опять опоздала! — заорала Люба издалека, когда я вечером появилась в фитнес-клубе. До начала тренировки оставалось целых полчаса.

— Смени пластинку, — неожиданно для самой себя ответила я, и у Любы отвисла челюсть от удивления. Но меня уже понесло: — Если тебе что-то не нравится, я увольняюсь. Легко проживу без твоих денег, у меня новая работа и новые обстоятельства.

Люба подтянула челюсть в исходное положение и скептически осмотрела меня с ног до головы. Ухмылкой она дала мне понять, что, может, работа у меня и новая, но обстоятельства старые.

— И чего это тебя прорвало? — довольно миролюбиво спросила она. — Нашла богатого папика? Так приоденься сначала, отожрись, подкопи, а потом работу бросай. Иди, переодевайся.

Я опустила голову и поплелась в тренерскую. Она права, веду себя как... любовница Балашова.

Когда я вошла в зал, Зоя Артуровна уже стояла на весах и хмурилась.

— Представляете, Лорочка! Кажется, эти весы сломались. Я не могла за полдня прибавить полкило. Ведь не могла?!

— Не фига! — отозвалась с велотренажера молоденькая Аня. — Я один раз за полдня прибавила два кило. И ведь ничего не ела, только семечки щелкала.

— Ой, — всполошилась Зоя, — и я щелкала! Но ведь семечки — это не еда! Я ими голод заглушаю!

— Не еда, — согласилась Аня, — а в чистом виде подсолнечное масло.

— Мас-ло! — эхом ахнула Зоя и безумным взором уставилась на табло весов.

— Зоя Артуровна, сколько времени вы стоите на весах? — спросила я ее.

— Минуту, — прошептала Зоя.

— Пять, — поправила Аня.

— Если бы вы все это время не рассматривали стрелки, а посетили вон ту беговую дорожку, толку было бы больше.

— Мас-ло! — Зоя слезла с весов и посеменила к дорожке.

— И вообще! — гаркнула я. — Девочки! С завтрашнего дня распоряжусь, чтобы весы из зала убрали! Мне плевать на граммы, которые вы то теряете, то прибавляете. Тут не женская консультация, а вы не беременные. Здесь тренажерный зал, и мы будем потеть до седьмого пота, а не прохлаждаться на весах! Начали!

Все уставились на меня так, будто я скинула с себя лягушачью шкуру и стала царевной. Только Зоя Артуровна, вперив бессмысленный взор в пространство, прошептала:

— Мас-ло!!

После тренировки я отозвала Аню в сторонку:

— Зайдите ко мне, Аня. Меня гложет женское любопытство.

Было два обстоятельства, из-за которых я не удержалась заманить Аню в тренерскую. Первое — Аня была большой сплетницей, а так как нигде не работала, то знание «где, кто, как и с кем» сделала своей профессией; второе — она была женой владельца автобарахолки и имела доступ к кругам, которые...

— Аня, — набрав побольше воздуха, выдохнула я. — Аня, кто такой Балашов?

— Ой! — вскрикнула Аня. — Ярик, что ли?

— Ну, Ярик, — согласилась я, хотя понятия не имела, что такое Ярик — кличка, фирма или код.

Задохнувшись от счастья, что можно посплетничать с новым человеком, она выдала почти телеграфным текстом:

— Рестораны, компьютеры, мебель, бензин. Кирка его и с Ворониным, и с Камхой, и с Петерсоном, и, кажется, с художником Кирьяновым, но не точно.

...Ночь, улица, фонарь, аптека. Из этих сведений картину можно составить, какую заблагорассудится, но меня это не устраивало.

— Мне бы попонятней, — попросила я Аню. — Кто это, Кирка?

— Ярика жена! — возмутилась Аня так, будто я забыла имя президента.

— А, ну да... А Балашов что?..

— Что Балашов? Работает, тусовки ненавидит, дочку обожает. А дочку Кирка нагуляла.

— Бедный Ярик! — вырвалось у меня.

— Он не бедный, — возразила буквальная Аня. — Он богатый. У него дом в поселке Солнечном, дом в Англии, квартиры в Москве, Париже и такой счет в швейцарском банке, что он совсем не бедный!

— А любовница у него есть? — задала я самый животрепещущий вопрос.

— Если и есть, то об этом никому не известно, — на удивление лаконично ответила Аня.

— А лет ему сколько?

— Много, — вздохнула Аня.

Я кивнула. Похоже, это было все, что можно вытрясти из жены владельца автобарахолки.

По дороге домой я купила елку. В два раза дороже той, которую хотела купить, и в два раза красивей. Испугавшись такого поступка, решила не идти в магазин за продуктами, оправдывая себя тем, что с елкой в магазин не пустят. Будем есть, что есть.

Я еле впихнулась с пушистой елью в лифт, но туда втиснулась еще и соседка Людка. Она почему-то не нажала кнопку своего этажа, а поехала со мной на этаж выше, стойко переживая неудобства от впившихся ей в лицо зеленых иголок.

— Ты разбогатела? — спросила Людка, блестя темными глазами из-за веток.

— Почему? — удивилась я.

— Такие елки стоят всю мою зарплату!

— Это нам на работе выдают, — солгала я, подавляя соблазн сообщить ей, что просто я теперь любовница Балашова.

— А где ты работаешь? — не унималась Людка.

— Твой этаж ниже, — бросила я в ответ и вышла из лифта.

На следующий день, когда Деля пригласила меня на совещание к директору, я очень испугалась. Забыв, что от меня нужна идея, полдня прогоняла игрушки на компьютере, и в голове моей было пусто и легко. К Андрону я

зашла с трясущимися коленками, как ученица, не выучившая урок.

Все начальники отделов были уже в сборе.

— А вот и наша Лорочка! — подскочил в кресле Андрон и услужливо подставил мне стул. — Никто не будет возражать, если она выскажется первой?

К моему ужасу, никто не возразил. Я открыла рот, не зная, что сказать, и пролепетала, выигрывая время:

— А... э... от госпожи Булгаковой будет торт?

— Торт, торт! — закивали Андрон и начальники отделов.

— Большой?

— Большой, большой! Огромный!

И тут у меня появилась идея. Так себе идеяка, тупой американский юмор, но другой у меня, к сожалению, не было.

— В него надо посадить Снегурочку, — неуверенно поделилась я неоригинальной мыслью.

— Йес! — заорал Андрон и, забыв про имидж директора, заскакал вокруг стола. — Йес! Йес! А для вас это блестящий способ встретить Новый год с любовником!

— Для меня?!

— А как же! Хитренькая вы, Лорочка! Режет Балашов тортик, а там такой подарочек! Вы!! И Кирка его, стервочка, ни-че-го не заподозрит!

— Вообще-то, Новый год нужно встречать с семьей, — попробовала я отбиться.

— Вот и встретите. Не с семьей, а в семье! — расхохотался Андрон.

Я вздохнула и вдруг призналась сама себе, что, толкая дешевую идейку, скорее всего, именно это и имела в виду.

— Нужно срочно связаться с Булгаковой! — захлопотал Андрон. — Чтобы в тортике сделали гнездышко для вас!

— Я могу на примерку съездить, — подсказала я.

— Я сам вас свожу, — расщедрился шеф.

Это сколько же денег за заказ отвалил мой Балашов, что Андрон так крыльями машет?

Андрон действительно свозил меня два раза на своей машине на фабрику «Кондитер» на примерку. Две тетки в белых колпачках и халатах бегали вокруг меня с сантиметром и, обмеряя, радовались, что я такая «маленькая» и «ладненькая». Во второй раз я залезла в уже готовый резервуар и крикнула всем оттуда, что мне там не тесно, не душно и не скучно. Огромный торт стоял пока рядом, с большой дыркой посередине, и напоминал кринолин принцессы Помпадур, с рюшечками, бантиками, оборочками из бисквита, крема и похожего на снег безе. Тетки пообещали, что тридцать первого, когда я залезу в торт, они сверху закроют меня безе, которое прекрасно пропускает воздух и легко разломится, когда придет время мне выпрыгнуть. Торт должны были доставить в дом Балашова за полчаса до Нового года, а ровно в двенадцать, когда семейство поднимет бокалы, мне нужно встать, исполнить незатейливый танец, спеть песенку и убраться восвояси на служебной машине.

Так должно было быть. Но я точно знала, что будет не так.

Тридцать первого утром, когда мы наряжали елку, Васька завел свою старую песню.

— Ма, я очень плохо вел себя последнее время.

— Это что, раскаянье?

— Нет, я понял почему. Я прочитал, что ребенок в моем возрасте бывает очень одинок. И поэтому его тянет на необоснованные, импульсивные поступки.

— Так что же делать с таким ребенком? — неосторожно поинтересовалась я.

— Купить собаку, ма!

Я выронила из рук огромный зеркальный шар. Он разлетелся на блестящие мелкие осколки, и я подумала, что с удовольствием расколотила бы так же свою прежнюю жизнь.

— Ма, я подмету, — растерянно сказал Васька, глядя, как я тапочкой разминаю осколки в пыль.

— Я куплю тебе собаку! — заорала я на него. — Куплю! Даже если потом нам придется голодать целый год! Вместе с собакой!

— Ура! — завопил Васька так, что елка чуть не рухнула.

У Ивы в комнате настойчиво зазвенел колокольчик.

— Что случилось? — спросила мама, разглядывая себя в маленькое ручное зеркальце.

— Мы покупаем собаку! — объявила я ей.

— Английского мастифа? — уточнила она.

— Другую он не хочет.

— А мне коляску?! С собакой ведь нужно много гулять.

— Сначала шубу.

Ива отшвырнула зеркало в сторону.

— Лорка, я из козла не ношу.

— Значит, покупаем шубу не из козла, — вздохнула я.

— Ура! — закричала Ива и так забила изо всех сил в колокольчик, что шнурок снова остался у нее в руке. — Фиг с ней, с коляской, Лорка! Главное — шуба!

На кухне Вадик заваривал себе чай.

— Лорик, кажется, я устроюсь на работу.

— Кому это кажется?

— Мне, Лорик. Сторожем на склад. Там я смогу заниматься своим проектом. И зарабатывать деньги.

— Ты ни хрена не понял, супруг. Мне нужны не деньги. Мне не нужен ты.

— Ты раньше никогда так не разговаривала, Лорик, — обиделся он.

— Теперь буду. Я приняла решение. После праздников идем в загс разводиться.

— А как же Васька? — ошарашено спросил Вадик.

— А при чем тут Васька? — отрезала я, и он заткнулся.

Он знал, и я знала, и Ива, что Васька тут ни при чем. Не знал только Васька.

Я пошла к себе и перетрясла весь гардероб в надежде найти что-нибудь подходящее для встречи Нового года. В агентстве мне, конечно, выдадут костюм Снегурочки, в котором я залезу в торт, но приходить на работу в повседневной одежде накануне праздника не хотелось. У себя ничего не нашла, зато у Ивы обнаружила серебристое пла-

тье с открытой спиной, которое она купила незадолго до болезни и ни разу не успела надеть. Размер у нас был одинаковый, и я пошла к ней.

— Я надену твое платье, мне не в чем пойти на работу на Новый год.

— Еще чего! — надула губы Ива. — Именно в нем я сама собиралась встречать Новый год.

— Ты? — удивилась я. Еще неделю назад я бы устыдилась перечить маме, которая два года не встает с кровати. Но поняла, наконец, что хуже жалости для нее нет раздражителя. — А зачем тебе платье с открытой спиной? Все равно ведь сидишь в кровати, и сзади ничего не видно.

— Точно! — удивилась Ива. — И как ты догадалась? Тащи сиреневое, с декольте.

Я принесла сиреневое платье, и Ива, набросив его на себя поверх одежды, стала рассматривать себя в маленькое зеркало.

— Бледнит, — сообщила она.

— Ничего, накрасишься поярче. А Новый год, мама, встретите без меня, с Флюрой я договорилась.

— Конечно, — легко согласилась Ива. — Шубу не из козла просто так не купишь. Давай, Лорка, вперед!

В агентстве, прямо в коридоре стоял длинный сервированный стол. За ним трудовой коллектив всю праздновал главный праздник всех времен и народов.

— А вот и наша Лорочка! — подлетел ко мне Андрон и помог снять пуховик. Я осталась в серебряном платье с обнаженной спиной и поймала на себе скептический взгляд длинной Сорокиной. Она права: такое платье не носят со стоптанными сапогами. Но я усмехнулась, и моя усмешка могла означать только одно — могу себе позволить.

Андрон усадил меня рядом с собой, налил шампанского и зашептал в ухо:

— Все готово, все готово! Переоденетесь, и поедем.

Когда трудовой коллектив перешел к песням, пьяненький Андрон под ревнивым взглядом Сорокиной потащил меня в свой кабинет.

— Вот! — выложил он на стол две белые, узкие, пушистые полоски и поставил серебристые босоножки на высокой шпильке.

— Это что? — я взяла в руки кусочки белого меха.

— Костюм Снегурочки! — радостно объяснил Андрон. — Лебяжий пух! А тут, по бокам, есть маленькие серебряные колокольчики. Когда станешь танцевать, они начнут звенеть!

— Звенеть? — удивленно переспросила я.

— Звенеть. Переодевайся быстрее, поедem на фабрику.

По замыслу Андрона, я должна была предстать перед моим Балашовым практически обнаженной. И при этом сильно звенеть. Ну и ладно. Даже Ива умеет бороться с обыденностью. Я быстро сняла с себя мамино платье и натянула пушистые повязки. Андрон вежливо отвернулся, но мог бы этого и не делать: мне было плевать. На мой взгляд, беспрестанный звон колокольчиков делал меня похожей на заблудившуюся корову, но, наверное, Андрон лучше знает, что нравится мужчинам. Я напялила сверху пуховик и под удивленными взглядами коллег, мелодично побрякивая, пошла с Андроном к машине.

Когда на фабрике я залезла в торт, то поняла, что мне там тесно, душно, скучно, а главное — темно. Сверху меня, как и обещали, замазали безе. Не удержавшись, я отковырнула изнутри кусочек и попробовала. Наверное, для таких как Балашов, безе делают из чего-то особенного, во всяком случае, такого вкусного я еще не ела. Я с трудом остановилась, поняв, что уничтожаю торт изнутри, как мышь.

В положенное время торт погрузили в машину, и по приличной тряске я поняла, что мы поехали. Поселок Солнечный находился километрах в тридцати от города, там жили не просто очень богатые, но и очень известные люди. Примерно через полчаса я услышала чьи-то голоса и почувствовала, что меня куда-то тащат. Выскочить из торта я должна была, услышав бой курантов и хлопki шампанского. Но только сейчас мне пришло в голову, что Балашов может не пить шампанского и не смотреть телевизор.

Наконец меня поставили. Скорее всего, под елку. Я отковырнула кусочек безе, съела его и стала ждать. От сладкого меня разморило, я честно боролась со сном, но куранты не били,

шампанское не хлопало, и я заснула. Как водится, с открытыми глазами, потому что спать было нельзя. А неожиданно проснувшись от внутреннего толчка, поняла, что произошла катастрофа: я проспала Новый год. Стояла такая тишина, что в ушах звенело. Никто и не думал резать торт. Было очень холодно, и я испугалась, как бы торт не запихнули в подвал, где хранят картошку и консервы. Я посидела еще немножко и решила — надо вставать. Расколов головой нежное бeze, я резко поднялась. Вокруг было так же темно, как и в тортe. Я нащупала над собой колючие ветки: все-таки меня запихнули под елку. Двигаясь, я беспрестанно звенела, пугая в темноте саму себя. Когда глаза немного привыкли, разглядела огромную комнату, елку, сервированный стол и подумала, что, наверное, рано вылезла, никто еще не сел за стол. Я все испортила, подарка не будет, будет просто голая, вымазанная кремом и почему-то звенящая баба. И тут в кресле я увидела его. Он безвольно полулежал с закрытыми глазами и не дышал, лицо было бледным как мел. Это Балашов! А кто же еще мог быть в его доме мертвым?

Я завизжала как поросенок на бойне. Балашов вдруг открыл глаза и тоже завизжал. Замолчали мы одновременно. Я — потому что он наставил на меня пистолет, он — потому что замолчала я. Балашов нажал какую-то кнопочку, и зал залил фантастический голубоватый свет.

— Руки за голову! — басом приказал он, держа меня на прицеле.

Позвякивая, как куча консервных банок, я подняла руки вверх. Огромными ручищами он начал шарить по моему телу, снял с моей головы кусочек бeze, понюхав его, отбросил на ковер и спросил:

— Тебя подослал Камха?

— Я сама себя подослала, — неожиданно нагло ответила я.

Он жестом показал, что я могу опустить руки, и подойдя к огромной елке, ткнул дулом в пустую середину торта:

— А! Так ты отсюда!

Вместо ответа я мелко затряслась то ли от холода, то ли от страха. Дурацкие колокольчики дробно зазвенели, будто кто-то потряс детский бубен.

— Если ты так ловко проникла в мой дом, то зачем так громко орала?

— Я — новогодний подарок! От Андрона и от госпожи Булгаковой! — чуть не плача проговорила я и попыталась станцевать свой танец.

— Ужас! — пробормотал он и помахал у себя перед носом рукой с пистолетом, словно прогоняя видение. — А я думал, это неудачный эротический сон. Дура! Ты мне все испортила. Ох, как же ты мне все испортила! Я тут в засаде сидел.

— И спал при этом? — глупо поинтересовалась я.

— Залезай обратно и не бренчи, как стадо коров!

Я зажала в потных ладонях маленькие колокольчики и, стараясь не бренчать, подошла к тарту. Балашов смотрел на меня. Он был высокий, крупный, с коротко стриженными волосами и большими черными глазами. Нет, это был не Он, не мой Принц. И лет ему было ... много. Наверное, сорок. Я подтащила стул, встала на него и уже собиралась шагнуть в торт, как он вдруг спросил:

— Так чей, говоришь, ты подарок?

— Госпожи Булгаковой и Андрона — директора агентства маркетинговых коммуника...

— Не знаю таких, — прервал он. — Тебя подослал Камха?

— Вы — Ярик? — решила я уточнить.

— Я? Я — Ярослав, — строго поправил он, подавившись обилием буквы «я».

— Ну, так это вы заказали у Булгаковой партию новых конфет, а у Андрона рекламную кампанию своих предприятий.

— Я?! Наверное, это мой зам заказал.

— И оплатил? — ехидно поинтересовалась я.

Он уставился на меня своими черными глазами и жестко приказал:

— Лезь в торт! Выпустить я тебя пока не могу. Сиди тихо, что бы тут ни происходило.

Трясаясь от холода, я полезла обратно в торт. Кажется, господин Балашов экономит на отоплении. Свет погас, и от этого стало еще холоднее.

Я долго сидела тихо, но ничего не происходило. Вдруг где-то рядом раздалось шипение Балашова:

— Так чей вы подарок?

— Госпожи Булгаковой и Андрона...

— Ну, я им устрою после праздников! У них в городе не останется ни одного клиента. Как, ты говоришь, называется агентство?

— Ой, забыла! — перепугалась я. — Можно я пойду? Мне-то зачем в засаде сидеть? Меня машина ждет!

— Ах, там еще и машина! Я тебя умоляю, сиди тихо! Я приказываю! Отсюда уже нельзя выходить!

Я испугалась и затихла. Время шло, не было слышно ни звука, ни шороха. Наверное, он опять заснул в своей засаде. Мне стало интересно: а как же Новый год, уже наступил или еще нет? Первый раз в жизни я совершила безрассудный поступок, и жизнь сразу же отвесила мне увесистую оплеуху. Я изо всех сил старалась не дрожать, руки и ноги сильно затекли, шею заломило. И тут раздались шаги.

Послышался звонкий женский смех, потом приглушенный мужской голос. Сердце заколотилось в ушах, и я подумала, что ничего хорошего и праздничного в этой засаде нет, потому что у Балашова в руках оружие. Он кого-то караулит, чтобы убить, а потом пристрелит и меня, потому что свидетелей в живых не оставляют. Зачем я затеяла все это? Ведь знала: где деньги, там всегда преступление.

Послышался звук открываемой двери, и женский голос отчетливо и весело произнес:

— Заходи! Я приказала накрыть на стол. Эля у мамы. Мой боров улетел в Париж! Черт, почему здесь так темно?

— Твой боров не улетел в Париж! — громыхнул раскатистый бас, и у меня над головой вспыхнула голубая лампа.

Женщина вскрикнула, какой-то тенорок смачно выругался.

— Твой боров не улетел в Париж! — повторил бас с нажимом на «боров».

Повисла тяжелая пауза.

— Красиво, красиво, — сказал тенор, — но избито. Убери ствол, давай поговорим!

— Ты думаешь, я буду с тобой разговаривать?!

Раздался выстрел, звук разбитого стекла, женский визг. Меня затрясло от ужаса.

— А что это так звенит? — дрожащим голосом спросила женщина.

— Так значит, — зарычал бас, — твой боров улетел в Париж?! А Эля у мамы?! И ты приказала накрыть на стол?!

— Что это так звенит? — чистым и красивым голосом продолжала женщина, будто из всего, что происходило, звон волновал ее больше всего.

Я постаралась унять дрожь. И тут тенорок с достоинством произнес:

— Ярослав, это глупо — палить по рюмкам. Давай сядем и поговорим, раз уж так получилось!

— Так получилось? Так получилось?! — заревел бас. — Так получилось!

И снова грохнул выстрел. Женщина завизжала, я зазвенела, тенорок выругался. Наверное, Балашов застрелил себя. Я зазвенела сильнее. Послышался звук передвигаемой мебели.

— Может, все-таки поговорим, — предложил срывающийся тенорок, и я сделала вывод, что ему еще есть с кем разговаривать.

— Ну ладно, поговорим, — согласился бас. — Только потом я все равно тебя пристрелю.

— Что-то звенит, — снова сказала женщина. Наверное, она просто была в шоке, и кроме звона моих колокольчиков ничего не воспринимала.

— Давай никто никого не будет пристреливать, Ярослав! Это пошло донельзя! — спокойно произнес тенорок. Он так и сказал: «Донельзя».

— Может, и пошло, — согласился бас, — но очень действенно. Очень. И давно у вас... это?

— Да что «это», Ярик? Что «это»? Виктор просто заехал... поздравить.

— Ха! Просто заехал?! Когда твой боров улетел в Париж, когда Эля у мамы, и когда ты приказала накрыть на стол?! — зарычал бас. — Причем, заехал уже вместе с тобой! Не сходится!

Я сжалась и ждала выстрела, но его не последовало. Может, у него кончились патроны?

— И потом, — хмыкнул бас, — с каких это пор Виктор к нам «просто заезжает»? Мы что, старые друзья?

— Да, не сходится, — усмехнулся тенор. — Давайте, что ли, выпьем, до Нового года осталось пять минут.

— На твоих похоронах выпью, — сказал Балашов.

Я опять ждала выстрела, но услышала только звон посуды. Зачем он сделал меня свидетелем своих семейных дрызг? Наверное, точно потом убьет.

— Так что ты хотел мне сказать? — спросил Балашов. Он слегка зады-
хался.

— Я хотел, чтобы ты перестал палить, — ответил тенор. — Ну, убьешь
ты меня или ранишь, тебе что, легче будет?

— Легче!

Что-то забулькало, видно, тенорок разливал спиртное.

— Постоянно что-то звенит! — шепотом воскликнула женщина. — Ярик,
ты заминировал дом?

Скорее всего, тенор захотел выйти из комнаты, потому что послышался
грохот, и Балашов заорал:

— Сидеть!

— Да сижу я, сижу, — тихо ответил тенор.

— Вы разрушили мою жизнь! — с пафосом произнес Балашов. — Кира,
ты знала, как я тебя люблю. И ты знал, гад! Ты влез в мой бизнес, а теперь
и в мою семью. Я не просто убью тебя, я закрою тебя в подвале и буду ре-
зать живым по кусочкам.

— Ярик,— пролепетала женщина, — ну почему ты не улетел в Па-
риж?

— Кто тебе сказал про нас? — спросил тенор, и снова послышался звук
наливаемого спиртного. — Ну? Чего же ты не стреляешь? Ты всегда был
трусоват. Прибить меня в своем доме, безоружного, на это тебя хватит. А
еще — ты не только трусоват, но и глуповат. Не заметил, как я прибрал к
рукам твой бизнес, а потом и твою жену. Так что у тебя действительно те-
перь один выход — убить меня, пока я безоружен и пока я в этом доме.
Кстати, что ты будешь делать с телом?

— Откуда этот торт? Я не заказывала! — Женщина упорно не хотела
верить в драматизм ситуации и отвлекалась на детали.

— Безоружен, говоришь? — тихо спросил Балашов. — Ладно, я дам
тебе оружие. И мы уедем из этого дома. И будем стреляться. Ты в меня, я
в тебя — все честно.

— Псих! — воскликнула женщина.

— Идиот! — поддержал ее тенор, и мне показалось, что он опять налил
себе порцию спиртного.

И тут в отдалении послышалась канонада салюта. Коттеджный поселок
был далеко от города, и звуки фейерверка сюда долетали так, словно кто-
то на улице старательно выбивал ковер.

— С Новым годом! — с усмешкой сказал Балашов.

— С Новым счастьем! — крикнула я, выпрыгивая из торта.

Все усталились на меня.

— Я это не заказывала, — испуганно повторила женщина. Она была красавицей: белокурые волосы, восхитительная кожа, тонкие черты лица и глаза необыкновенного фиолетового цвета.

— Это не мой подарок, — сказал тенор, худощавый мужчина с внешностью английского сенатора.

— От госпожи Булгаковой и Андрона, — зачем-то объяснила я им.

— Ах, от кондитерской фабрики! — воскликнул «сенатор».

— Я же сказал, сиди тихо! — зарычал на меня Балашов.

— Ты ее знаешь? — Кира перевела взгляд с меня на него.

— Булгакову? — Тенор сильно себя любил и предположить, что почти ревнивый вопрос Киры относится не к нему, не мог. — Разумеется, знаю. Я разместил у нее большой заказ. Ты же сама просила поощрить фабрику за роскошный подарок Эле.

— Да не ты, а ты! — занервничала Кира.

— Первый раз вижу эту бабу! — не очень уверенно ответил Балашов.

— Так вот кто звенел! — догадалась вдруг Кира.

Мне все это надоело. Лучше я буду кормить сырками бездельника Вадика, чем участвовать в театре абсурда, где главный режиссер — господин Балашов.

— Ну, я пошла! — Я перешагнула через торт и направилась к двери. — Всех поздравила, и меня ждет машина!

— Стой! — крикнул «сенатор». — Ты слишком многое слышала! И тебя не ждет машина, я ее отпустил.

— Как отпустил? — замерла я. — Как это — стой?! Мне что, теперь тоже с вами стреляться?

— Балашов, — съехидничала красивая Кира, — а у тебя голая тетка! Так кто же из нас виноват? Давай замнем эту историю!

— Что значит, отпустил! — заорала я на тенора. — Я на работе! Сделала свое дело и теперь должна уехать! А вы тут разбирайтесь, стреляйтесь, с жиру беситесь, делайте, что хотите!

— Виктор действительно отпустил какую-то машину, которая торчала у ворот, — рассмеялась Кира. — Он спросил у шофера, что он тут делает, а тот ответил, что кое-кого ждет, и охрана в курсе. Тогда Виктор сказал, что раз все в курсе, пусть убирается и не торчит у его дома. Шофер обрадовался и уехал.

— У его дома?! — взревел Балашов. — У его дома?

— Он так пошутил! — поспешно объяснила Кира.

— Дело в том, — с пьяноватой серьезностью сказал Виктор, — дело в том, что дом этот действительно мой.

От неожиданности я с размаху, брэнча своими колокольчиками, плюхнулась в огромное глубокое кресло, в котором не так давно нашла спящего Балашова. Кира перевела взгляд на роскошную елку и, кажется, стала считать на ней игрушки. Балашов схватился за бутылку водки, подержал ее и с грохотом поставил на стол.

— Объясни, — зловещим тоном произнес он, обращаясь к Виктору. — Объясни.

— Витя, не надо, — прошептала Кира. Она схватила со стола пустой фужер из фантастически красивого хрусталя и попыталась из него отхлебнуть. Виктор отобрал у нее фужер и плеснул туда мартини.

— Ну, почему же! — сказал он, наливая себе водки. — По-моему, раз все открылось, пора объясниться.

— Говори! — Балашов встал из-за стола, держа в руке пистолет.

— Он убьет тебя, — Кира залпом выпила мартини. — Он тебя пристрелит.

— Да нет, — усмехнулся Балашов, — я же сказал, что дам ему оружие, и мы уедем из этого дома.

— Псих, — прошептала Кира.

— Стрелять в тебя я не буду, твои романтические бредни... — Виктор не договорил, так как Балашов прервал его:

— Будешь, иначе я пристрелю тебя просто так, без романтики. А уж куда деть труп в этом громадном твоём-моём доме, я придумаю. Говори, что там с домом!

— Ладно, только вот эти уши лишние, — кивнул Виктор и ткнул пальцем в мои голые коленки: — Простите, вы, наверное, Снегурочка?

«Да, я Снегурочка!», — сказала я про себя, а вслух ответила:

— Нет, господи! Я любовница Балашова. И это из-за меня он не поехал в Париж!

— Врешь! — выдохнул Балашов, будто получил удар под дых.

— Врет, — подтвердила Кира, разглядывая меня. Видимо, на любовницу ее мужа я не тянула, как не тянула на человека, которому банк выдаст кредит.

— Неважно, — ухмыльнулся Виктор, — в любом случае, она уже герой этой дурацкой пьески.

— Героиня, — кивнула я.

— Что? — хором спросили все трое.

— Героиня! — громко повторила я. Раз уж так все сложилось, они будут не только мириться с моим присутствием, но и считаться с ним.

— Ярик, ты поэтому не улетел в Париж? — Кира подошла к тарту и заглянула в его пустую середину, будто там могла прятаться еще парочка таких, как я.

— Врет. Она зачем-то врет, — Балашов обошел стол, и от его тяжелых шагов зазвенела посуда. Когда он встал напротив меня, по-прежнему сжимая в руке пистолет, я ни секунды не сомневалась — сейчас он меня пристрелит. — И я, кажется, знаю зачем. Это вы все подстроили. Вы знали, что я не улетел в Париж, вы прислали этот дурацкий торт, запихнули в него эту голую бабу, обвесив ее идиотскими бубенчиками. Вы хотели сделать из меня дурака. Сколько? Сколько тебе заплатили, чтобы ты вылезла из этого пирожного и назвалась моей любовницей?!

— Если еще не поздно, господа, — стуча зубами, обратилась я к Кире и Виктору, — то тысяча десять долларов меня устроят. А? Для вас это копейки, а я куплю, наконец, импортную коляску для мамы и щенка английского мастифа для сына. Ну, как, господа? Десять тысяч «зеленых», и я — ваше доказательство, что не вы, а он шалил в этом непонятно чьем доме. Наверное, в вашем брачном контракте есть такой пункт — кто кому изменил, и кто что с этого поймет?

— Что она там бормочет? — раздраженно спросила Кира.

— Какая расчудесная новогодняя сказочка, — засмеялся Виктор.

Только Балашов ничего не сказал. Он пытался уничтожить меня своим тяжелым взглядом, забыв опустить пистолет.

— Перед этим маленьким черным отверстием кто угодно и какие угодно глупости наговорит! — сказала я специально для него, и он опустил руку с оружием.

— А что, я согласен! — весело воскликнул Виктор. — Сколько, ты говоришь, десять тысяч?

— Он не составлял никакого брачного контракта, — скривилась Кира. — Он всегда говорил, что мы будем жить долго, счастливо и умрем в один день.

— Черт с ним, с контрактом, — веселился Виктор. — Кроме понятия «брачный контракт» у таких публичных людей, как мы, есть еще понятие «репутация». Я перечислю на ваш счет деньги, если вы везде и всем — прессе, подружкам, бабушкам в метро — будете рассказывать, что вы любовница Ба...

Балашов снова поднял руку с пистолетом и пальнул вверх, словно давая старт замершим в ожидании спортсменам. Пуля ударила в потолок и срикошетила в торт. Я мысленно поздравила себя, что сижу в кресле, и завизжала вместе с Кирой на одной ноте и в одном регистре так, будто всю жизнь репетировала с ней этот дуэт.

— Я дам тебе двадцать, — холодно сказал мне Балашов, когда мы замолчали, — если ты всем — прессе, подружкам, бабушкам в метро, — будешь говорить, что знать меня не знаешь, никогда не была в этом доме и ничего этого не видела.

— Bravo! — воскликнул Виктор. — Только у тебя столько нет.

— Что ты сказал?! — Балашов прицелился в него: — Что ты все время такое говоришь, подонок?

— Капец! — вдруг пьяно воскликнула Кира. — Витя, зачем ты его все время дразнишь? Ну, почему ты не заткнешься? Он перестреляет нас тут, как куропаток! В конце концов, если тебе приспичило все ему выкладывать, уходите отсюда, дом большой, и это ваши мужские делишки. Он дает тебе оружие — бери, это лучше, чем ждать, куда он пальнет в следующий раз. Это лучше, чем... — Она не договорила и, прикончив martini, принялась за водку.

Балашов вдруг обмяк, тяжело опустился на стул и забормотал:

— Все это глупо. Все это бесконечно глупо, и я все время жду, что проснусь, но почему-то не просыпаюсь. Почему?! Это что — правда? Даже эта баба с бубенчиками, даже этот торт с дыркой посередине? Кира, разбуди

меня! Кто-то позвонил мне на мобильный, сказал, что ты... с Камхой уже полгода... А когда меня нет, когда я уезжаю из города, он даже приходит в мой дом. Моя охрана подкуплена, и прислуга подкуплена, все смеются надо мной за мою спиной. Разбуди меня, Кира! Я не то, чтобы поверил, просто решил убедиться, что это неправда. Купил билет в Париж, показал тебе, а ты даже не закатила истерику, что не беру тебя с собой, что в Новый год ты остаешься одна. Тогда я собрал чемодан, но никуда не уехал, а тайком вернулся в дом через черный вход. Никто не знал, что я здесь. Когда зашел в комнату, стол был уже накрыт, а под елкой стоял этот дурацкий торт. Я выключил свет, сел в кресло и стал спокойно ждать. Думал, сейчас вы вернетесь с Элей от мамы, включите свет, а тут — я. Новогодний сюрприз. Я никуда не уехал, и в Новый год мы вместе, как всегда! Разбуди меня, Кира! Все это, — почему-то показал он на меня, — не может быть правдой!

Я испугалась, что он заплачет. Такой огромный и сильный мужчина не должен плакать, пусть уж лучше стреляет. Но он просто потер огромным кулаком глаза и пробормотал:

— Разбуди меня, Кира!

— Не хочу, — вдруг отрезала она. — Не хочу. Все это правда, Ярик. Я давно сплю с твоим замом, у тебя уже нет твоей фирмы, нет твоих денег, и, кажется, этот дом уже тоже не твой. Только не пали больше в потолок. Даже хорошо, что так получилось, все равно ты узнал бы об этом. Вот только торт — не мой подарок. И это чудо в перьях я первый раз вижу. Наверное, это действительно чья-то неудачная шутка. Я не верю, что это твоя любовница. У такого теленка, как ты, не может быть любовницы, даже такой.

Я почувствовала, что вполне способна вцепиться ей в светлые волнистые волосы, а заодно расцарапать ее холеное, красивое лицо.

— Значит, я вас убью, — спокойно сказал Балашов, и мне не понравилось слово «вас».

— Эй! Ты обещал дать мне оружие, — напомнил Виктор.

— Раз обещал — дам. Стреляемся, как водится, на рассвете, — усмехнулся Балашов. — А пока ты мне расскажешь, что там с моими деньгами. Пошли в бильярдную, — он пистолетом указал Виктору на дверь.

— О, господи! — вздохнул Виктор, снова налил себе водки, залпом выпил и пошел за Балашовым.

— А я? — пискнула я из кресла.

— Вас я закрою, — сказал Балашов, — а там видно будет.

— Нет! — крикнула Кира, но было поздно — ключ повернулся в замке.

Кира уронила голову на руки и затряслась. Я думала, она рыдает, но, когда она подняла лицо, я увидела — Кира хохочет.

— Слушай, — смеясь, сказала она, — если ты хотела уехать, то как ты собиралась идти к машине? В перьях? Где твоя одежда?

Ни я, ни Андрон, ни тетки на фабрике почему-то об этом не подумали. Мой пуховик так и остался там.

— Я морж, — заявила я Кире. — Мне ничего не стоит в минус тридцать раздетой добежать до машины. Не могла же я захватить шубу в торт.

— Не могла, — согласилась Кира.

— А почему ты не веришь, что я любовница Балашова?

Кира опять засмеялась, красиво и звонко, и помотала головой:

— Не верю. В то, что морж — верю, в то, что любовница — нет, хотя мне это сейчас выгодно. Балашов тебе не по зубам. Он никому не по зубам, только мне. Будешь смеяться, но Балашов однолюб. Другие бабы его не волнуют. Мы познакомились в самолете, у меня все время что-то заедало — то не могла открыть столик, то не получалось откинуть кресло назад. Сзади просовывалась какая-то мужская лапа, и все за меня делала. Мне было очень весело, особенно, когда принесли обед, и лапа протянула мне свою порцию конфет, которые подавались к чаю. Я не оборачивалась, не говорила спасибо. Даже когда самолет приземлился, и все пошли к выходу, я не стала смотреть, кто обладатель этой лапы. А когда получила багаж, все та же лапа схватила мой чемодан. И тогда я на него посмотрела. Дорого одетый медведь, и за деланой жесткостью — очень сентиментальный.

Он сразу бросился изображать из себя принца — рестораны, цветы, подарки стоимостью с трехкомнатную квартиру. Мне это подходило. У меня тогда были очень затруднительные обстоятельства и ... еще кое-что. Короче, когда он, пыхтя от натуги, путая слова, сделал мне предложение, я

легко согласилась. В том моем положении лучшего выхода быть не могло. Но даже к богатству быстро привыкаешь, и становится скучно. А с таким, как Ярик, становится скучно вдвойне. В нем нет градуса, нет интриги. Скучно! Он делает огромные деньги, не выходя из кабинета, он хитрый и дальновидный в бизнесе, а то, что я родила семимесячного ребенка вполне доношенным, принимает за чистую монету. Скучно и где-то даже противно. Сегодняшняя сцена — самое шикарное событие в моей семейной жизни. Мне нравится, когда мужики из-за меня дерутся. Из-за меня... — она остановила взгляд на бутылке виски.

— Зачем ты мне это рассказываешь?

— Не знаю. Потому что пьяная. Потому что ты — случайный попутчик, которого я никогда больше не увижу. Потому что неизвестно, что дальше произойдет, и мне страшно и весело. Но все равно скучно. И тебе, Снегурочка, этого не понять. Вряд ли тебе бывает скучно. Наверняка ты роешь землю носом, чтобы накопить себе на новые сапоги. Твой мужик наверняка алкаш, мать — старая гримза, а ребенок неблагополучный, потому что у тебя нет времени им заниматься. У тебя лицо уставшей, измотанной бабы и руки уборщицы. Тебе не по зубам Балашов. Он никому не по зубам, кроме меня. — Она вдруг резко поднялась и выплеснула виски мне в лицо. Я закричала от рези в глазах и, схватив огромную салатницу, метнула в нее. Она виртуозно уклонилась, нырнув под стол.

И тут где-то внизу громыхнул выстрел.

— Это салют? — дрожащим голосом спросила из-под стола Кира.

— Это выстрел, — ответила я, даже не пытаясь ее успокоить.

— Наверное, Ярик палит в потолок, — сказала она не очень уверенно.

Мы помолчали немного, но больше ничего не происходило, и я снова заговорила:

— Это еще неизвестно кто куда палит. Чего ты так стучишь зубами под столом? Тебе все еще скучно? Я действительно не знаю, что это такое. И у меня действительно три работы, мама-инвалид и муж-алкаш, за которого я вышла только затем, чтобы у Васьки в графе «отец» хоть кто-то значился. Правда, я никогда не пыталась обмануть мужа, что это его ребенок, только недоношенный. Вадик благородно его усыновил. И за это я долго расплачиваюсь — едой, квартирой, одеждой и даже постелью. Моя мама очень боялась, как наша семья будет выглядеть в глазах окружающих, если дочь родит без мужа. Она тоже очень ценит благородство Вадика и до сих пор дает ему каждый день деньги на бутылку, а иногда даже посылает за ней свою сиделку.

— Зачем ты мне все это говоришь?

— Затем, что жаль, не я сидела в том самолете шесть лет назад.

— Почему за нами никто не приходит? — Кира вылезла из-под стола и подошла к двери. — Ярик! — громко крикнула она. — Виктор! Эй, есть кто живой? — Но в доме стояла могильная тишина, никто ей не ответил. — Ой, они, наверное, убили друг друга.

— Все может быть. И это будет самый шикарный эпизод в твоей семейной жизни. На его месте я пристрелила бы тебя, на это ушел бы всего один патрон. Слушай, эту дверь никак не открыть?

— Нет, только снаружи и только ключом.

— А окно?

Я подошла к окну, отодвинула штору и посмотрела вниз. Там белел сугроб, и росли маленькие елочки. Этаж был второй, не выше.

— Окно прекрасно открывается, — Кира подошла ко мне и, стуча зубами, легко открыла стеклопакет. Холодный воздух ворвался в комнату, и я вспомнила, что кроме двух пушистых повязок на мне ничего нет.

— Холодно, — сказала она.

— И высоко, — добавила я. — В доме еще кто-нибудь есть?

— Нет. Я отпустила всю прислугу, а охрана пьянствует в своей будке у ворот. Отсюда далеко, метров сто. Я могу позвонить им, — она огляделась. — Нет, не могу, сумку с телефоном я оставила внизу.

— Нельзя никому звонить.

— А что можно? — послушно спросила Кира.

— Можно попытаться вылезти в окно и зайти в дом через дверь. Она открыта?

— Закрыта. Может, еще подождем? Кто-нибудь из них придет. Это бред, они не будут стреляться, в крайнем случае, набьют друг другу физиономии.

Медведь Балашов, конечно, может в запале дров наломать, но, по сути, он тюфяк.

— Тюфяки в таких домах не живут.

— Что? — не поняла Кира.

Я высунулась из окна наружу. Стена была ровная, кирпичная, но на расстоянии вытянутой руки из нее торчали какие-то металлические скобы, кажется, они шли до земли, и можно было попытаться использовать их как ступеньки.

— Дверь, говоришь, закрыта?

— Да. Но рядом окно комнаты для прислуги. Форточку часто не закрывают, потому что много курят. Может, еще подождем? Ты можешь сорваться...

— Это ты можешь сорваться, а я бывшая гимнастка, — объяснила я ей, и, забравшись на подоконник, шагнула за окно, нащупав ногой ближайшую скобу.

— Бильярдная в самом конце коридора, на первом этаже! Когда зайдешь в дом, первым делом поднимись и открой мне дверь! — давала указания Кира. — Ключ у Ярика в кармане пиджака!

Она сказала это так, будто мне предстояло обыскать его труп, и я решила про себя, что не буду торопиться освобождать Киру.

Оказавшись на стене под пронизывающим ветром, я поняла, какую глупость сделала. Во-первых, господин Балашов сэкономил не только на отоплении, но и на освещении. На территории коттеджа не горел ни один фонарь, не светила ни одна лампочка. Во-вторых, я забыла снять босоножки на каблуке. Скобы были обледенелые и скользкие, но отступать уже поздно. Стало так страшно, что перестало быть холодно. Я вспомнила теплый уютный торт и пожалела, что нарушила приказ Балашова сидеть тихо. Еще я подумала, что неизвестно где заканчиваются эти скобы, может, их подо мной одна — две, а дальше — только прыгать.

— Эй, гимнастка! — снова крикнула Кира. — Не забудь сначала открыть мою дверь!

Прыгать мне все-таки пришлось, но невысоко. Сначала я скинула в снег босоножки, потом прыгнула сама, провалившись по колени в сугроб. Форточка на первом этаже действительно оказалась открыта.

— Молодец! — крикнула сверху Кира. Судя по голосу, она успела опрокинуть еще пару рюмок.

Я забралась на узкий карниз и виртуозно нырнула в черное отверстие, оказавшись в какой-то темной комнате. Налетев на мебель, громко выругалась, отыскала дверь и вышла в длинный коридор. Кира сказала, что бильярдная в самом его конце. Проклиная свои бубенчики, я пошла вперед, решив не церемониться, вломилась в бильярдную без стука и застыла на месте.

На огромном бильярдном столе полулежал Виктор. В руках он зажал кий, и я удивилась, как он играет в таком неудобном положении. Потом я увидела, что зеленое сукно под ним странного бурого цвета. Рядом с Виктором вдруг возник Балашов с пистолетом в руке.. Он посмотрел на меня пустым взглядом и сказал:

— Это не я.

Я хотела заорать, понимая, что у меня нет шансов спастись, но он отбросил оружие в сторону и повторил:

— Это не я.

— А кто? — глупо спросила я.

— Не я. Не знаю. Не я.

— Убедительно. В доме еще кто-то есть?

— Нет. Никого нет.

— Ну, тогда это вы. Просто не верите, что все-таки сделали это. А он точно мертв? Иногда, знаете, мерещится.

— У него пуля в сердце.

— Ну, тогда это вы.

— Нет!!! — заорал он, а потом быстро и невыразительно забормotal: — Мы спустились на первый этаж, но не пошли сразу в бильярдную. Я предложил зайти в кабинет и поговорить. В кабинете он сказал мне такое, что, если бы я хотел, то пристрелил бы его там же, закатал в ковер и спрятал в подвале. Но я позвал его в бильярдную, чтобы выбрать оружие. У меня здесь небольшая коллекция. Виктор был в стельку пьян и безумно хохотал. Он выбрал себе дамский браунинг образца 1903 года, калибра 6,35 — это самая ценная вещь в моей коллекции. Он долго куражился, спрашивал, кто будет нашими секундантами, и со скольких шагов мы будем стрелять. Затем предложил пофехтовать на киях и по-

метать друг в друга бильярдные шары. Он не верил в дуэль. Да и я не верил. Просто хотел, чтобы он испугался. Но он не испугался, он оказался жестче и хитрее, чем я думал, потому что сказал: «Раз ты не выстрелил в меня сразу, то не выстрелишь никогда. Ты всегда стрелял в потолок, поэтому все и потерял». Я не успел ему ответить, потому что зазвонил мой мобильный.

Это была Эля, она хотела поздравить меня с Новым годом и думала, что звонит мне в Париж. Я не мог разговаривать с ней при нем и ушел в свой кабинет. Я рассчитывал, что Виктор воспользуется моментом и уйдет из дома, ведь его ничего не удерживало. Но он взял кий и стал гонять шары.

Эля все спрашивала, какая погода в Париже. Я поздравил ее с Новым годом, наобещал чудес до небес, но так и не смог придумать, какая в Париже погода. Потом трубку взяла Кирина мама и долго выговаривала мне, что ребенок встречает Новый год без отца. Я спросил ее, где Кира, она ответила, что Кира плохо себя чувствует, выпила таблетку и легла спать. Легла спать. Легла спать, черт подери!!!

— Сейчас другая проблема, — напомнила я ему. — Виктор убит.

Он посмотрел на меня, потом на Виктора, нелепо развалившегося на зеленом столе, и опять повторил:

— Это не я.

— А кто? — хмыкнула я.

— Не знаю. Не я.

— Убедительно. Камеры в доме есть?

— Нет.

— Ну да, вы же на всем экономите!

— Я просто всем верю. Верил.

— И как же вам удастся делать такие деньги?

— Бизнес — это бизнес. А дом — это дом.

— Кажется, вас и в бизнесе обули. Так что, скорее всего, это вы. В состоянии аффекта. Я подтверждаю, дадут немного.

Он побелел, и я испугалась, что он все-таки меня пристрелит. Пистолет валялся рядом с ним на полу. Словно читая мои мысли, он сказал:

— Зачем вы так говорите? Если вы считаете, что это я его убил, то мне необходимо пристрелить и вас. Тоже в состоянии аффекта. Дадут немного.

— За двоих гораздо больше, — буркнула я.

— Это не я, — начал он снова. — Я услышал выстрел, прервал разговор и пришел сюда, думал, Виктор решил проверить свое оружие. А когда зашел, он лежал с дыркой в груди, а его пистолета нигде не было. Я так и не нашел его.

— Вы сами сказали, что в доме никого нет. И Кира сказала. Прислугу отпустили, охрана пьянствует у себя в будке, от дома метров сто... А нас вы закрыли на ключ, он у вас в кармане пиджака.

— А как же вы здесь оказались? — запоздало удивился Балашов.

— Вылезла через окно и спустилась по стене.

— Где ваша верхняя одежда? — Видимо, испугавшись моих вопросов, он решил задавать свои, давая понять, что я в этой истории самое подозрительное лицо. Чтобы он незаметно не подобрался к мысли, что это я могла грохнуть Виктора, я ему напомнила:

— Когда я вошла, вы уже стояли с пистолетом в руке около мертвого Виктора.

— Это не я, — с потрясающим тупым упорством повторил господин Балашов.

— Да мне без разницы, кто! — неожиданно для себя заорала я. — Выпустите меня отсюда!

— Да идите, — сказал он вдруг, и я поняла, что уйти в своих перьях и без машины никуда не могу, а главное, не уверена, что хочу.

Я подошла к Виктору, взяла его за холодную руку и попыталась нащупать пульс. Первый раз в жизни я дотронулась до покойника, ведь боялась их до одури, до тошноты и потери сознания.

— Пульса нет, — сообщила я Балашову.

— Что вы говорите? — издевательски произнес он.

— Пора вызывать полицию! — не осталась я в долгу.

Он вдруг стух, сник, стал даже меньше ростом и глухо проговорил:

— Жаль, я тебя не грохнул!

С неожиданной прытью я схватила с пола пистолет и направила на него:

— Зато я могу попробовать! Зачтется как самооборона, вообще ничего не дадут!

— Мы что, соревнуемся в знании Уголовного кодекса?

Я заглянула в маленькое отверстие ствола.

— Осторожнее, — тихо сказал Балашов. — Уберите палец с курка. А то вышибите себе мозги, а повесят на меня.

Я первый раз в жизни держала в руках оружие, и меня вдруг посетило упоительное чувство власти. Над миром в целом и над Балашовым в частности. Ничего подобного я раньше не испытывала.

— Руки вверх! — направила я ствол на него.

Балашов мрачно усмехнулся, но все же задрал вверх огромные лапы, похожие на снегоборочные лопаты.

— Не валяйте дурака! Здесь кто-то есть. Кто-то, кто убил Виктора. Отдайте оружие, мне нужно обыскать дом.

— Разве не полиция это должна сделать? — Я поискала глазами телефон, но в бильярдной его не было.

— Да вы, никак, решили вывести меня на чистую воду! — усмехнулся Балашов, но руки не опустил. — Я же отпустил вас. Идите. Неужели приятно быть замешанной в эту историю?

— Приятно, — вдруг ляпнула я. — Это самый шикарный эпизод в моей жизни.

— Дура, — сказал Балашов и опустил руки.

— Дура? — тут же парировала я и добавила: — Я не отдам оружие. Сама обыщу этот дом.

— Обыщешь? Ты же звенишь как гроздь консервных банок! Ты не знаешь расположения комнат! Или знаешь?.. — осекся вдруг он. — Я так и не понял, за каким чертом ты проникла в мой дом.

Он совсем по-другому посмотрел на свой пистолет в моих руках. Усмешка сползла с его лица, нос заострился, и, кажется, во мне проснулась жалость к нему, даже если это он пристрелил Виктора.

— Давайте вместе обыщем дом. Я действительно не знаю расположения комнат.

— Вместе? Это в смысле, что ты будешь водить меня под прицелом по моему собственному

му дому в поисках убийцы любовника моей жены? Ну, нет, вызывай полицию!

— Не нужно полиции! Мы вместе обыщем дом.

— Звони «02»!

— Сядете!

— Лучше сяду!

— Но ведь это не вы!

— Не я!

— Так давайте обыщем дом!

— Но почему бы вам не уйти?! — вдруг снова перешел на «вы» Балашов. Я швырнула на стол пистолет и телефон, развернулась и пошла, не пытаясь объяснить ему, что мне почти голой придется протопать до шоссе, и там ловить машину, не имея ни копейки в кармане.

— Эй! Я догадался! — крикнул Балашов мне вслед. — Вы по объявлению «Веселенькие махаончики скрасят ваш досуг»!

— Ну, вот, а говорите, не заказывали!

Он понял, что обидеть меня не удалось, и снова сник.

Я закрыла за собой дверь и пошла по темному коридору, не имея понятия, куда нужно идти, чтобы покинуть этот дом.

— Стой! — заорал Балашов из бильярдной, не открывая дверь.

Я замерла.

— Эй, Снегурочка! — позвал он.

— Махаончик! — поправила я.

— Плевать! Иди сюда, — сказал из-за двери Балашов почти нежно. — Тебе некуда идти и не в чем.

Я толкнула дверь и замерла на пороге. Он стоял на том же месте, в той же позе.

— Мы обыщем дом вместе. Можешь пихать меня в бок пистолетом. Маленькие бедные девочки любят воображать себя хозяйками положения. Ты во что-то играешь. Все во что-то играют. Это я, боров, думал, что есть вещи, на которые игрушки не распространяются. Давай обыщем дом вместе, наверное, ты что-то можешь, раз спустилась по отвесной стене.

Пока он бормотал, я взяла со стола оружие и вложила в его безвольную руку. Он покорился, зажал в руке пистолет, а я объяснила ему:

— Маленькие бедные девочки не умеют стрелять, а тот, кто в доме, таскает с собой дамский браунинг — самую ценную вещь из коллекции. Пошли.

Он закрыл бильярдную на ключ, и мы оказались в абсолютно темном коридоре. Я уже было собралась заявить про больших богатых дядечек,

которые экономят на электричестве, как Балашов достал из кармана пиджака и включил довольно яркий фонарик. Я подумала, может, в доме авария, раз в коридорах темно, а он таскает фонарь в кармане, словно шариковую ручку, и шепнула:

— Почему нет света?

— Был, — вполголоса ответил Балашов. — Кто-то выключил его в коридоре почти сразу после выстрела. Когда я вышел из кабинета, поговорив с Элей, света не было.

— Где выключатель?

— В конце коридора, рядом с комнатой для прислуги. Сейчас пройдем и включим.

Но свет не зажегся. Балашов терзал выключатель, пока я не потянула его за рукав, объяснив:

— Кто-то вырубил пробки в коридоре. Кто-то, кто знает, где и что находится в этом доме.

— У меня нет никаких идей, кто это мог сделать...

— У меня тем более. По-прежнему один вариант.

— Это...

— Знаю, не вы!

Сверху раздался грохот и женские вопли.

— Это Кира рвется на волю, — вспомнила я, — я должна была ее выпустить.

— Кто такая Кира... — на одной ноте произнес Балашов.

Надеюсь, он не рехнулся.

— Не будем ее выпускать, — махнула я рукой. — Она пьяная, шумная, она все испортит. Дверь на замке, ключ у вас в кармане, там она в безопасности.

— В безопасности... — безучастным эхом повторил Балашов. Он посветил фонариком вокруг себя, взял меня за руку и потянул вверх по лестнице на второй этаж.

Я вцепилась в его ладонь — она была сухая и горячая, похоже, у него поднялась температура, и тихо спросила:

— Куда мы идем?

— Наверх. Тебе надо переодеться, а потом мы проверим комнаты на втором этаже.

— Ты играешь по чужим правилам, — я тоже окончательно перешла на «ты». — Кто-то вырубил свет в коридорах, и ты крадешься в темноте, даже не попытавшись разобраться со светом!

— Я не электрик, — возмущенно проговорил Балашов.

— Зато я электрик!

Услышав эти слова, он потянул меня к стене на небольшой площадке между первым и вторым этажами, пошарил фонариком по светлым панелям, остановил яркий луч на маленькой пластиковой дверце и приказал:

— Действуй!

Дверца туго поддавалась, я щелкнула рубильником, и в коридорах и на лестнице тут же зажегся свет. Слабый и голубоватый, как весь свет в этом доме.

— Витя! Ярик! Откройте! — завопила Кира где-то рядом, заколотила в дверь кулаками, ногами и, кажется, даже забилась об нее своим холемым, скучающим телом.

Балашов безучастно огляделся вокруг, держа пистолет в повисшей руке, и на той же отрешенной ноте сказал мне:

— Пойдем, — и, повернувшись ко мне спиной, тяжело и понуро зашагал вперед.

Бренча бубенцами, я пошла за ним.

— Уроды! — пьяно завизжала Кира где-то рядом. — Изверги! Откройте! Я выпрыгну в окно! Эй, гимнастка, я слышу, ты звенишь где-то рядом! Ты обещала открыть! Где Витя?! Я-арик!

Ярик прошел мимо ее двери, прошел, но вернулся. Я испугалась — сейчас он откроет дверь, выпустит черта из табакерки, и пропадет моя интрига, шикарный эпизод снова станет ее.

Балашов не стал открывать дверь. Он ударил в нее огромными кулаками, придержав руки, замер, свесив между ними свою большую, горестную голову — так драматический актер играет отчаяние, — и сказал Кире:

— Молчи!

Видимо, Кира что-то про него знала, потому что затихла, перестала орать и кидаться на дверь. Стало слышно, как звенит посуда, наверное, она налила себе виски.

До следующей двери мы дошли в полнейшей тишине, если не считать звона колокольчиков, которые, по замыслу Андрона, должны были придать моему появлению в этом доме особый колорит.

Комната, в которую мы вошли, оказалась спальней Киры. Балашов открыл дверь, пошарил фонариком по огромной кровати, по ажурным шторам, по резному комоду, зеркальному шкафу и, нащупав выключатель, включил свет.

Рюшечки, бахрома, балдахины, позолота, зеркала, подушки, отливающие атласом. И запах, нет — аромат, что-то неуловимое, легкое и безумно дорогое. Из другой жизни. Не из моей.

Балашов шагнул к зеркальному шкафу и толкнул дверцу. Она поехала вбок плавно и бесшумно, медленно приоткрывая обилие роскошных тряпок.

— Одевайся! — распорядился он и отвернулся с таким видом, словно ему было противно смотреть, как я роюсь в шкафу.

Меня смутило это чужое великолепие на плечиках. Я растерялась и застыла, не зная, что потянуть на себя — синий шелк или белесую джинсу.

— Быстрее, — поторопил Балашов, не оборачиваясь, — а то смотреть на тебя ...

— Противно? — закончила я.

— Больно.

Я разозлилась. Это на тебя больно смотреть. Ты не умеешь держать удар, ты раскис и сломался. Ты не тот Балашов, о котором я мечтала. Раздвинув ряды с одеждой, я выбрала серый брючный костюм, сняла его и в узкую щель образовавшегося пространства увидела...

Казалось, что в эту странную новогоднюю ночь меня уже ничего не может удивить, и страшно ошиблась. Повесив костюм на место, я позвала Балашова:

— Иди сюда!

Он раздраженно обернулся и шагнул ко мне:

— Ну, что еще?!

— Сними вот этот костюм.

Балашов снял, показывая всем своим видом, что делает это лишь для того, чтобы от меня отвязаться.

Снял, замер, снова повесил, и снова снял — рывком, чтобы убедиться, что это не тени и не свет сложились в уродливо-бледную и, без сомнения, мертвую физиономию.

— Черт, — прошептал он, а потом заорал во весь голос: — Черт! Черт! Черт!

— Кто это? — тихо спросила я.

— Помоги мне, — попросил он и просунул руки между тряпок, пытаюсь вытащить тело из шкафа.

Я раздвинула вешалки, изо всех сил придерживая их, пока он тащил наружу маленького сухонького старичка в черном костюме, белой рубашечке и мелких штиблетах. Старичок словно специально оделся, соблюдая ритуальную атрибутику, только вместо гроба почему-то выбрал шкаф.

— Иван Палыч! — Балашов потряс старичка за узкие плечи, но то, что он мертв, было ясно даже такой глупой курице, как я.

— Иван Палыч! Черт!

Я за плечи перевернула старичка на бок и на спине, в области сердца, увидела рану, какую мог оставить нож с узким лезвием. Крови почти не было, только чуть-чуть, да и та была незаметна на черной ткани костюма. Разве могло быть много крови у крошечного, сухого как прошлогодняя ветка Иван Палыча?!

Балашов все нащупывал у него пульс — на запястье, на шее и почему-то даже на щиколотке.

— Он мертв, — сказала я. — Я не очень хорошо разбираюсь в покойниках, но он мертв.

— Это не я...

— Тьфу!!! — заорала я, содрала с вешалки серый костюм и, не обращая внимания на Балашова, быстро переоделась.

Костюм оказался мне великоват, Кира была повыше и пофигуристей. Но зато я теперь не звенела при каждом вздохе. Подвернув рукава и брюки, я принялась искать в шкафу обувь: моя осталась в снегу, у дома.

Балашов смотрел на меня как собака, которая не понимает, за что ее бьют.

— Это тоже любовник Киры? — кивнула я на тело. Кажется, меня перестали пугать мертвецы. — Этот мачо, — поддела ногой ручусочок, — тоже спал с твоей женой и воровал твои деньги? Почему ты твердишь, что и его не ты?..

— Заткнись! — наконец очнулся Балашов. — Иван Палыч — мой эконом, или как это правильно называется... Он заправлял всем домом и всей прислугой. Я привез его из деревни, потому что он остался совсем один, жена умерла, дети разъехались, пенсия мизерная...

— Иван Палыч — твой эконом, — прервала я его. — Его подробная биография нам ни к чему. Он не спал с Кирой и не запускал руку в твой карман. Но все равно кому-то помешал, потому что у него дырка в спине, а значит, он не сам залез в Кирина шкаф и умер там от сердечного приступа. Правильно?

— Правильно, — согласно кивнул Балашов.

— Не ты проткнул своего эконома, не ты застрелил Виктора. Кстати, ни ножа, ни пистолета рядом с трупами нет. Значит, кто-то бродит по дому, вырубает свет в коридоре и убивает все, что шевелится. И это — в новогоднюю ночь!

Я, наконец, нашла туфли в шкафу, и, поняв, что Сорокина безбожно отстала от моды — обувь следует носить не длинноносую, а со скругленным коротким носочком, поздравила себя, что размер ноги у нас с Кирой одинаковый. На резном комодике я увидела кожаную шкатулку, обнаружила там склад драгоценностей и надела пару колец с камнями, наиболее похожими, на мой взгляд, на бриллианты. Потом облилась духами. Теми самыми, что из другой жизни. Не из моей. Балашов смотрел на меня с нескрываемым ужасом, будто на его глазах я надругалась над трупом.

— Пошли, — кивнула я на дверь. — В этой истории нужно расставить все точки над «i».

Он послушно направился за мной к двери, оставив несчастного Ивана Палыча лежать на полу, жутко отражаясь в зеркальной створке огромного шкафа-купе.

Я открыла дверь. И замерла на пороге.

В коридоре было темно.

— Кто-то опять вырубил свет? — шепотом уточнил у меня Балашов.

— Точно! — подтвердила я его догадку и скомандовала: — Фонарик и пистолет!

— Что?!

— Давай свой гангстерский наборчик. В руках уставшей, злой и вечно голодной женщины он будет лучше работать.

Балашов сунул мне в руки фонарь и оружие. Лучом света я пошарила в коридоре, но не обнаружила ничего нового: белые стены, плиточный пол — отделение связи, которому энергетики отключили свет за неуплату.

Я прикрыла дверь и, навалившись на нее, спросила:

— А почему они вырубают свет только в коридорах?

— Они?! — в ужасе переспросил Балашов. — Кто «они»?!

— Я не знаю, кто, и не знаю, зачем. Это какие-то ваши делишки. Деньги, бабы, скука, измены, дележ. Я могу представить, что кто-то убил Виктора из твоего оружия, подставив при этом тебя, но кому помешал бедный Иван Палыч, и зачем его прятать в шкафу? Почему эконом зарезан, а Виктор застрелен? Я не люблю детективы, но в тех, что читала, пишут, что обычно убийцы расправляются с жертвами одним способом. А этот... и ножом орудует, и пистолетом...

— Кто «этот»?! — снова переспросил Балашов.

Разговаривать с ним становилось невозможно. Я разглядывала Кирино кольцо на пальце. Ажурный ободок — наверное, платина, большой прозрачный камень, ловящий своими гранями розовый свет и отдающий его во сто крат сильнее и ярче — наверное, бриллиант. Фантастический, слепящий, необыкновенный... При этом не переставала лихорадочно соображать. Тупа два. Пока два. А говорили, что в доме никого нет...

— Кира сказала, — попыталась я пробиться к сознанию Балашова, — что в доме никого из прислуги нет. Что она имела в виду? Что рассовала всех по шкафам?

Он дико посмотрел на меня и завел, как ученик перед завучем:

— Иван Палыч живет в доме. Жил. Остальная прислуга проходящая — повар, горничная, садовник. Но на праздники он всегда уезжал в свою деревню, километров триста от города. Там живет его друг — фронтовик. Они пьют водку из железных кружек и поют фронтовые песни.

— Нам ни к чему биография, — напомнила я ему.

— Ни к чему, — повторил Балашов.

— Значит, он не уехал и кому-то этим помешал.

— Кому? — впился в меня черными глазами Балашов. — Он уехал. Уезжал. Тридцатого вечером Иван Палыч заказал такси, взял свой черный

чемодан и уехал, я сам видел. Он сказал: «Хороших вам праздников, Ярослав Андреевич!» Я не знаю, как он мог здесь оказаться, понятия не имею... Я пришел задолго до двенадцати, с черного входа, в доме не было никого. Свет горел в холле и в коридорах. Кира не любит заходить в темноту, поэтому свет там горит всегда. Я поднялся в гостиную, где был накрыт стол и стоял этот дурацкий торт, уселся в кресло и стал ждать Киру. Остальное ты знаешь.

— Сколько в доме комнат?

— Он уехал, я видел.

— Сколько комнат в доме?

— Эта, гостиная, в которой сейчас Кира, еще гостиная, детская, спальня для гостей, моя спальня, две ваннские комнаты — это второй этаж. На первом — бильярдная, кабинет, комната для прислуги, комната Иван Палыча, кухня, еще одна детская для игр, две туалетных комнаты. Все. Нет, еще большой подвал — там прислуга хранит запасы продуктов, и стоят стиральные машины. Пара балконов. Один здесь, — кивнул он на окно, — другой в моей спальне. Есть мансарда наверху, но она не достроена и не обжита. Есть зимний сад — тоже не достроен. Я его строил для Эли, но она вдруг попросила бассейн, и я притормозил работы до лета, чтобы заняться бассейном. Теперь все.

— Не густо для магната.— Я не знала, как должно быть густо, но решила, что это — не густо.

— Я и не магнат. Мне хватает. И Эле хватает.

Я стала рассматривать второе кольцо. Зеленый камень, наверное, изумруд. Вокруг рассыпью, кажется, бриллианты. Интересно, когда наступает момент, когда всего хватает настолько, что становится скучно? Я поскучала бы так годик-другой.

— Хочешь не хочешь, а придется выяснять, кто это здесь хозяйничает.

Балашов пожал могучими плечами.

— Или позвоним «02»?

Балашов снова пожал плечами. У него было серое безучастное лицо, и черные дыры вместо глаз — ни проблеска мысли, ни чувств, ни каких-либо эмоций.

— Эй!! — крикнула я. — Какие мы нежные! Ой, нам изменила жена! Караул, убили зама, да так, что дураку понятно — это я его убил, и всем хорошо известно — за что! Ужас и кошмар! В шкафу новогодний подарочек — зарезанный экономом Палыч! Остается или застрелиться, или сесть в тюрьму. Что тебе больше нравится? Бизнес — это бизнес, дом — это дом! Да ни фиги! «Да, Кирочка! Конечно, Кирочка!» Тебя дома перестали уважать! Наверное, в бизнесе то же самое! Как там Виктор сказал? «Ты все потерял, потому что всегда палил в потолок»?! Эй! Магнат! Молоти своими толстыми лапами! Неужели у тебя все в жизни было так хорошо, что никогда не приходилось выкручиваться?!

Я орала и кривлялась, готова была даже сделать свое фирменное сальто, чтобы он очнулся. И, наконец, добилась, что в его черных дырах что-то вспыхнуло — злость или удивление, разбираться было некогда.

Он подскочил ко мне и залепил такую оплеуху, что в глазах начался звездопад. Наверное, он никогда не бил женщину, потому что перехватил сам себя за руку и с ужасом уставился на меня: не упаду ли я бездыханная рядом с его экономом. Я не упала.

Подождала, когда яркие точки рассеются в глазах, открыла дверь и потянула его в черную пасть коридора, прокладывая себе дорогу фонариком.

— Пошли! Нельзя плясать под чужую дудку!

Балашов, тяжело ступая, потащился за мной как бегемот, вынужденный выйти из воды на горячий песок. Он выключил в спальне свет и закрыл ее на ключ, тот самый, что лежал у него в кармане пиджака.

Мы вернулись на лестницу. Балашов сам повернул рубильник, и свет зажегся снова. Обошли все комнаты на втором этаже, но никого не обнаружили. Проверили даже мансарду, шаря фонариком по неотделанным стенам, зашли в ваннные комнаты, но и там не было признаков чужого присутствия.

Кира молчала, наверное, напилась и заснула.

Тогда мы вернулись на первый этаж. Балашов толкнул дверь кабинета. Так себе был кабинетик — никакой роскоши. Черный офисный стол, компьютер, не самое крутое кожаное кресло, много книг на полках, на корешках боль-

шинства из которых я заметила слово «педагогика». На окнах — простые плотные жалюзи, почему-то черные.

Единственным необычным предметом в кабинете была клетка с попугаем, но и он не оправдывал свою роскошную породу «какаду» — был каким-то чахлым и почему-то очень грязным. Впрочем, может, это был просто очень старый попугай. Он наблюдал за нами черными глазами, и, если бы не вековая мудрость в них, я бы сказала, что он очень похож на Балашова — носатый, черноглазый, мрачный.

Балашов осмотрел кабинет, заглянул за черные жалюзи и под стол, брезгливо открыл высокий черный шкаф, где хранились какие-то папки, но ни живых, ни мертвых там не обнаружил. Тогда он взял с кресла большой черный платок и бросил его на клетку.

— Зачем? — удивилась я.

— Он орет. Болтает, что попало. Я его купил в Монако для Эли, мы его долго учили говорить, но так ничего и не добились. Как-то уехали все в отпуск и оставили его на попечение охранникам. Когда приехали, он научился говорить, но всего одну фразу.

— Какую?

Балашов промолчал, сказал только:

— Больше он в детской не живет.

Я приподняла платок, открыла дверцу и сунула в клетку палец. Мне очень захотелось узнать, что за фразу говорит попугай и почему он больше не живет в детской.

И тут послышался стон. Или скрип. Или свист петарды, донесшийся из-за пределов коттеджа: все-таки где-то праздновали Новый год. Мы замерли с Балашовым, как собаки в стойке. Он выдрал у меня из руки пистолет и рванул к выходу. Скрип, стон или свист повторился. Балашов понесся по коридору на этот звук, как тяжелый сна-

ряд к цели, я едва поспевала за ним на высоких каблуках. В просторном пустом холле, прямо перед входной дверью лежал...

Там ничком лежал и громко стонал Дед Мороз.

Он был одет в красный тулуп, на голове остроконечный колпак с белой оторочкой, на ногах шикарные красные сапоги в серебристых звездах. Руки у него были связаны за спиной его же поясом, наспех и неумело. Толку от такого связывания не было никакого, но кто-то, видимо, решил, что толк есть.

— Вы ранены? — крикнула я, склонившись над ним.

Дед Мороз опять застонал, но ничего не ответил.

— Кажется, его чем-то огрели, — сказал Балашов, развязывая ему руки.

— Или напоили, — добавила я, нюхая воздух.

— Нет, огрели. Вон той вазой. — Балашов ткнул пальцем величиной с банан в большую напольную вазу, которая валялась на полу. — Эй! Вы можете говорить?!

— Могу, — вдруг отчетливо произнес Дед Мороз и перевернулся на спину, уставившись в потолок. Он оказался совсем молодым, лет двадцати, с детскими синими глазами, его красный накладной нос съехал на ухо, а борода на правую щеку.

— Вы от госпожи Булгаковой и Андрона? — светским тоном осведомился Балашов.

— Только больше не бейте! — взмолился юный Дед Мороз. — Я подарки вам принес! — и с ужасом уставился на пистолет в его руках.

Балашов спрятал пистолет в карман, давая понять, что не собирается его применять.

— Как вы сюда попали? — спросила я.

— Я подарки вам принес, — грустно повторил он.

— Кто вам открыл дверь? — рявкнул Балашов.

— Швейцар. И тут же ударил меня по голове, — жалобно объяснил юнец.

— У меня в штате нет швейцара.

— Значит, уже есть, — вмешалась я и попыталась допросить Деда Мороза:

— Как он выглядел?

— Кто?!

— Швейцар!

— Откуда я знаю?

— Но он же открыл дверь и ударил вас по голове! Вы сами сказали.

— Сказал. Только я его не видел. В этом чертовом дворце, извините, — обратился он к Балашову, догадавшись, что к дворцу я не имею

отношения, — было темно, и почему-то не работал звонок. Я звонил, звонил — не звонит. Я тогда ногами вашу дверь попинал. Дверь швейцар открыл и... тут же меня по голове приложил. Ой! — схватился он за голову. — Очень уж опасная эта работа — быть Дедом Морозом. В следующем году в аэропорт грузчиком пойду на каникулы, там спокойнее...

— Значит, вы никого не видели? — перебил его Балашов.

— Вас видел. Свет зажегся, и вы прибыли. С пистолетом. Не убивайте меня! Я на работе, подарки принес. — Он сел и стал озираться. — А где мешок? У меня был мешок!

Мы тоже закрутили головами, но холл был чист и пуст, в нем не было даже диванчика, только огромная стойка-вешалка, на ней — голубая норковая шуба, наверное, Кирина.

— Мешка нет. Стырили! Ой! Извините, я себя очень плохо чувствую! — Дед Мороз лег на пол, сложив руки в красных рукавицах на груди, и пожаловался: — Голова кружится и тошнит.

— Сотрясение мозга, — проявил осведомленность Балашов.

— Скорее всего, перепил, — встряла я.

— Я не перепил, — простонал Дед. — Я ваших соседей обошел — депутата, президента и какого-то генерального. Все нормально было. А тут ... так... приложили... и мешок, того... извините.

— Вы пешком? — поинтересовалась я.

— Ну да, — удивился Мороз. — Я всегда пешком. Или на трамвае, он дешевле.

— Кто тебя прислал? Как тебя охрана пропустила? — крикнул Балашов, пытаясь вернуть разговор в нужное нам русло.

Дед Мороз испуганно устался на его оттопыренный карман.

— Я — сюрприз от господина Болотникова, соседа вашего, банкира. Он по-соседски решил

всех поздравить и заказал меня. Другие Деда берут с крутых по сто баксов за час, а я — двадцать. Он еще Снегурочку хотел, но я такую дуру не нашел, за двадцать баксов в праздник морозиться. До вас час из города идти.. А охрана ваша, извините, не только пропускает, но и наливает. Еще у меня посох был. Это реквизит, его вернуть надо.

Мы завертели головами, но посоха нигде не было.

— Нет посоха, — сказал Балашов.

— Ой! — расстроился Дед Мороз. — Я без посоха не могу, реквизит сдавать нужно. Что-то голова кружится и тошнит, — снова улегся он на пол.

Балашов полез за бумажником и вытряс много разных денег, среди которых затесались и доллары. Дед Мороз выхватил их, сунул за пазуху и вздохнул:

— Пойди, купи сейчас хороший посох!

Балашов полез в другой карман и сунул Деду еще доллары, которые так же стремительно исчезли в дебрях красного тулупа.

— Хорошо у вас! — сказал Мороз, встал и пошел к выходу. Но в дверях вдруг остановился, пробормотал: — Все равно голова кружится, — и стек на пол лицом вниз, будто мы не реанимировали его только что долларами.

— Черт! Что с ним делать? — с досадой спросил Балашов.

— Давай его к Кире, — придумала я.

— Кто такая Кира? — внятно спросил Дед Мороз.

Может, ему не так плохо, как он изображает, просто парень решил срубить побольше? Разбираться было некогда.

— А зачем его к Кире? — попробовал возразить Балашов. — В доме много других комнат.

— Понимаешь, — попробовала объяснить я, — в доме происходит нечто, что не поддается твоему контролю. В других комнатах и так много сюрпризов. Мне кажется, вдвоем им будет безопаснее.

— Меня, пожалуйста, к Кире, — слабым голосом попросил Дед Мороз.

Я хотела взять его за ноги, но Балашов отстранил меня, взвалил Мороза на плечо, и мы двинулись прежним маршрутом: коридор, лестница, коридор. Мороз был маленький, легкий, его ноги едва доставали Балашову до пояса, и он нес его так, будто тащил пакет с апельсинами.

У Кириной комнаты Балашов достал ключ из кармана и бесшумно открыл дверь.

Кира полулежала в кресле. Наверное, спала. Когда мы вошли, она распахнула свои фиолетовые глаза и уставилась на нашу делегацию с пьяным недоумением:

— Где Витя? Ярик, что у тебя на плече? Почему она напялила на себя мой костюм? Ярик! Где Витя?

Не обращая на нее внимания, Балашов сгрузил Деда Мороза на кожаный двухместный диванчик и сказал ему:

— Отлежишься пока здесь. Мы вас закроем. Можешь попировать, — кивнул он на накрытый стол.

— Ярик! — взвизгнула Кира. — Что это значит?

— Не бойтесь, женщина, — простонал с дивана Дед Мороз, — я вам вреда не причиню. У меня девчонок, как редисок на грядке, выбирай любую! Мне молодые больше нравятся. Извините.

Кира замерла с открытым ртом, потом кинулась на Балашова:

— Сколько ты заплатил этим клоунам, чтобы меня унижить? Не смей меня запирасть!

Он оттолкнул ее обратно в кресло и сказал:

— Молчи и сиди тихо.

Что-то такое Кира про него знала, потому что прекратила истерику, дала нам выйти и закрыть дверь на ключ.

И тут в коридоре снова погас свет.

От злого бессилия Балашов выстрелил. За дверью всхлипнула Кира, застонал Дед Мороз.

— Не надо палить в потолок! — крикнула я, и мы побежали по темному коридору назад, к лестнице, где был этот чертов рубильник. Этот маршрут я могла уже проделать с завязанными глазами в любом направлении.

Балашов подбежал к злополучной дверце первым. Я включила фонарик и, помогая ему, шарила по стене ярким лучом.

Дверца была открыта. Кто-то так торопился, что закрыть ее не успел. Балашов рванул на себя рубильник. За мгновение до того как зажегся свет, мы услышали какой-то шум. Даже не шум, колеба-

ние воздуха. Так падает лист бумаги с небольшой высоты. Голубоватый свет резанул мне глаза.

Балашов, с неожиданной легкостью для своих габаритов, рванул вниз по лестнице, перескакивая через ступеньки и подняв руку с оружием вверх. Проклиная Кирины каблук, я побежала за ним, впервые серьезно подумав, а не набрать ли «02»?

В коридоре никого не было.

И в холле никого не было.

Я зачем-то водила фонариком по стенам, будто дополнительный свет мог как-то помочь.

Балашов ворвался в комнату для прислуги — никого.

Он закрыл дверь на ключ и ринулся дальше. С бильярдной все было ясно, она закрыта, кабинет тоже. Детская, комната эконома, туалеты — пусто и тихо. Словно кто-то невидимый решил поиграть с нами, ходит рядом, смеется и творит свои страшные безобразия. Последней комнатой, которую Балашов проверил и закрыл на ключ, была кухня.

— Подвал! — напомнила я, и он побежал куда-то в полумрак, под лестницу.

Я увидела тяжелую железную дверь с навесной щеколдой снаружи. Она была открыта, за ней — черная дыра.

— Там! — задохнувшись, крикнул Балашов, щелкнул выключателем у наружного косяка и понесся вниз по крутой лестнице, целясь из пистолета в неизвестность.

— Стой! — закричал он кому-то.

— Стой! — заорала я ему, понимая, что он нарвется на пулю раньше, чем сам успеет выстрелить. — Стой! Нужно просто закрыть эту дверь и вызвать ментов! Стой!

Но он уже скрылся, и я, как последняя дура, поскакала за ним вдогонку, перелетая через ступеньки, теряя Кирины туфли. Не удержавшись на ногах, остаток пути пролетела словно в детстве с горки, пересчитав все ступеньки и обогнав Балашова. Но он перемахнул через меня, словно бегун через препятствие, даже не притормозив, и помчался дальше, по просторному подвалу, размахивая пистолетом, как в дурацком боевике. Здесь действительно стояли стиральные машины и какие-то здоровые корзины, наверное, для белья. Балашов нырнул за одну из них, когда сверху раздался скрип тяжелой двери, лязг щеколды, и погас свет.

Темноту подвала было не сравнить с темнотой коридора, в которой мы пробежали полночи. Во всяком случае, я поняла, что такое «темно как в могиле». Еще я поняла, что нас обставили как последних идиотов, что ловушка

захлопнулась, и что... сбылась моя мечта посидеть в темном и тихом подвале. Пока я об этом думала, Балашов что-то громко крикнул, но что именно, я не поняла. Только услышала, как он взлетел по лестнице, как стал колотить в дверь кулаками и орать: «Откройте, уроды!»

— Молчи, — сказала я ему, — молчи. Нет никакого смысла орать.

Нащупывая руками и коленками ступени, я поползла вверх. Достала из кармана фонарик, включила его, но почему-то он горел очень тускло, наверное, батарейки садились.

— Нас закрыли, — задыхаясь, сообщил мне Балашов, когда я доползла до него.

— Точно, — согласилась я.

— Подвал запирается на чугунную щеколду снаружи, свет включается там же, — продолжал он меня просвещать.

— Я догадалась.

Мы помолчали. Было невообразимо страшно и неправдоподобно темно. Поэтому я взяла его за руку, и он ее не отнял. От этого мне стало теплее. И не очень страшно. И не так темно.

— Балашов, миленький, давай, ты сейчас подумаешь, что это такое может происходить! Давай, ты вспомнишь, кого обидел, кто тебя обидел. Кому ты должен и кто должен тебе. Кого ты ненавидишь, и кто ненавидит тебя. И тогда ты, вероятно, поймешь, кто это может быть, и чего он хочет! Только не спрашивай меня — кто. Я не знаю. Я всего лишь подарок от госпожи Булгаковой и Андрона. Ты прав, я играла в свои игрушки. Но они не такие жестокие, как эти. Что там натворил Виктор в твоём бизнесе? В чем он признался в твоём кабинете? Почему этот дом не твой? Чего хочет этот невидимый убийца? Если просто подставить тебя, то почему не уходит, ведь он уже натворил дел! Убить всех и тебя тоже? Зачем? Давай, ты вспомнишь, подумаешь, поймешь. Очень трудно

искать черную кошку в темной комнате, особенно ... если это не кошка! — Балашов молчал. Если он опять впадет в ступор, дела мои плохи. — Ну, не хочешь говорить, не надо. Это действительно не мое дело. Как отсюда можно выйти?

— Никак, — подал Балашов голос.

— Никак, — повторила я, отпустила его руку и села на холодные ступеньки. — Отсюда никак не выйти, ты ничего не хочешь мне рассказывать, мы просидим здесь долго и умрем в один день.

— Не бойся, девочка, — вдруг сказал Балашов и сел рядом. — Не бойся. Я здоровый, сильный, у меня есть оружие, я что-нибудь придумаю.

Он встал и выстрелил в дверь. Пуля, отрикошетив от металла, просвистела у моего виска. Я упала ничком на ступеньки и крикнула этому борову:

— Ты опять палишь в потолок!

— В замок! — на полном серьезе поправил он.

— Тьфу! — заорала я. — Не бойся, девочка! Мы что-нибудь придумаем! Ты чуть меня не убил!

— Ну, извини, — ответил он и снова сел рядом.

— Сколько патронов у тебя осталось? — спросила я.

— Не знаю.

— Ну и ладненько. Не бойся, дяденька, я умная, ловкая, сильная, я спортом занималась, у меня есть дохленький фонарик, и ты с оружием, я что-нибудь придумаю!

— Знаешь, — вдруг сказал Балашов, — я в детстве очень боялся темноты. Не темноты, а ... темноты.

— Я понимаю, о чем ты говоришь.

— Да. Как-то в детстве, перед Новым годом, я переболел гриппом. Родители меня потом долго кутали и пугали каким-то осложнением. Я не понимал, что это такое, но догадывался, что что-то очень страшное, раз все об этом столько говорят и так этого боятся. На каникулы меня отвезли в деревню, к бабке. Там были свои порядки: в четыре утра бабка топила печку, заваривала какие-то немыслимые чаи на травах, а малиновое варенье у нее из банок не выливалось — выковыривалось. Такое густое и сумасшедше вкусное. А еще на ночь она всегда закрывала ставни. Они запечатывали окна наглухо, снаружи не проникало никакого света, даже утром. Я проснулся как-то под утро и чуть не умер от страха. Понял, вот оно — «осложнение»! Я ослеп. Потому что так темно не бывает, все равно хоть что-то в темноте видно: контуры, тени. А тут — равномерный черный занавес. Я заорал: «Баба, у меня осложнение! Я ослеп!»

Бабка прибежала, засмеялась и сказала: «Этo ставни, дурачок!», но я не поверил и успел рыдаться, пока она нащупала выключатель и включила старую настольную лампу.

Балашов нащупал мою руку, взял за локоть, и мне показалось, что он до сих пор боится темноты. Боится «осложнения».

Мы помолчали, прислушиваясь, что происходит за дверью. Там ничего не происходило. Во всяком случае, до нас не доносилось ни звука. У меня сложилось впечатление, что наш противник маленький, легкий, бесшумный и практически бестелесный. Как лист бумаги. И от этого не уловимый.

— А я в детстве не боялась темноты, — шепотом сказала я. — Больше всего на свете я боялась покойников. Причем, не только покойников, но всей этой похоронной атрибутики: венков, гробов, ритуальных машин, длинных процессий. Помнишь, раньше хоронили с музыкой? Стоило мне услышать доносящиеся издалека звуки похоронного марша, я затыкала уши и забивалась в дальний угол под кровать. Я никогда не могла себя заставить посмотреть на мертвеца.

Мы опять послушали тишину. С каждой секундой это становилось все невыносимее.

— Ты обещал что-нибудь придумать! — крикнула я, чтобы стряхнуть с себя страх.

— Это ты обещала, — усмехнулся Балашов. — И даже упомянула свое спортивное прошлое.

— Упомянула. Не на тебя же рассчитывать. Только кретин будет стрелять в железную дверь.

— Только кретин, — согласно кивнул он.

Меня взбесила его покорность.

— Только кретин женится на кукле, не догадываясь, что она беременная и хочет решать свои проблемы за его деньги.

Я ждала, что он залепит мне пощечину, но он не залепил. Только задышал часто и тихо заговорил:

— Я всегда знал, что Эля не моя дочь. И знал, что весь город об этом говорит. Только на город мне плевать. Мне даже плевать на то, кто на самом деле отец моего ребенка. Если Кире удобнее было считать, что я не знаю правды, я решил — пусть считает. Так лучше для всех. Для Киры, для меня, для Эли. Для семьи лучше. Неужели холодному обывательскому носу, который суется во все чужие дела, этого не понять?

Вопрос был явно ко мне. Я хотела поправить его, что нос не холодный, а любопытный, но промолчала. А он продолжал:

— Ты не представляешь, какая она была — Кира. Как цветок — нежный, заморский. Она ничего не могла сама. Даже откинуть кресло в самолете. Даже пристегнуть ремень. Она была не такая, как все. Теперь женщины все могут — водить машины, зарабатывать деньги... спускаться по отвесной стене. Она не такая. Она слабая, беспомощная и беззащитная. Ей нужна была забота. И нужны были деньги. Она бы пропала, ее бы растоптали. То, что она беременна и хочет как-то пристроиться, устроить будущее своего ребенка, я сразу понял. Не знаю — как. Понял, и все. Только что в этом плохого? Ну, что в этом плохого? Я ее ни о чем не спрашивал. Баловал, задаривал, берег...

И тут меня неожиданно понесло:

— Рафинированных, беспомощных дамочек, видите ли, хочется любить, оберегать и баловать! Они нежные, они, видите ли, не могут даже сами пристегнуться в самолете! Тебя сделали, Балашов, тебя обули! Потому что ты — слюнтяй и ботаник! Нет, ты даже не ботаник, ты... ты... синоптик! У тебя деньги и положение, на тебя всегда будут кидаться трогательные девочки в дешевых платьях, с бижутерией в ушах!

А что у меня? Мама-инвалид, муж, не желающий работать и пьющий, сын-подросток, которому надо много всего. А где взять деньги? Я давно уже не сплю и вкалываю как лошадь на трех работах. Вот и к Андрону из-за этого устроилась. А потом началась цепь мистических совпадений. Я, по своей дури, перепутала, кому отдать главный приз на презентации, и отдала его твоей Эле. Ей понравились конфеты, и моему агентству привалила твоя империя, как основной заказчик. Все решили, что я — твоя любовница. А я не стала доказывать, что это не так. Я придумала этот аттракцион с тортом, чтобы попасть сюда. Хотела тебя увидеть, подумала, что ты должен быть добрым, веселым и щедрым... — Я замолчала. Его дыхания не было слышно. Мне показалось, что он ушел, и я стою на лестнице одна. Испугавшись, уже хотела включить фонарик, но Балашов вдруг оглушительно захохотал:

— Слушай, девочка, это не я разместил заказ в твоём агентстве, а Виктор. Он уже год занимается делами концерна: решает, распоряжается, пла-

нирует. Я только подписываю бумаги, которые он мне приносит. Приносил. Я доверял ему как себе, поэтому не всегда читал их. Вернее, никогда не читал. Я верил, что он знает, как лучше. К тому же, с головой ушел в новое дело — я организовывал новое производство, это отнимало все время и силы, это было безумно интересно. Я люблю начинать новые дела, начинать с нуля. А с налаженным бизнесом, считал, Виктор прекрасно справится.

Да, Эля говорила мне про свой приз, но я и не собирался кормить вашу контору. Наверное, это придумала Кира, а Виктор сунул мне на подпись договор с агентством. Ха-ха-ха! Бедная, глупенькая девочка, ты для этого нацепила свои перья?! А ведь я совсем не принц! Я нищий! Я слишком много бумаг подписал не глядя! Ха-ха-ха!!!

Я слушала его молча, и он, видимо, решил, что я ушла, потому что вдруг схватил меня за руку и спросил:

— Ты одна воспитываешь сына?

— Нет. Я тоже решала свои проблемы, как могла. Только я не врала мужу, что это его ребенок. У меня была с ним честная сделка: я ему — кров, еду и тело, он мне — имя в графе «отец».

— Да уж, сделка... Ничего не скажешь!

— А ты? Как же ты, такой добренький, добился того, чего добился? И все-таки тебя скушали, не сразу, но скушали!

Он опять засмеялся, но уже не так весело:

— Да, скушали. Но не сразу. Все-таки я верю — времена бандитов прошли. Можно быть умным, честным, даже добрым, делать нужное дело и зарабатывать деньги.

Больше он мне ничего не сказал. Мы снова слушали тишину. И вдруг меня осенило:

— Ярик! У тебя же мобильник! Мы можем позвонить «02»!

— Не смей называть меня Ярик! — вдруг взбеленился Балашов.

— Ну, извини. Я понимаю, только Кира может ворковать тебе: «Ярик, Ярик»! Ярослав, позвони «02», позови на помощь! Я думаю, тебе нечего бояться. Убийца бегают по дому, оружие он, скорее всего, таскает с собой. У нас нет другого выхода, звони!

— Я оставил телефон в бильярдной, — очень буднично произнес Балашов, будто этот факт не имел для него никакого значения.

Мы опять замолчали.

Напрасно мы заперли Киру с Дедом Морозом. Помощи нам ждать неоткуда. Хотели поиграть в «пинкертонов», разобраться во всем сами. А как разбираться, когда непонятно, в чем разбираться? Трудно искать черную кошку в темной комнате. Если это не кошка.

— Значит, выхода отсюда нет?

— Нет.

— А как же сюда втащили огромные стиральные машины? По этой узкой, крутой лестнице?

— Вспомнил! — заорал Балашов. — Иван Палыч как-то просил у меня денег на замок для наружной двери подвала. Наружной, черт побери! Как я сразу не догадался! Там есть где-то дверь на улицу, и, может быть, она не железная.

— Слушай, а этот дом точно замышлялся как твой? Почему ты не знаешь, где и что в нем находится? Ты что, ни разу не бывал в собственном подвале?

— А зачем мне в нем бывать? У меня много других дел. Пошли.

Я села на ступеньки и на ощупь поползла вниз. Не знаю, как спускался Балашов, но, судя по звукам, так же. Внизу я включила фонарь, и мы начали обход подвала.

Дверь мы нашли, когда уже потеряли последнюю надежду. Фонарь, едва успев выхватить ее в углублении косяков, потух и больше не отзывался на попытки его включить. Дверь оказалась железная. От безнадежности Балашов попинал ее, но кроме гулко-го грохота ничего не добился.

— Там над дверью, я, кажется, видела окошечко, маленькое, зарешеченное. А может, мне померещилось. Ведь если бы оно было, сюда бы проникал хоть какой-нибудь свет.

— С чего бы он проникал? — удивился Балашов. — Ведь на улице ночь.

— У тебя что, возле дома нет ни одного фонаря?

— Нет... вроде.

— Почему?

— Ну... я как-то не очень хорошо умею обустройства быт... Хотя да, я вспомнил, два фонаря перед домом все-таки есть. Просто мы в подвале,

и это окошко ниже уровня земли. К этой двери снаружи ведет лестница вниз. Кажется. Вроде бы. Наверное.

— Ура!

— Что — ура?

— Чуть-чуть разобрались с нашей географией. Вроде бы.

— Я сказал — наверное.

Я услышала, как он зашарил по стене руками. С его почти двухметровым ростом он с большой вероятностью мог нащупать это окошко, если оно, конечно, было.

— Есть! — сказал Балашов. — Есть окошко. Но оно маленькое. И на нем решетка.

— Давай! То, что там решетка, — это твои проблемы. То, что оно маленькое, — мои. Давай! — подстегнула я его.

Балашов завозился, засопел, закричал, даже заухал.

Мне показалось, что прошла вечность, прежде чем я услышала звон разбитого стекла.

— Дерьмовенькая решеточка, — выдохнул он.

— Придется тебе меня обнять, приподнять и придержать.

— Придется. Я стекло чисто убрал, не порежешься.

Он поискал меня руками в темноте, обнял своими клешнями, приподнял, и я начала втискиваться в узкую дыру. Ловко вывернулась до пояса и... застряла.

— Втяни живот! — громко посоветовал Балашов изнутри.

— У меня его нет!

— Тогда втяни....

— Ее у меня тоже нет.

— А, по-моему, все нормально, — вроде как сделал он комплимент из своей преисподней.

— Это у тебя все нормально, — огрызнулась я. — Сними с меня брюки. Без них я пройду.

— Что?!

— Балашов, миленький, сними с меня, пожалуйста, брюки! Они довольно толстые, в них как раз тот сантиметр, без которого я пройду.

По ту сторону стены повисло молчание.

— Эй, Балашов! Я обещаю тебе, что, если снимешь с меня штаны, то не обязан будешь жениться!

— Да не ори ты так, — подал голос Балашов. — Я просто тебя потерял, — и, до обидного неромантически, содрал с меня штаны.

— Толкай меня! — крикнула я.

— Как?

— Сильно!

Балашов понял это буквально и толкнул меня так, что я вылетела из дырки, словно жертва взрывной волны. Мое натренированное тело сгруппировалось, где надо, оттолкнулось, как нужно, но приземлилась я больно, ободрав колени, руки и даже лоб. Не знаю, со скольких метров я летела, но более опасного трюка я ни разу в жизни не делала. Хорошо, что в этом лестничном отсеке намело прилично снега и это смягчило мое жестокое падение.

— Жива? — крикнул с той стороны Балашов.

Я решила отомстить ему за все: за торт, за перья, за трупы, за молчание, за то, что надежд никаких и ни на что... Поэтому, едва отдышавшись от боли, тоже крикнула:

— Теперь твоя очередь!

Он помолчал, а потом сказал тихо и, как мне показалось, заискивающе:

— Я брошу тебе оружие, ключ от всех комнат, и ты попробуешь проникнуть в дом, чтобы меня освободить.

Мне на голову тут же посыпались ключ, штаны и пистолет. Я все собрала, натянула брюки и решила, что жизнь снова прекрасна и увлекательна.

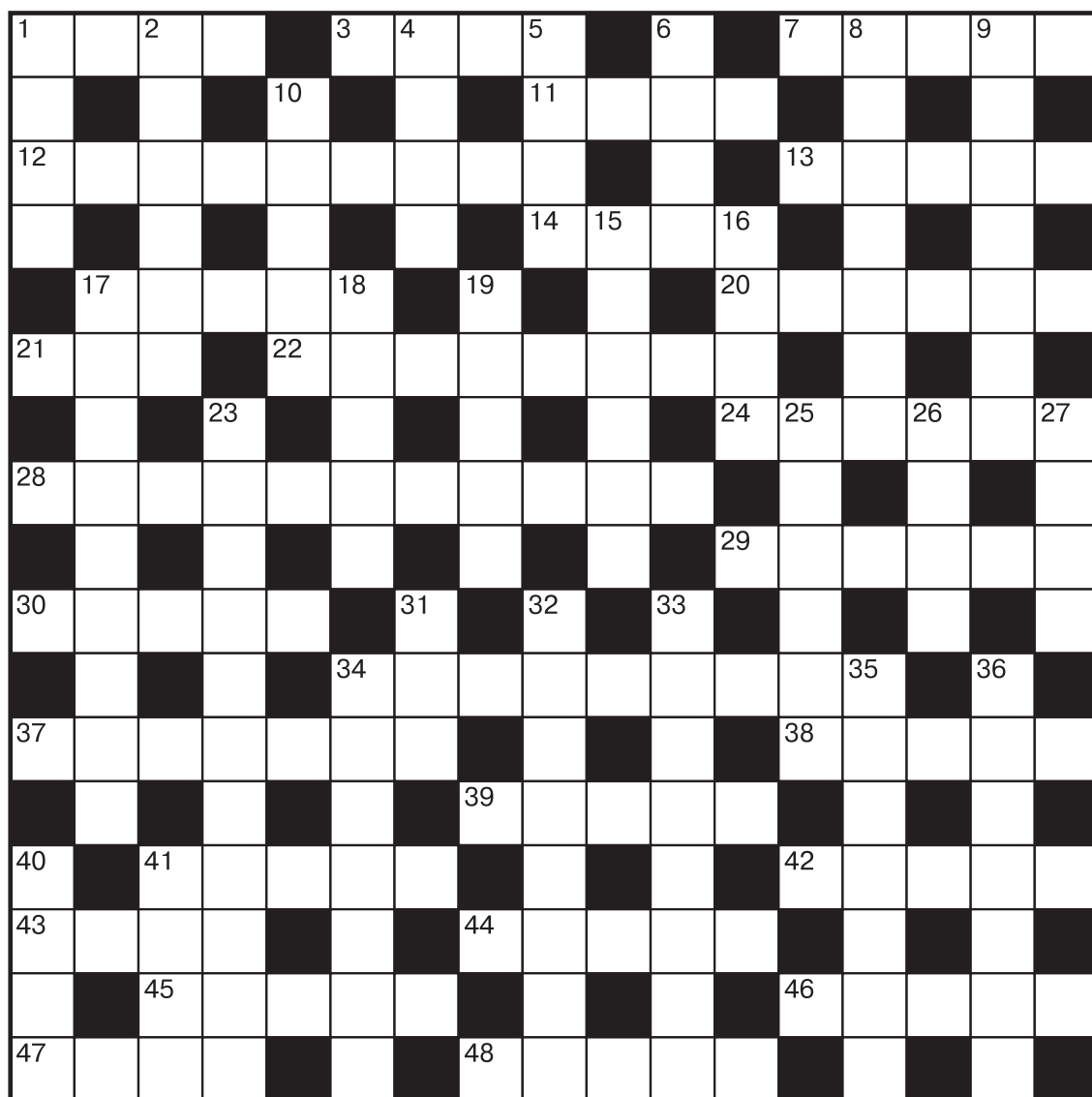
— Ключ от всех комнат в доме! Только подвал на щеколде, и входная дверь запирается изнутри. Попробуй попасть в дом так, как ты попала до этого! — крикнул Балашов.

Попробуй!

Утопая по колени в снегу, я добралась до знакомого окна, скинула Кирины туфли и забралась на подоконник. Форточка перед моим носом оказалась закрыта... □

Окончание следует.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** «А сама-то величава, выступает, словно ...» **3.** Зуб на амулеты. **7.** «Я ненавижу ее силу, но уважаю ее как актрису». Кого имел в виду Дастин Хоффман? **11.** Пьянка с гламурными порядками. **12.** «Невнятная подпись». **13.** Шлагбаум для добрососедских отношений. **14.** «Чтобы ... был крепким, жениху необходимо хотя бы раз увидеть невесту до свадьбы без макияжа». **17.** «Свирепая метель». **20.** Книжный объем.

21. Напористый грубиян. **22.** «Опера для книгочех». **24.** «Попытки контролировать всех и вся обречены на ...» **28.** Какой молочный продукт связан с деревней кота Матроскина? **29.** Какой газ ускоряет созревание плодов? **30.** Сектор подлодки. **34.** «Если врач не нашел у вас никакой болезни, значит, он ...» **37.** Кто из наших великих теноров стажировался у знаменитого адвоката Федора Плевако? **38.** Что «связы-

ваает» времена и страны? **39.** Национальная птица Соединенных Штатов Америки. **41.** Титул киногероя Олега Янковского из фильма «Тот самый Мюнхгаузен». **42.** «Билетная амбразура». **43.** Зарок монаха. **44.** Пират, зарывший клад в романе «Остров сокровищ» англичанина Роберта Стивенсона. **45.** Благодаря каким осадкам появилась игра в дартс? **46.** Из-за своей медлительности гренландская ... охотится на спящих тюленей. **47.** Рубчатый шелк. **48.** Линия метро.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Некоторые гаишники носят бронежилет, чтобы ... не прорывало казенную форму. **2.** Пустота в абсолюте. **4.** Закуска для вегетарианцев. **5.** Экзотическая начинка пирожков Солнышка Бодлер из «33 несчастья» у Лемони Сникета. **6.** От какого морового недуга мистически «оберегает» рубин? **8.** Какой острый соус из дубовой бочки добавляют в коктейль «Кровавая Мэри»? **9.** Американский штат, где в 1897 году приняли билль, по которому приравнивали число «пи» четырем! **10.** Какая

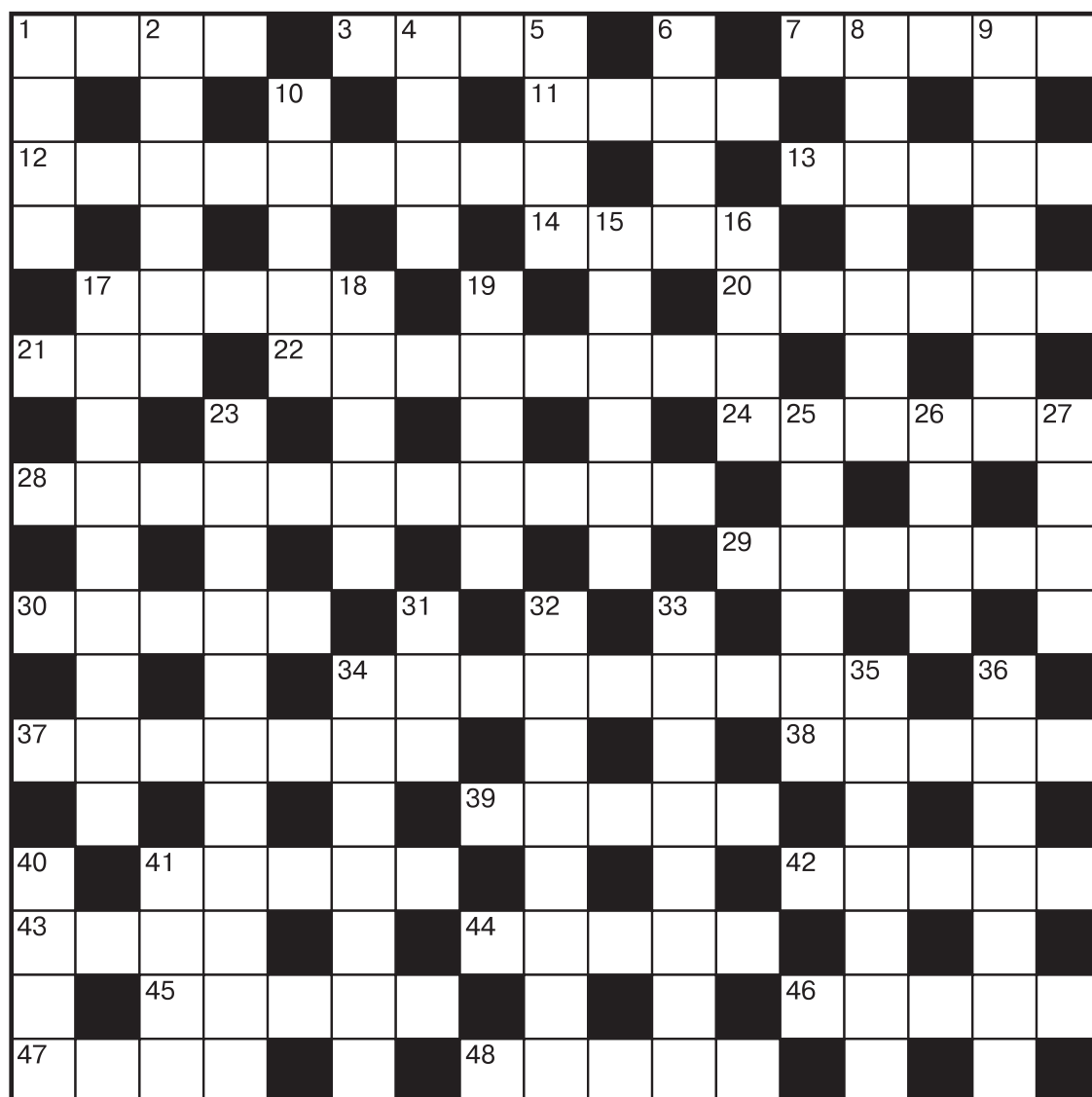
дисциплина велоспорта зародилась в Испании? **15.** Что расположено в том здании Копенгагена, на котором установлены самые точные в мире механические часы, по точности уступающие разве что атомным? **16.** Вампир в матрасе. **17.** Любимый ученик Александра Суворова. **18.** Раскольный патриарх. **19.** «Сам руби ..., согреешься ими дважды». **23.** Единственный, кому не стоит с головой погружаться в работу. **25.** Соперник пушкинского Руслана. **26.** Каждый из тех, кто в сказке «Тараканище» от испуга скушал друг друга. **27.** Что Николай Гоголь считал самым опасным и непримиримым врагом русского человека? **31.** Комиссар в погоне за Фантомасом. **32.** Детективный роман «... Эсмальди» от англичанина Джеймса Чейза. **33.** Кто «косит» от призыва в армию? **34.** «Всякому зерну своя ...» **35.** Какое прозвище получила последняя русская императрица за свою скупость? **36.** Какой дворец для французского короля Людовика XIV строили тридцать тысяч человек? **40.** Голгофа для географа. **41.** Неминучая ...

Ответы на кроссворд, опубликованный в №11

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Жуков. **9.** Салон. **10.** «Бугатти». **11.** Жеребец. **12.** Бродвей. **13.** Дуэль. **14.** Банкрот. **15.** Сверчок. **18.** Вишня. **19.** Кожа. **21.** Рулет. **23.** Ирак. **25.** Врангель. **26.** Манеж. **27.** Неуд. **29.** Алекс. **32.** Магистр. **34.** Степа. **36.** «Родня». **37.** Доброта. **38.** Спуск. **39.** Макси. **40.** Таблоид. **41.** Чехов. **42.** Литье.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Габрово. **2.** Бондарчук. **4.** Улей. **5.** Обещание. **6.** Куц. **7.** Батут. **8.** Стиль. **10.** Бесконтрольность. **11.** Женоненавистник. **13.** Дом. **16.** Гомер. **17.** Вальс. **20.** Жизнь. **21.** Разум. **22.** Оникс. **24.** Центр. **28.** Даррелл. **30.** Степлер. **31.** Епископ. **33.** Родари. **35.** Роман.

ЭРУДИТ

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Какой физик подвесил маятник к куполу парижского Пантеона? **3.** Шутница с именным стихотворным размером. **7.** Пандус для бочек. **11.** Самый северный мыс Австралии. **12.** Газеты в начале XX века писали: «Есть ... — все равно, что питаться из мусорного ведра». **13.** На что похожи звуки нападающей гиены? **14.** Сани для тех, кто пострадал в горах. **17.** В каком фильме Андрей Мягков потерял голос?

20. Каким мечом короновали польских монархов? **21.** Казачье объединение. **22.** Кто первым определил состав воздуха? **24.** Игра в «крестики-нолики» на бесконечном поле. **28.** Военное судно античных времен. **29.** Изящное украшение движения при исполнении танго. **30.** Курорт на Ривьере в произведениях Грэма Грина и Сомерсета Моэма. **34.** «Разбойник с большой дороги» у испанцев. **37.** Врачебная управа в дореволюци-

онной России **38.** Презренный подлец из словаря Фасмера. **39.** Кто открыл проникающие ливни в космических лучах? **41.** Какой областной центр знаменит «дымковской игрушкой»? **42.** Единственная в мире волейболистка, принимавшая участие в шести Олимпийских играх. **43.** Аркан у моряков. **44.** В каком замке на Адриатике обретался Райнер Мария Рильке? **45.** «В ... верят лишь те немногие, кто его творит». **46.** Форма корпуса часов, напоминающая бочку. **47.** Иноверец в исламе. **48.** Волк Одина.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Сашими из этой рыбы в хорошем японском ресторане может стоить до 750 долларов. За эти деньги вам принесут тончайшие ломтики, выложенные в форме хризантемы, сливающей там «цветком смерти». **2.** Какой хит стал «русским будильником» на МКС? **4.** Единственная обезьяна в Европе. **5.** Башкирский танец под стук каблуков. **6.** Французский город с площадью имени Нины Берберовой. **8.** Кошелек к килту. **9.** Какой фильм Йоко Оно и Джон Леннон сняли в 1971 году? **10.** «Коровья антилопа». **15.** Вдова композитора Рихарда

Вагнера по имени. **16.** Звериный облик Курта Коннора. **17.** Номинал первой русской серебряной монеты. **18.** Августовская пьеса из цикла «Времена года» Петра Чайковского. **19.** Положение пальцев рук в индийских танцах. **23.** Имперский уничтожитель из «Звездных войн». **25.** Нобелеат, создавший вакцину против кори. **26.** Португальская река, в долине которой созревает виноград для настоящего портвейна. **27.** Кинооператор, снимавший вместе с Андреем Тарковским фильм «Андрей Рублев». **31.** Цена входа в Домский собор. **32.** Федеральный канцлер, не постеснявшийся в ходе визита в Израиль встать на колени перед Стеной плача. **33.** Любимый лес леших. **34.** Какая карточная игра окружена аурой очарования в книгах про Джеймса Бонда? **35.** Ушная трубка у лора. **36.** Чем было засеяно то самое поле, где в 1969 году прошел первый рок-фестиваль под девизом «Три дня мира и музыки»? **40.** Что в доме хранил славянский бог Чур? **41.** Какой магией владеет Черная борода из «Пиратов Карибского моря»?

Ответы на эрудит, опубликованный в №11

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Ихрам. **9.** Кахон. **10.** Тунгдал. **11.** Ниагара. **12.** Филоком. **13.** Правь. **14.** Клисфен. **15.** Нельсон. **18.** «Атлас». **19.** Щука. **21.** Гидра. **23.** Паук. **25.** Удумбара. **26.** Цадик. **27.** Фриг. **29.** Октли. **32.** Бергсон. **34.** Ауксо. **36.** Шорфе. **37.** Кандиль. **38.** Чакма. **39.** Хаббл. **40.** Тбилиси. **41.** Ездра. **42.** «Варяг».

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Бацинет. **2.** Сокольник. **4.** Хаим. **5.** Ангелита. **6.** Туа. **7.** Агорн. **8.** Халва. **10.** Трискайдекафобия. **11.** Новоархангельск. **13.** Пек. **16.** Лукан. **17.** Табак. **20.** Эпифи. **21.** Гуниб. **22.** Эмбла. **24.** Бинош. **28.** Гендель. **30.** Иудаизм. **31.** Асумбре. **33.** Ногата. **35.** Сакбе.

Уважаемые читатели!

открыта подписка на 1-е полугодие 2014 года. Условия подписки на журнал «Смена» через редакцию:

Оформить подписку на журнал «СМЕНА» вы можете в редакции с получением по почте.

Для этого вам необходимо заполнить купон и оплатить квитанцию в любом отделении Сбербанка, выслать копию купона и оплаченной квитанции по адресу: 127994, г. Москва, ГСП-4, Бумажный проезд, д. 14, стр.1, или по факсу: (499) 257-13-78, либо на эл. почту: sales@smena-online.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 81 рубль 40 копеек	За 1 номер — 100 рублей 10 копеек
За 6 номеров — 488 рублей 40 копеек	За 6 номеров — 600 рублей 60 копеек

* Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

КУПОН

Ф. И. О. _____

Дата рождения _____ Индекс _____

Обл./край _____ Район _____

Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____

Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

Копия квитанции об оплате от _____ с отметкой банка прилагается.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ОАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555 (для юр.лиц)		Код ОКПО 11396455 (для юр.лиц)
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ОАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555 (для юр.лиц)		Код ОКПО 11396455 (для юр.лиц)
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Уважаемые читатели!

Открыта подписка на журнал «СМЕНА» на 1-е полугодие 2014 года и годовая (через каталог «Газеты и Журналы Агентства «Роспечать»), в любом отделении почтовой связи.

КАТАЛОГ «ГАЗЕТЫ ЖУРНАЛЫ АГЕНТСТВА «РОСПЕЧАТЬ»		Индекс 71518 — льготный — для пенсионеров, инвалидов и ветеранов Индекс 70820 — для остальных подписчиков Индекс 70656 — годовая подписка
КАТАЛОГ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ «ПОЧТА РОССИИ»		Индекс 99406 — для всех подписчиков
ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ «ПРЕССА РОССИИ»		Индекс 88998 — для всех подписчиков

Подписные индексы действительны для подписчиков Российской Федерации

Вся
пресса
в одном
месте!

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Библио-Глобус»

 БИБЛИО-ГЛОБУС
ВАШ ГЛАВНЫЙ КНИЖНЫЙ

« Осенью 1909 года литературный Петербург был потрясен: появилась безумно талантливая и столь же загадочная поэтесса, которая прислала в только что созданный журнал «Аполлон» письмо на надушенной бумаге с потрясающими возвышенными стихами. Подписи не было — лишь буква «Ч». А вскоре раздался телефонный звонок, и главный редактор Сергей Маковский услышал обворожительный голос поэтессы, раскрывшей свое инкогнито и назвавшей свое имя — Черубина де Габриаки. Так началась блистательная и фантастическая литературная мистификация, подготовленная известным поэтом Максимилианом Волошиным и воплощенная в жизнь мало кому известной поэтессой Елизаветой Дмитриевой...

Денис **Логинов** «Мистификация Серебряного века»

« Спектакли с ее участием вызывали у публики не меньший ажиотаж, чем сегодня мировые премьеры голливудских блокбастеров. Она не мыслила жизни без театра. Даже после тяжелой операции, когда ей в возрасте 72-х лет ампутировали ногу выше колена, она продолжала выступать, передвигаясь по сцене на специально изготовленном для нее паланкине. Лучшие ее роли французы считали таким же национальным достоянием, как Триумфальная арка или Эйфелева башня, а вырезки из газет и журналов с рецензиями на ее спектакли могли бы опоясать земной шар. Ее многочисленные любовные похождения удивляли даже выдавших виды парижан. Но только двое мужчин по-настоящему владели сердцем великой актрисы Сары Бернар...

Алла **Зубкова** «Божественная Сара»

« О современных Олимпийских играх известно, наверное, все или почти все. А вот как и когда это зарождалось, можно узнать из легенд и мифов древней Греции. В преддверии Олимпиады мы, не изменяя своей традиции, тоже решили провести своеобразный экскурс в прошлое и рассказать об истории Олимпийских игр и их легендарных героях.

Евгений **Гик** «Экскурс в историю Олимпийских игр»

« Не за горами любимый всеми праздник — Новый год. Что нам готовит год грядущий? Каким будет год Лошади? Астрологи предполагают, что очень удачным он окажется для трудолюбивых, оптимистов и целеустремленных людей. Как и в чем его встречать, что должно быть на праздничном столе, и что ждет представителей всех 12-ти знаков зодиака, вы узнаете, прочитав материал

Татьяны **Харламовой** «Встречаем Год Лошади»

« Окончание детектива Ольги **Степновой** «Снегурочка в беде»